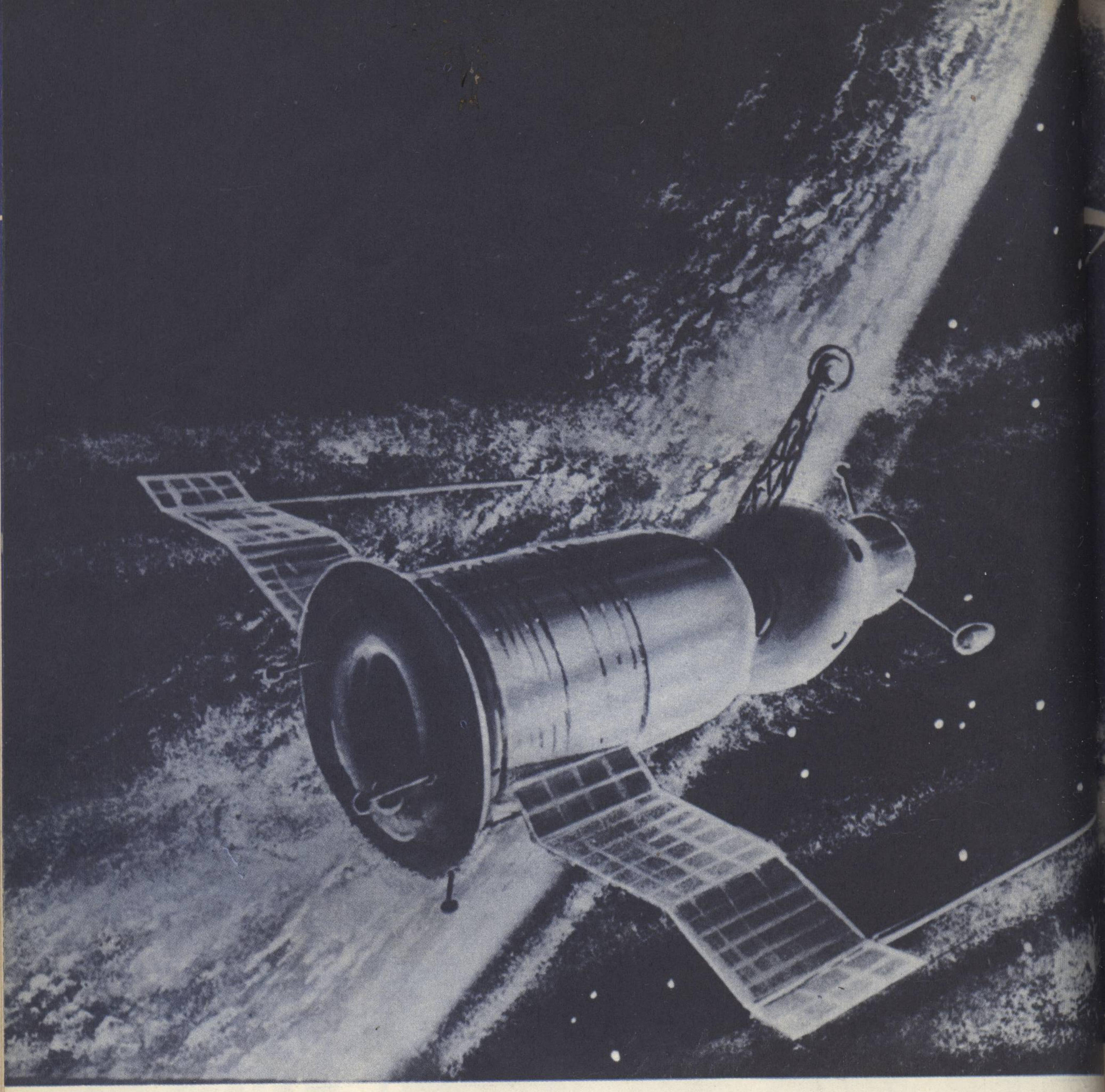
ПИОНЕР

МАРТ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

«Амур, я Байкал!»

Спасибо телевидению и радио! Мы все были в космосе, мы волновались, когда встретились и соединились в одно целое, в первую орбитальную станцию два космолета; когда, выйдя из них, работали над звездной пропастью два советских человека — первая рабочая бригада в открытом космосе.

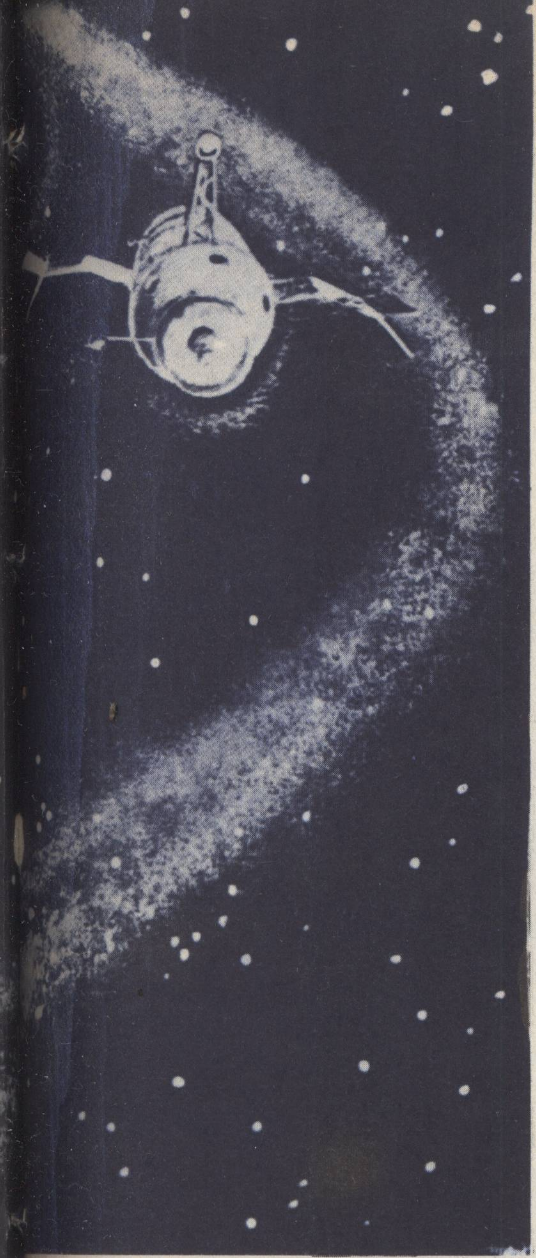
Мы видели, как плавают в кабине сложные оптические приборы и перчатки космонавта; мы видели первый в мире переход из корабля в корабль. Помните? — медленно вплывал в поле зрения, вырастая и заполняя телевизионные экраны, космический корабль с распростертыми крыльями солнечных батарей. Мы смотрели на это с Земли и в то же время — из космоса, с другого космического корабля.

Мы были там не только мыслью, мы видели все воочию. Мы слышали голоса космонавтов, деловые краткие вопросы, ответы, команды, даже шутки.

Мы следили, мы затаили дыхание, теперь уже и нам видны какие-то непонятные детали стыковочных устройств надвигающегося на нас корабля. И вот над всей планетой звучит ликующий голос космонавта-13: «Добро пожаловать, Байкал! Добро пожаловать!»

Мы видели, мы слышали, мы радовались, и все же Алексей Архипович Леонов, первый житель нашей планеты, выходивший из корабля в космическое пространство, знает об этом в тысячу раз больше, чем мы, в тысячу раз ярче представлялось ему — космонавту и художнику — все, что происходило там, на орбите. Посмотрите рисунок, который он сделал в содружестве с другим художником, мечтателем и фантастом Андреем Соколовым.

А про космическую встречу Амура с Байкалом, про фантастику, которая стала явью, мы еще поговорим подробнее в следующем номере журнала.

«Встреча на орбите».
Рисунок летчика-космонавта А. Леонова и художника-фантаста А. Соколова.

Здравствуй, читатель! Вот в руках у тебя уже третий номер журнала. МАРТ — и, значит, ВЕСНА. Хорошо!

Впрочем, читать неплохо в любую пору года, так думает *КЛЮЧИК*, и кто станет с ним спорить?

В рассказе В. Тузова идет урок географии. У доски стоит Аникин, и, кажется, сейчас он получит двойку... Но — стоп. Ключик не подсказчик, его дело заинтересовать...

Африка. Жаркая, далекая Африка в номере. Журналист А. Сербин рассказывает о богатствах солнечного континента, о горах арахиса, о прекрасном хлопке и о том, как советские геологи нашли в Африке золото и алмазы.

В новом разделе «САМОЕ-САМОЕ» — станок-гигант, станок — на все руки умелец.

«Марка не просто картинка цветная, это привет из далекого края». Так начинаются стихи, и они в самом деле о марках. Есть в номере и другие стихи, они о скрипичном смычке.

В «Глиняных сказках» бабушки Хамро речь идет о веселой, о красивой, о живой глине...

Сирано де Бержерак жил во времена Д'Артаньяна и шпагой владел не хуже. А сегодня у него день рождения. Приглашаем всех на страницу 66.

Путешествие по пустыне под парусами. Смотри рассказ журналиста В. Пескова.

Доходят ли до тебя, читатель, сигналы радиостанции «Здравствуй»? Она работает на пионерской волне.

«Мессенская война» Л. Воронковой продолжается и в этом номере. А сказка В. Каверина о «Летающем мальчике» заканчивается.

А потом загляни в «ПОЧЕМУЧКУ», не пропусти «ЧНЧ», сыграй партию с «ШАХОМ» и, получив мат, не отчаивайся, а ступай к Смехотрону, он у нас в этом номере отправляется в путешествие.

Кажется, обо всем почти сказано, но самое приятное в том, что это только первая страница журнала и все-все впереди.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

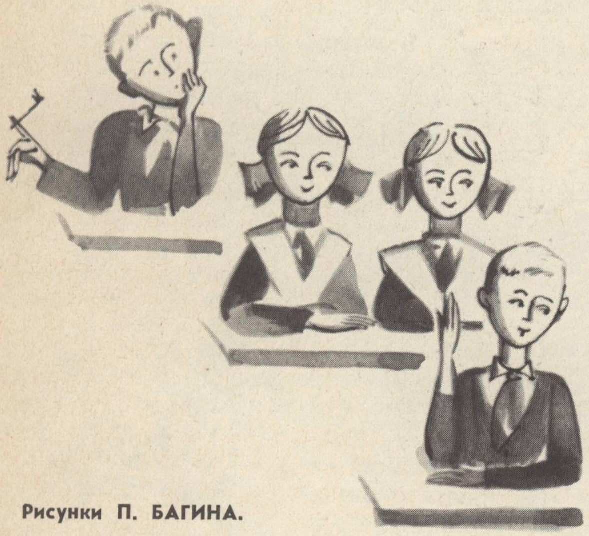
Издательство «Правда»

1969 г.

Болеслав, Слава и страна Польша

РАССКАЗ

Виктор ТУЗОВ

Рисунки П. БАГИНА.

Инна Сергеевна подвинула классный журнал, и авторучка поползла вниз, от А до Я. Все принялись листать страницы учебников географии, задвигали ногами, заелозили по партам. В чистом, пронизанном осенним солнцем воздухе скороговоркой зазвучали отрывочные сведения по экономике, промышленности, сельскому хозяйству, внешней торговле и финансам страны Польши.

Отличник Саша Курочкин сидел на первой парте с ласковыми глазами человека, уже получившего пятерку. И все остальные двадцать девять учеников 7-го «А» еще раз зауважали Сашу Курочкина — сильно и небескорыстно — за то, что он не гнулся к учебнику и мог выйти четко к доске, и они с надеждой посматривали на его прямую спину. Курочкин это чувствовал, усмехнулся и медлил. Авторучка Инны Сергеевны повернула задумчиво вверх. Класс замер. Курочкин осознал кульминационный момент напряжения и лениво поднял руку. И все остальные двадцать девять учеников 7-го «А», рядовых граждан, по разным причинам не выучивших урока так, чтобы «от зубов отскакивало», вздохнули.

— К доске пойдет Аникин,— бесстрастно сказала Инна Сергеевна.

Все посмотрели на Славу Аникина. Он открыл крышку парты, облокотился двумя руками, отжался и встал, не до конца распрямившись. Таким он и прошел к столу, повернулся, посмотрел в журнал, словно надеясь на какую-то ошибку, но напротив его фамилии уже стояла галочка, пригладил ладонью волосы, поправил пиджачок и задумался. И сказал:

— Польша — страна большая.

Отличник Курочкин засмеялся, и две девочки-близнецы, Галя и Валя Смеляковы, тоже засмеялись, потому что они вообще любили смеяться. Длинный Гоша на последней парте онемел. Он разговаривал во время урока редко, но всегда басом и громко — он не умел разговаривать шепотом и получал замечания. Аникин посмотрел на Гошу и повторил:

— Польша — большая страна.

Гошу Длинного словно загипнотизировали. О чем он сейчас думал — неизвестно, но Аникину хотелось верить, что о стране Польше и о том, что она большая. Но Гоша достал ключ из кармана, надел его на палец и крутнул, как пропеллер самолета. Вполне возможно, что Гоша на этом самолете улетал вон из класса к себе домой, усаживался за стол и принимался доделывать ракету. В качестве горючего предполагалось использовать карбид, тот самый, который закладывают в специальные баки с водой, начинает выделяться газ — им рабочие режут металл.

— Мы поехали в Польшу на поезде,— сказал Аникин.— Ехали долго.

Отличник Курочкин перестал смеяться, выразив, однако, на лице сомнение. Смеляковы, конечно, тоже, а Гоша Длинный, сделав небольшой круг, приземлился все же в классе и подпер кулаками подбородок, ключ на пальце торчал, как антенна.

— ...И приехали в Варшаву. На вокзале

— Польша—страна большая...— сказал Аникин.

было много народу, и все говорили по-польски.

Аникин потер лоб. Девочки-близнецы смотрели с поддельным интересом. Гоша Длинный на фоне белой стены был высок, как памятник. Чуть выше висел портрет Ломоносова. Инна Сергеевна посмотрела на портрет Ломоносова, и Аникин еще раз потер лоб. Близнецы Галя и Валя держали руки наготове кулачками, не распрямляя ладошек, дожидаясь нужного момента и не решаясь.

— Болеслава не было,— сказал удрученно Аникин, посмотрев на свои лыжные ботинки.

Инна Сергеевна неохотно опустила глаза в классный журнал, вспомнив, взяла авторучку, провела ею сверху вниз по графам, и все в классе знали, что спасет положение только он, Курочкин.

— Курочкин, помогите нам,— сказала Инна Сергеевна и стала смотреть в окно.

Смеляковы запоздало

— Кто такой Болеслав? — спросила Инна Сергеевна.

выпрямили ладошки. Курочкин вышел из-за парты и торжественно сказал:

— Польская Народная Республика — государство в Центральной Европе. Территория — триста двенадцать тысяч пятьсот километров в квадрате, население — тридцать один и шесть десятых миллиона человек. Столица — Варшава.

— Продолжайте, Аникин,— сказала Инна Сергеевна, и она мудро посмотрела на класс. Курочкин уютно опустился на парту.

— Довоенная Польша — отсталая, аграрная... аграрно-индустриальная страна... Половина земли... владели помещики,— тяжело, по инерции сказал Аникин и окончательно уставился в ботинки.

Инна Сергеевна еще раз посмотрела в окно. Желтые и еще зеленые листья тополей подступали к стеклам, и вялость, искусственность были разлиты в ветвях, мокрых от ночного дождя. Инна Сергеевна любила в осени противоречие: думая о зиме, мечтала уже о весне.

Заставив себя удивиться спасительной фантазии ученика, она раздумала ставить двойку. Она знала о них все. «Боже мой, все!» Но всегда надеялась на крупицу нового, которое подчас круто изменяет мнение о каждом из них и действительно заставляет удивляться. Ее считали пока еще неопытным педагогом.

— Кто такой Болеслав? — спросила Инна Сергеевна нетерпеливо, вспоминая выражение Алексея Александровича, физика, работавшего здесь с основания школы: «Опыт приходит в борьбе со скукой». Физик усмехался острым подбородком и резкой складкой щеки. Инне Сергеевне виделись в этом и замкнутость характера и даже суровость. Но на кого, как не на Алексея Александровича, смотрели с немым обожанием ученики! Думая так, Инна Сергеевна приятно розовела.

— Расскажите о Болеславе. Польский мальчик? — сказала Инна Сергеевна, принося в жертву жесткие рамки школьной программы и тревожно радуясь.

Курочкин взметнул тонкие брови, изобразив взрослое удивление. Инна Сергеевна подумала, что точно так же, наверное, поднимает тонкие брови и его отец, и есть что-то плохое в том, что сын копирует эти движения, еще не узнав им цену. А скоро, годика через четыре, эти взлетающие тонкие брови, красиво положенные руки, задумчивый наклон головы будут на кого-то производить впечатление. Инна Сергеевна еще раз вспомнила острый подбородок и резкую складку. Близнецы Смеляковы смотрели на Аникина, как на человека бесповоротно конченного.

— ...торговые отношения со ста сорока девятью странами,— беззвучно произнес Аникин и уставился в пространство.

Гоша Длинный резко засунул ключ в карман: все это дело ему стало не нравиться. Скажи, не выучил,— и все тут. Что тянуть резину на паршивую тройку!

Пространство оказалось больше класса — оно расширилось, распространилось за портрет Ломоносова, за белые стены, зачеркнуло удрученную гримасу Гоши Длинного, и в этом пространстве зазвучали голоса, заиграли солнечные блики, воссоздались четкие ограды, деревья, как на юге, строгие дома — Аникин шел по Варшаве. Он держал в руке конверт и смотрел на адрес: Братская улица, 4, квартира 7, Болеславу Домбровскому. И он нашел улицу, и дом нашел, и увидел широкую лестницу, и повернул назад.

— Кого вам, мальчик? — спросили над его головой.

Аникин протянул конверт.

— Сюда, сюда, пожалуйста, — величест-

венно сказал старик, показывая на вход, и Аникин, подпихиваемый насупленно-торжественным взглядом старика, взошел по лестнице и нажал на кнопку. Тут же чьи-то руки провели его через полутемную переднюю, через какие-то комнаты, строгие и странные, и остановили посередине большой комнаты, на ковре — толстом, мягком. И Аникин начал вспоминать, вытер ли он ноги.

— Он, это он, Людвиг.— И Аникин увидел мальчика в глубоком, старинном кресле. Мальчик обращался к щуплому, невысокому человеку — Людвигу и повторял: — Он, это он.

Людвиг повернулся к Аникину, и протянул ему две руки, и сказал, улыбаясь:

— Садитесь, пожалуйста.

— Правильно, Людвиг,— сказал мальчик серьезно.

Аникин опустился на стул.

— Прошло два года четыре месяца и двадцать четыре дня, как я написал вам первое письмо. Вы ответили,— сказал напряженно Болеслав и обвел комнату задумчивым взглядом.

Аникин тоже посмотрел и увидел много книжных полок, книги, тисненные золотом, с мрачноватыми корешками, и Людвига — человека средних лет, рот его был перекошен улыбкой, и он, видимо, ничего не мог с этим поделать.

— Я вас представлял таким же,— сказал мальчик, но Аникину стало почему-то не по себе.

— Принесу кофе,— сказал человек, и Аникину захотелось, чтобы он не уходил.

— Правильно, Людвиг,— повторил мальчик.

Людвиг вышел, быстро распрямив плечи и даже довольно поведя ими.

Мальчик, посмотрев пристально на Аникина, наклонился к нему и тихо спросил:

— Ты писал об игре в «казаки-разбойники». В чем суть?

Аникин начал как в классе, отвечая полными предложениями:

— Игра в «казаки-разбойники» состоит в том, что...

Болеслав слушал, откинув голову на спинку кресла, глядя на тяжелую, бронзированную люстру.

— Интересно, очень интересно,— сказал Болеслав, выразив жестом тонких рук и наклоном худого тела удовольствие, и Аникин заметил, что его ноги, сложенные одна на другую, остались неподвижными, словно существующие сами по себе.

Людвиг принес кофе, и Аникин уставился в кофейную пенку, вдыхая вкусный запах пара.

— Знаете, Людвиг,— сказал мальчик,— нужно показать гостю Варшаву. Только не обобщайте. Вы всегда ужасно обобщаете, Людвиг.

Людвиг согласно закивал головой и потер руки.

— Сейчас и покажите. Я подожду,— сказал мальчик.

И они вышли с Людвигом на улицу, и Аникин все пытался объяснить себе это состояние неудобства и недоумение, которое возникло от встречи, и не мог.

Людвиг устроил сплошное движение: он покупал мороженое, сажал в такси, показывал, рассказывал, волновался, потирал руки, и Аникин видел, что этот Людвиг счастлив. Аникин ел мороженое, карманы его наполнились конфетами и всякими безделушками — безусловно нужными,— но в этом он разберется потом. Он старался быть внимательным, но впечатления стали громоздиться одно на другое, путаться, и город Варшава стал вырастать в вереницу улиц, перекрестков, людей, заводов, фабрик, музеев, кинотеатров...

Людвиг показывал город, волновался, потирал руки.

Впечатления Аникина совсем потеряли четкость, и появилось только одно, главное — город очень большой, Людвиг — замечательный, добрый человек, и он, Аникин, в этом большом городе для Людвига и Болеслава что-то значит.

Людвиг, конечно, обобщал:

— Видите, здание. Нет, вот это. Груды камней. Мы выбирали целые, нераздробленные кирпичи и строили. И вот это тоже.— И он потрогал угол здания, выкрашенного в желтый цвет. — Варшава встала из руин. Хотите шоколаду?

Широкая лестница, по которой Аникин опять поднимался, поставила перед ним

вновь задачу, которую он за неимением времени еще не разрешил. Он вспомнил комнату, ковер и вовремя вытер ноги.

Комната оказалась меньше и мягче, а заоконный мир стушевался сумерками, четче и печальнее выделив мальчика под торшером. Он сидел все еще в кресле и в той же позе. Аникин сразу же начал говорить о городе, и о Людвиге, о мороженом, конфетах и безделушках. Кое-что он забыл, но дополнял фантазией. Болеслав слушал, подперев висок кулачком.

— Видите, как интересно, Людвиг. Вы сейчас бы обобщали.

Людвиг сидел в углу и тихо ликовал.

Тогда Аникин рассказал об автомобильной шине, которую катили по тротуару трое ребят, толкая ее ногами, и шина опрокинула урну. Болеслав победоносно посмотрел на Людвига.

Аникину с каждой минутой становилось легче, задача уходила, может быть, он даже ее выдумал. А когда он сумел посмотреть на неподвижные ноги Болеслава, такие тонкие, что узкие брюки казались шириной с матросские, и продолжать говорить о шине, въехавшей прямо в двери кондитерской, причинив невообразимый переполох, он понял: все замечательно, все хорошо. И уже убегали от рассерженного кондитера не трое неизвестных ребят, а его друг Болеслав, ликующий Людвиг и он сам, Аникин.

— Спасибо,— сказал Людвиг Аникину на вокзале.— Пишите. Вы все понимаете...

— Кто такой Болеслав? — переспросила Инна Сергеевна.

— Один польский мальчик. Он написал письмо, он хотел переписываться с каким-нибудь советским человеком. Я стал с ним переписываться.

— И он тебя не встретил на вокзале,— вспомнила Инна Сергеевна.

Аникин опять уставился на ботинки. Смеляковы смотрели с интересом, желая встречи пусть Аникина, но с одним иностранцем, к тому же за границей. Отличник Курочкин перестал интересоваться предметом ввиду полной несостоятельности отвечающего. Гоша Длинный посылал знаки, полные грозного предупреждения. Аникин вспомнил лицо Болеслава и неожиданно соврал:

— Встретил, и мы пошли с ним по Варшаве.

Инна Сергеевна сделала нетерпеливое движение, но решила не прерывать.

— Мы ели мороженое, конфеты, шоколад. Осматривали завод. В 1965 году Польша выпустила двадцать одну тысячу пятьсот двухосных тракторов...

И Аникин рассказал урок.

— Пятерку ему,— сказал с последней парты Гоша Длинный басом и громко, потому что он не умел говорить шепотом.

Болеслав сидел все еще в кресле в той же позе.

Нашим мамам, бабушкам, учительницам, вожатым в день 8 марта наш ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

Все мальчики — читатели журнала «Пионер»

Москва—Воронеж, ТУДА И ОБРАТНО

Вы помните, ребята, историю, которая произошла в 7-м классе «Б» 28-й воронежской школы? Там девочки объявили мальчикам бойкот. Об этом рассказано во втором номере «Пионера».

Пока мы не получили ваших писем, решили послушать, что говорят о бойкоте семиклассники в одной из московских школ. Класс мы выбрали случайно — просто потому, что он тоже был 7-й «Б», и спросили:

— А у вас могло бы дойти до бойкота? А у вас мальчики водятся с девочками?

Ребята подумали, пошептались и говорят:

— Нет, у нас не могло бы. У нас все всех считают за людей.

Мы спрашиваем:

— А если по правде?

Ребята еще немного подумали и говорят:

— По правде, не могло бы. У нас мальчишки с девчонками водятся.

— 7-й «Б» — он вообще образцовый,— сказал из угла насмешливый голос.— У них лозунг «Мир и дружба между народами».

— А у вас какой лозунг? — спросили мы. — И кто это — вы?

— Мы—это 7-й «В»,— сказал, вылезая из угла, незнакомый мальчишка. — А наш лозунг: «Ударь ее, не то она ударит тебя».

Мальчишка пересек комнату и направился к дверям.

— Постой, — сказали мы. — Что ж, вы девчонок бьете?

— Бьем, — сказал мальчишка. — А что делать? Если ты парня стукнешь, он тебе сдачи даст. А девчонка — необязательно.

С этими словами представитель 7-го «В» независимо удалился из пионерской.

А мы остались наедине с «образцовым» 7-м «Б».

На вид ничего «образцового» в них не было. Симпатичные такие ребята. Вроде бы не воображалы. Вроде бы не тихони. Люди как люди.

И мы у этих людей спросили:

— Как вы думаете, почему так получается, что мальчики в воронежском отряде отказывались от всех дел? Почему отряд распадался на два лагеря?

Ребята еще раз подумали, а потом подтолкнули ВОЛОДЮ БУРМИСТРОВА: встань, мол, скажи...

И Володя сказал:

— Потому, что им было скучно. Им было нечего делать. От скуки в человеке появляется злость. В пятом классе я из-за такой злости остался без лучшего друга. От нечего делать мы и поссорились. До сих пор не помирились. А когда все заняты делом, небось, не заскучаешь. И злости некогда набираться.

— Ты скажи, почему мальчишки от всего отказываются, — подсказали Володе с места.

— Потому, что им неинтересно,— сказал Володя. — От интересного дела какой дурак откажется? Приказ отдать — и то можно по-разному. Можно так, что только и подумаешь: «Как бы мне отвертеться!» А можно так, что побежишь-заторопишься: «Как бы без меня не обошлись!»

Я летом был в лагере. Там каждые три дня что-нибудь случалось. Например, объявят на линейке: председателям отрядов явиться в штаб. Приходят. Им молча вручают пакет. Иди, мол, в отряд, разбирайся. Распечатаем — там лист ватмана. На одной стороне карта, на другой — шифровка. Теперь давай разгадывай. Ну, прочтем все вместе. Оказывается, приказ: завтра в 9.00 отправиться в поход. Маршрут указан на карте. Идти по азимуту. Стоянки найдете по знакам в пути. Перед выступлением

убрать территорию лагеря. Победителем считается тот отряд, который первым достигнет памятника боевой славы.

Тут, небось, не станешь спорить, кому охота убирать территорию, а кому не охота. Спозаранку метлы и грабли нарасхват: каждый торопится в поход, каждому хочется обогнать другие отряды...

А если бы нам просто велели подмести дорожки и расчистить газоны, еще неизвестно, как бы все обернулось.

На этом месте МИША ФИЛАТОВ замотал головой и сказал:

— Ерунда!

— Что «ерунда»?

— Что касторку надо сунуть в конфету и тогда она станет сладкая. Засунь уборку внутрь похода — тут тебе каждый полюбит веник! Нет, интересно становится, когда ты знаешь, что от твоей работы будет прок.

Одно дело — скажут тебе: «Иди собирай металлолом». И совсем другое, когда ты знаешь, для чего этот металлолом нужен. Когда мы были в пятом классе, вся школа, от второго класса до десятого, собирала металлолом, а на деньги за него нам купили новые парты. Очень было здорово — во всех классах новые парты! Или на деньги за макулатуру мы купили игрушки для детского сада. Не очень богатый был садик, игрушки у них все поломались. Мы им накупили пищалок всяких, машины с гаражами принесли. Малыши обрадовались — до потолка прыгали! И такие вежливые оказались: склеили нам на елку гирлянды из цветной бумаги. В благодарность...

Пока говорили мальчики, получалось так, что в бойкоте виноваты были девочки. НАТАША БАКОНИНА не выдержала такой несправедливости и вступилась:

— Я воронежских девчонок понимаю. Они очень обиделись на мальчишек, поэтому объявили бойкот. Только, наверное, тут можно было помочь и разговором. У нас был такой серьезный разговор, еще в шестом классе. Мы проводили сбор о письмах Крупской. В письмах говорилось о том, как школьники должны относиться к труду и к учебе. И мы стали вслух думать, как же мы относимся к труду и к учебе. Честно говорили, кто что думает друг о друге. Даже хороших учеников ругали! Этого ведь не достаточно, чтоб у человека были хорошие отметки по предметам. Это еще не значит, что у него правильное отношение к труду.

Многие ребята тогда обижались, девочки некоторые даже плакали, но никто ни с кем не поссорился. Даже лучше стали дружить после этого сбора.

Я думаю, что в той воронежской школе ребята не очень хорошо знали друг друга. Вернее, друг друга не понимали. Когда после бойкота пришлось им поговорить всерьез, по душам, по-человечески, оказалось, что все со всеми могут договориться. И не надо никакой «холодной войны».

— По-моему, девочки все-таки виноваты, — сказала НАТАША КУКУШКИНА. — Они все придумывали сами и придумывали только для себя. Наверное, получалось так, что дела в классе затевались только такие, которые интересны девчонкам. А мальчишки от этих девчоночьих дел отмахивались.

— А где же были тогда мальчишки? — спросил СЕРЕЖА ЛОСЬ. — Что ж они-то ничего не предлагали? Мало ли чего можно было напридумывать! Весной — поход за ландышами (мы ходили как-то, целые охапки принесли домой, даже люди на улицах оглядывались). Зимой — лыжный поход. Баскетбольную секцию можно организовать или открыть фотокружок или клуб филателистов. Много есть интересных для мальчишек дел.

Тут дверь в пионерскую распахнулась, и незнакомая девочка сказала:

— Привет, 7-й «Б»!

— Привет, 7-й «В»! — ответили ей ребята.

А мы обрадовались случаю и спросили:

— Правда, что у вас мальчишки дерутся с девчонками?

— Враки! — выпалила девочка. — Я знаю, кто вам сказал. Видела, он отсюда выходил! За такие слова портфелем полагается! — И она исчезла.

— Будет теперь Мишке, — вздохнули мальчишки.

— Ну уж, — ответили девочки. — Мишка быстрей Ленки бегает.

МАРИНА СНИМЩИКОВА подняла руку и сказала:

— Я еще про бойкот. По-моему, не надо никого заставлять. И если кому-нибудь неохота, нечего его тащить силком. У нас ведь тоже был конкурс инсценированной песни. И наши мальчишки тоже поначалу не хотели участвовать. Мы выучили песню, стали репетировать. Мальчишки разок послушали — им понравилось. И стали петь вместе с нами. Потом с такой охотой собирали костюмы для конкурса! Пилотки тащили, тельняшки, фуражки — у кого что нашлось. И никто не удирал с репетиций.

— Я удирал, — сказал ОЛЕГ МАРКЕЛОВ, — то есть я хотел удрать. Но со мной никто не пошел, а одному убегать неинтересно. Удирать всегда надо в компании. А потом стою и думаю: «Все поют, а я, что же, хуже всех?!» Взял и запел!

Тут как раз прозвенел звонок на уроки, и 7-й «Б» помчался в свой класс.

Москва, 716-я школа.

Спасибо всем ребятам, приславшим письма!

Здравствуй, «Экспедиция», здравствуй!

Нам пришло уже три письма от ребят из городов: Богодухова, Перми и Липецка. Ребята прочитали наш рассказ в журнале и спрашивают: «Как у вас работают мальчики?»,— рассказывают о своих классах. Мы всем послали ответы и рассказали о нашем отряде поподробнее.

Сейчас у нас много работы. Готовимся к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Все ребята закончили четверть на «хорошо» и «отлично», неуспевающих нет. Проводим по средам политинформацию, помогаем старым. Ребята подготовили команду хоккеистов. Встретили Великий Октябрь замечательно! Убрали улицу, окопали деревья, поздравили своих родителей от имени отряда. Сейчас продолжаем работу.

До свидания.

С уважением, по поручению отряда имени Гайдара,

Лена СВЕТЛИЧНАЯ.

Курская обл. Беловский р-н, с. Белое,
ул. Филимонова, 45, отряд имени Гайдара.

Здравствуй, дорогая редакция!

После моей статьи в журнале я получила письма из Смоленской области, из Калинина, из Московской области и из других мест. Например, Галя из Московской области пишет, что прочитала мою статью и хочет со мной переписываться, советуется, как лучше работать с малышами. Больше всех мне понравилось письмо Вали Васильевой из села Пересветово, Курской области. Валя тоже работает с малышами. В ее отряде все очень интересно. Валя знает, как проводить сборы, чтобы никому не было скучно, как устраивать КВН, а для мальчишек она придумала игру в разведчиков; у них есть свои тайны, но об этом может рассказать только сама Валя. Ее адрес: Курская обл., Коношевский р-н, Ст-Белицкий с/с, с. Пересветово.

С дружеским приветом **АБИБУЛАЕВА Лемана и весь наш двор.**
г. Самарканд.

Дорогой «Пионер»

Большое спасибо, что помог мне. Теперь знаю, что мне делать с моими значками. Писем от ребят много, но я отобрала некоторые, самые лучшие советы. Может быть, они помогут еще кому-нибудь.

И еще прошу тебя, «Пионер», передай спасибо всем ребятам, которые помогли мне.

С пионерским приветом **Оля БЕЛОУСОВА.**

Курская обл., с. Шатрово.

Мы печатаем письма Ирины и Марчо. Их советы нам кажутся особенно интересными.

Здравствуй, Оля!

Меня зовут Ирина. Я живу в Саратове. Я очень люблю собирать значки и очень не люблю, когда говорят: «Я коплю значки». Это же не деньги! Значки я собираю вместе со своей старшей сестрой. Ее зовут Наташа. В этом году она поступила в университет. Значки мы собираем давно. А начали с того времени, как ездили по Волге и в каждом волжском городе покупали значки. В Саратове значков продают мало, большей частью они у нас появляются из других городов или мы их выменилваем. У нас около двухсот значков.

Теперь о том, как мы их храним. Все значки у нас разделены по смыслу. У нас появились такие разделы: «Города», «Спорт», «Русская старина», «Военные», «Ленинские»...

Конечно, если у тебя три значка на одну тему, не стоит обособлять их. Для таких значков у нас есть особый раздел. Мы его называем запасником. И когда у нас в запаснике наберется достаточно значков, выделяем их в новый раздел. Скоро у нас появится раздел иностранных значков, раздел «Праздники» и другие.

Для каждого раздела у нас есть стенд. Этот стенд делается так: берется кусок картона. Величина его определяется по количеству значков. Картон обшивается материей, лучше всего льняной: она прочнее.

Эти стенды можно сделать разной формы, так будет красивее, и обшить их можно материей разного цвета. Это зависит от цвета значков: серый не будет вырисовываться на черном фоне, красный — на оранжевом. Вот какие у нас цвета — желтый, черный, зеленый, красный, розовый.

Материя должна быть одноцветной.

Многие значки располагают просто в ряд. По-моему, это некрасиво. В зависимости от формы, величины, цвета значка их можно расположить лучше. У меня непререкаемый авторитет — сестра. Она так умеет расположить значки, что заглядишься. У нее хороший вкус.

Если в твоих значках нет определенной темы, я бы не советовала тебе делать разные стенды. Лучше подожди. Коллекция разрастется, и будет разумней потом собирать по разделам.

Еще о коллекционировании. Это страсть. И один раз увлекшись, никогда не бросишь. Но значки, так же, как и все на свете, бывают разные: хорошие, так себе и вовсе халтурные. По-моему, лучше собирать только хорошие значки.

Наши родные знают, что лучший подарок нам с сестрой — значки. И привозят отовсюду. А ты пиши мне. В каком ты классе? Я в 7-м. Что ты любишь? Стихи, живопись? Пиши мне!

До свидания.

Всего хорошего.

Ирина.

Здравствуй, Оля!

Меня зовут Марчо.
Что делать со значками?
Избери тему о чем-то любимом.
У меня о мире и море.
Знай историю каждого значка,
Посылай друзьям. Сама не проси. Делай все своими руками.

У тебя есть свой любимый цвет? У меня голубой. На голубой ленте цветные значки, как корабли в море. У тебя есть старые, почетные значки? У меня они в коробках, как медали.

У тебя будет много «учителей».
А я кончаю. Хочешь пиши, хочешь нет.
До свидания (или прощай).

Марчо.

Чья газета интереснее?!

Одни ребята жалуются: «Делали-делали газету, старались, а повесили на стену — потолкались около нее ребята и разошлись. Даже не прочитали толком. Обидно!..»

Другие ребята спрашивают: «Как выпускать газету, если никто не хочет писать заметки? Бегаешь от одного к другому, кричишь, требуешь, а они ломаются...»

А Наташа Бородина из села Верх-Камышенка, Алтайского края, рассказывает и вовсе печальную историю: «Нынешний год наш класс стал хуже учиться. Особенно мальчики. Стали опаздывать на уроки. Стала хуже дисциплина. Мальчики перестали носить пионерские галстуки... Актив нашего класса решил в стенгазете написать об этих мальчиках. Мы нарисовали карикатуру. Мальчикам это не понравилось. Они решили избить редактора нашей стенгазеты...» Позорная история!

Но есть много отрядов и дружин, где ребята любят свою газету, делают ее весело, все вместе, и читать такую газету всем нравится.

ЧТОБЫ ПОМОЧЬ РЕБЯТАМ ВЫПУСКАТЬ ИНТЕРЕСНУЮ ГАЗЕТУ в отряде и дружине, журнал «Пионер» проводит анкету. Вот шесть вопросов, на которые мы просим ответить всех наших читателей.

1. Интересно ли тебе читать твою отрядную и дружинную стенгазету? Если да, то почему? Если нет, тоже почему?

2. Часто ли выходит твоя отрядная и дружинная стенгазета? Согласен ли ты с таким порядком или считаешь, что газета может выходить чаще (реже)?

3. Помогла ли газета жизни твоего отряда? Расскажи об этом поподробнее.

4. Кто и как выпускает твою отрядную и дружинную газету? Кто и как ее оформляет? Чем ты помогаешь редколлегии?

5. О чем ты пишешь в свою газету? Только ли когда тебя попросят, или сам, по собственной инициативе, по своему желанию? Пришли нам, пожалуйста, свою заметку, которую считаешь лучшей в этом году.

6. Какой ты хотел бы видеть свою отрядную и дружинную стенгазету? О чем ты хотел бы в ней прочитать? Как было бы правильно организовать ее выпуск?

ТВОИ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ ПОМОГУТ ТЕБЕ И ТВОИМ ТОВАРИЩАМ! Надеемся, ты ответишь быстро и подробно. И пришлешь свой лучший материал!

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Районные и городские пионерские штабы!

Советы дружин и отрядов!

Ты, наш читатель!

Помогите организовать в городах и селах, в дружинах и отрядах ***КОНКУРС СТЕННЫХ ГАЗЕТ!***

Три отрядных газеты и три дружинных, признанных лучшими в вашем городе или районе (для сельских школ), пришлите в редакцию журнала «Пионер».

Наш адрес: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.

Ждем сообщений! Спеши принять участие в разговоре, серьезном и полезном!

Радиостанция „Здравствуй"

Богатства жаркой земли

Александр СЕРБИН

Фото автора.

Наверное, ты и не догадываешься, как часто тебе приходится встречаться с Африкой. Вот, например, сунул ты в рот шоколадную конфету и не подумал, что, даже если на обертке нарисованы бурые мишки, сначала эта конфета «росла» под влажной и теплой сенью тропического леса, где-нибудь в Нигерии или в Гане. Или взял в руки апельсин, а он приехал к тебе из апельсиновой рощи Алжира. Или полез в карман за платком, а платок, может быть, сделан из хлопка, который собирали на берегах Нила.
Много разных полезных и нужных растений есть на африканской земле. В ее недрах хранится много сокровищ.
О некоторых этих богатствах я и хочу тебе рассказать.

«Белое золото» Голубого Нила

Как-то раз я шел по улице суданского городка Вад-Медани мимо шумного базара, спускаясь к берегу Голубого Нила, на котором стоит этот город. Вдруг ко мне подбежал паренек лет двенадцати, одетый в длинную, до пят, застиранную, с прорехой джелабию (так называется арабская одежда). Мальчишка ухватил меня за рукав и потянул за собой. Притащил он меня на базар, в мануфактурный ряд. Там, тесно прижавшись друг к другу, под одной длинной крышей стояли лавки и лавочки, в которых торговали материей.

Оказалось, что владелец одной крохотной лавчонки послал за мной мальчишку, потому что хотел познакомиться с человеком из Советского Союза. Маленький посланец, получив за труды мелкую монетку, умчался, подобрав полы своей рваной джелабии. А хозяин принялся по суданскому обычаю угощать меня чаем. В Судане в самую жару пьют очень крепкий, очень горячий и очень сладкий чай с мятой, который подают в небольших длинных стаканчиках.

Потом владелец лавочки повел меня вдоль по ряду, знакомя со своими родственниками и друзьями. Встречали нас радушно, тоже потчевали чаем и показывали свой товар. Не для того, чтобы продать, а просто так — смотри, мол, чем торгуем. На прилавки выкладывались штуки хлопчатобумажной мате-

рии, белой, красной, синей, в полосочку и цветочками, и я видел на материи фабричные клейма Англии, Японии, нашей страны. И почти не было материи с клеймом суданских фабрик.

Я не удивился этому, хотя и знал, что Вад-Медани — центр суданского хлопководческого района. Район этот называется Гезирой, что в переводе с арабского значит «остров». Он и впрямь почти остров, потому что лежит между двумя реками — Белым Нилом и Голубым Нилом. Здесь растет хлопок самого высшего качества, и знаменит он на весь мир.

Раньше, когда Судан находился в колониальной зависимости от Англии, в Гезире выращивали хлопок для фабрик Ланкашира. Ведь в Англии-то хлопок расти не может. И суданские крестьяне сеяли хлопчатник, а весь урожай в тюках, завернутых в мешковину и перетянутых металлическими лентами, уплывал в трюмах кораблей к английским берегам. Колонизаторы нарочно не строили здесь фабрик. Ведь необработанный хлопок стоит дешевле, чем материя. А материю, сделанную из суданского хлопка, они привозили обратно в Судан и продавали ее значительно дороже.

Судан стал независимым государством, но фабрик для того, чтобы делать свою материю, у него по-прежнему не было. Белое золото — хлопок, — как и раньше, увозили за границу. Правда, теперь суданцы сами решали, кому его продавать. Англия уже не могла диктовать свои условия.

Выращивать и собирать хлопок — дело нелегкое, а в Судане особенно. Работать приходится под палящим солнцем и почти все время вручную. Я проезжал мимо огромных хлопковых полей Гезиры и очень редко замечал на них машины. Всюду были люди, согнувшие спины, смотрящие в землю, богатую и щедрую, но требующую много человеческого труда.

Мои встречи в Вад-Медани происходили года два назад. Но с тех пор я слежу за тем, что нового случается в Судане. Недавно узнал, что суданская текстильная промышленность, которая тогда едва начинала развиваться, сейчас уже дает продукцию. Может быть, тот паренек, который тащил меня на базар, сейчас ходит в джелабии, сделанной из суданской материи. А страна вместо того, чтобы переплачивать деньги за материю чужого производства, покупает больше машин, облегчающих труд людей на полях.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Орешек в золотой скорлупке

Помнишь из пушкинской сказки: «А орешки не простые: все скорлупки золотые, ядра — чистый изумруд»?

Это, конечно, написано не про те орешки, о которых я хочу рассказать, но все-таки это очень похоже на арахис. Арахис еще зовут земляным орехом, потому что его плоды растут и созревают в земле. Как картофель.

Арахисовые орешки очень вкусные, особенно если их поджарить с солью. Но не только для этого выращивают арахис. В нем ведь много растительных жиров. Масло, которое получают из арахиса, используется кондитерами и парфюмерами. После того, как из арахиса выжимают масло, остается жмых — им кормят скот. Легкая желтая скорлупа, хоть она и не из чистого золота, тоже не пропадает. На одном маслодельном заводе в Африке я видел, как эту скорлупу используют в качестве топлива. Очень нужный орешек арахис.

В одном африканском музее, где были собраны красивые африканские маски, деревянная скульптура, одежда, которую носят африканцы, всевозможная посуда из африканской тыквы, я увидел набор сельскохозяйственных орудий для возделывания арахиса. Не думай, что тут речь идет о плугах, сеялках, молотилках. Нет, ничего такого на арахисовых полях и не увидишь. Арахис в Африке сеют, обрабатывают и убирают с помощью мотыг, палок и тому подобных вещей. Но так как разводят его в Западной Африке больше ста лет, люди создали разнообразные и очень приспособленные для каждого случая орудия труда. Тут и специальные топорики, чтобы расчищать лесные заросли под поле. Тут и набор мотыг и мотыжек с длинными и короткими ручками, с широкими и узкими лезвиями — одни для обработки земли, другие для посадки семян.

Есть в Западной Африке маленькая страна, которая называется Гамбией. Расположена она узенькой ленточкой вдоль по реке Гамбия. Живет в этой стране всего триста с небольшим тысяч человек — столько же, сколько у нас в городе средней величины. По сути дела, вся эта страна занята выращиванием арахиса.

Я видел однажды, как его сажают.

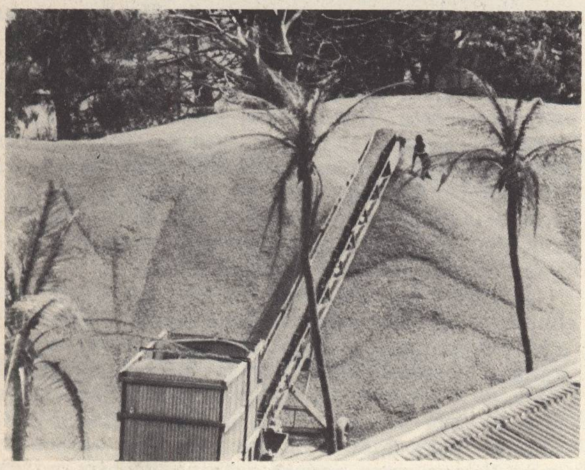
На небольшом клочке земли, у опушки леса — тропического, конечно, — двигался человек в широкополой шляпе, босой, держа в одной руке острую мотыгу. Этой мотыгой он делал в земле ямку, другой рукой бросал в нее орех. Потом он, не разгибаясь, шагал, наступая пяткой на ямку и засыпая ее землей. А в

В каждой кучке из песка и мелкого гравия (это называется концентратом) может прятаться алмаз.

Целый Эверест из арахисовых орешков! На маслодельном заводе из него сделают озеро масла.

Тонки и легки хлопковые волокна. Но попробуй поднять вот такой тюк спрессованного хлопка!

это самое время мотыгой снова делал ямку для следующего ореха. И так без остановки.

Когда арахис созревает, крестьяне снова выходят на поле и руками вытаскивают кусты из почвы. Обмолачивают арахис, извлекая зерна из скорлупок, на току палками. А потом зерна увозят или на маслодельные заводы (в Гамбии их всего два, и они маленькие), или в необработанном виде на кораблях в Европу.

Для Гамбии и для других стран Западной Африки арахис — все равно что хлопок для Судана. От урожая арахиса зависит вся жизнь Гамбии. Но когда урожай бывает большим, это тоже, оказывается, не очень хорошо. Тогда иностранные покупатели сбавляют цены, и выручка падает.

Есть на африканской земле и «белое золото», и орешки в золотой скорлупке, и золото самое настоящее...

Мне приходилось видеть в Западной Африке целые горы орешков в золотой скорлупе. Они лежали на открытых складах маслодельных заводов, у железнодорожных станций, около крестьянских токов. Сколько было вложено в них труда, сколько пролито пота для того, чтобы насыпать эти горы! Маленький орешек кормит и поит сотни тысяч людей. Конечно, он это делает не очень хорошо, но тут не его вина. Слишком бедны страны, где растет арахис, слишком низки на него цены, которые устанавливают крупные капиталисты в Европе.

Но все равно, когда теперь я беру пригоршню арахисовых орехов, я повторяю про себя строчки из сказки: «А орешки не простые!..»

Про настоящее золото

Ну, а теперь настала пора рассказать не про белое золото, не про орешки в золотой скорлупке, а про золото самое настоящее.

Когда-то давным-давно, больше тысячи лет тому назад, в Африке существовало государство Гана. Оно было расположено не там, где сейчас лежит нынешняя Гана, а севернее. О нем ходили легенды, как о самой богатой стране мира. Считалось, что в Гане очень много золота. Говорили даже, что там золото растет в песке, «как морковь», и его выходят собирать на рассвете.

В древних летописях сохранилось упоминание о том, что золотоносный район древней Ганы находился между рекой Сенегалом и его притоком Фалеме.

Недавно мне довелось побывать на берегах реки Фалеме. Эта река служит границей между двумя нынешними государствами — Сенегалом и Мали. Наверное, раньше здесь действительно находили золотые самородки. Сейчас никаких крупных разработок золота нет. Но несколько лет назад к берегам реки Фалеме правительство Сенегала отправило международную геологическую экспедицию. Два года главным геологом экспедиции был наш соотечественник Евгений Ильич Зайцев. Он жил в палатке на берегу реки вместе с переводчиком Володей.

Добираться до экспедиции было непросто, потому что хороших дорог в том районе мало. Мы ехали на машине-вездеходе через саванну, распугивая птиц, один раз согнали с дороги гудком гиену и наконец приехали к геологам. Евгений Ильич провел меня по местам разработок. В определенном порядке в земле были вырыты глубокие ямы — шурфы. Земля и песок, извлеченные из ям, разложены аккуратными кучками. Эту землю предстояло еще исследовать, чтобы установить, есть ли в ней золото. Потом Зайцев показал мне, как они ведут поиски алмазов. Это было похоже на поиски золота — тоже шурфы, такие же аккуратные кучки породы.

Вместе с Зайцевым работало много сенегальцев. Они пробивали шурфы, вытаскивали на поверхность песок и гравий, промывали породу и раскладывали ее горками на ровных площадках. И тут снова придется сказать о том, как нелегко достаются богатства африканской земли. Ведь вся работа идет при жаре в тридцать — сорок градусов. Я походил по разработкам, а потом запросился в тенек, под дерево. Очень уж яростным было африканское солнышко!

Но тебе, конечно, интересно узнать, каковы же были результаты. Нашли что-нибудь в тех местах, где когда-то золото «росло, как морковь»? Нашли! И золото и алмазы.

Понятно, что в земле золото и алмазы не встречаются так часто, как морковь на огороде, но все-таки не случайно этот район называли страной золота.

Евгений Ильич отвел меня в палатку, где один из его друзей-сенегальцев достал из шкатулки несколько пробирок. На дне тускло поблескивали маленькие золотые крупицы. Потом мне показали и алмаз. Он был тоже небольшим, размером в две спичечные головки. Я подержал его на ладони, и эта крошечная прозрачная крупинка показалась мне тяжелой, потому что я видел, сколько земли пришлось поднять на поверхность, чтобы разыскать такой маленький камушек.

— Мы свое дело сделали,— сказал Зайцев.— Отыскали и алмазы и золото. Теперь очередь за промышленными разработками.

И вытер со лба капельки пота.

Может быть, когда ты прочел первые строчки моего рассказа, ты подумал, что речь тут пойдет про всякую африканскую экзотику — про пальмы и кокосовые орехи, про дынное дерево, про слонов и змей. Но я решил рассказать тебе о другом — о богатствах, которые достаются тяжелым и упорным трудом. Африканские страны только начинают свою жизнь на новом пути — на пути свободы и независимости. Они ведь лишь недавно избавились от колонизаторов, да и то еще не до конца. И им приходится нелегко. Советский Союз помогает странам Африки в их развитии. Да, возможно, и у тебя твои родители или знакомые были в Африке — как геологи, как строители или как учителя...

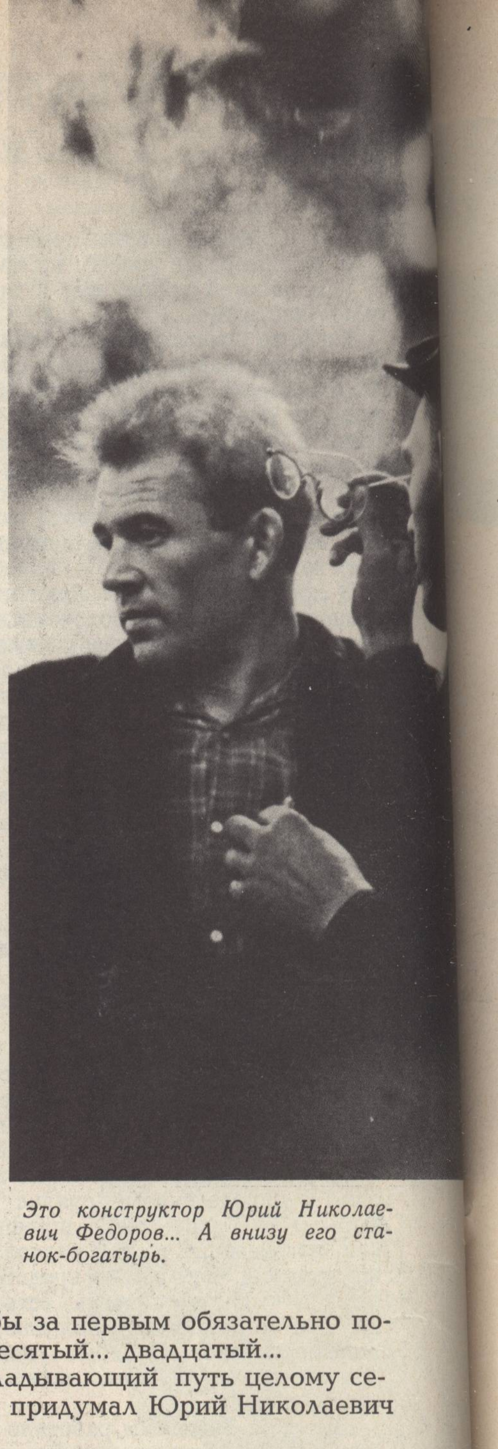
А экзотика в Африке есть — и дынное дерево, и тамтамы, и много всего другого. Но об этом, может быть, в следующий раз. ★

САМОЕ-самое-самое

Первопроходцы

И. ПЕТРОВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

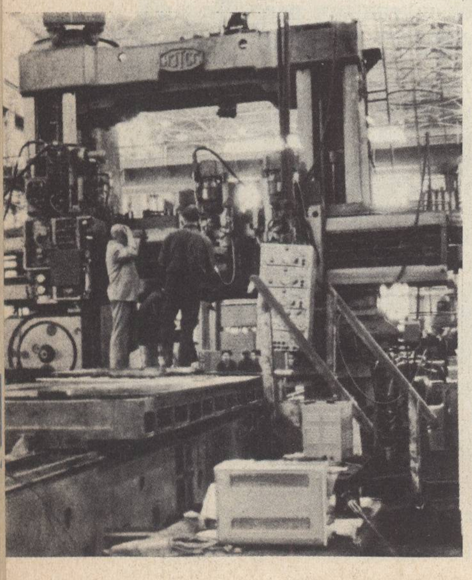

Это конструктор Юрий Николаевич Федоров... А внизу его станок-богатырь.

Первопроходцы — это те, кто проходят первыми. По неведомым ледникам Антарктиды. По космическим трассам. Первопроходцы открыли людям Камчатку и Огненную Землю. Они первыми проникли в тайны атома и определили движение звезд.

Юрий Николаевич Федоров и его уникальный станок — тоже первопроходцы. Юрий Николаевич — ведущий конструктор на Новосибирском заводе тяжелых станков и прессов. Он их придумывает. Придумывает такими, какими они нужны заказчику. А заказчики — крупные заводы самых разных стран мира — часто хотят иметь необыкновенные станки. Каких еще нет. Чтобы могли они растачивать, сверлить, строгать и шлифовать необыкновенные детали. Десять и более тонн весит подчас одна такая деталь. Каков же тогда сам станок? Не иначе как великан!

Однако чтобы стать первопроходцем, мало вырасти великаном, даже единственным в мире. Тут главное — проложить дорогу другим. Чтобы за первым обязательно последовал второй, третий... десятый... двадцатый...

Вот такой станок, прокладывающий путь целому семейству новых богатырей, и придумал Юрий Николаевич Федоров.

Имя у станка длинноватое: «продольно-строгально-фрезерно-шлифовально-сверлильный...» Это потому, что он универсал — выполняет какую угодно операцию. При этом он сам управляет своей работой с помощью автоматического электронного устройства. И управляет точнее, лучше самого лучшего строгальщика, фрезеровщика, шлифовщика или сверловщика. Рабочий только следит за ходом операции, нажимает на пульте кнопки.

Очень трудно и очень интересно создавать такой новый, такой не похожий на другие станок. Уже продуманный на чертеже, он на сборке все время перестраивается. Сотни рабочих учатся на нем, вносят свои мысли, поправки. Ведь надо, чтобы самый первый в шеренге будущих был самым удобным, и надежным, и самым красивым. Для конструкторов такой станок, по мнению Юрия Николаевича, целая академия!

Юрий СМИРНОВ

Баллада о смычке

Закончилось лето,
И листья пестры,
Их песенка спета.
Пылают костры.

Опять пилорама
Звенит за окном
И режет упрямо
Бревно за бревном.

Порядок отменный
На складе царит.
Любое полено
Однажды сгорит.

...А где-то далеко,
Где, кажется, юг
Граничит с востоком,
Растет фернамбук.

Молчальник и бука,
Седой старичок
Из этого бука
Строгает смычок.

Чуть-чуть построгает,
Затем посидит,
Он суть постигает
И очень сердит.

Потом он наденет
Глухой сюртучок,
И кто-то оценит
Волшебный смычок.

Наверное, в Вене
При свете свечей
Затихнет волненье
И шелест речей.

Покажется бледный,
В жабо, музыкант,
Достаточно бедный,
Как всякий талант.

Глазами пошарит:
«Готовы?» «Вполне...»
И после ударит
Смычок по струне.

И волны заполнят
Пространство вокруг
И что-то напомнят
Забытое вдруг.

...Века над планетой
Прошли с той поры.
Окончилось лето,
Пылают костры.

Машина Уатта
Попала на слом...
Гравюра фрегата
Висит под стеклом.

Ушли дилижансы,
Менялись авто,
С годами их шансы
Снижались: не то!

Но жив знаменитый
Волшебный смычок,
Что сделал сердитый
Сухой старичок...

Пусть город заснежит
И стекла белы.
Забуду про скрежет
Железной пилы.

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

А. ШАРОВ

ПРОДАННЫЙ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Осенью вернулся в Бродицы Леонид Александрович Круглов с двумя приемными сыновьями, моими двоюродными братьями. Кругловы много лет прожили в Америке, и я их никогда прежде не видел.

Их звали по-заграничному — старшего Сэми, или Сэм, а младшего Александр, или Эль. Но бабушка окликала их просто: Мулька и Сашка.

О предстоящем возвращении Кругловых знали за неделю, но приехали они ночью, когда я спал.

Проснувшись, я увидел сонными глазами в коридоре желтые и темно-коричневые саквояжи, чемоданы и баулы из мягкой, теплой на ощупь кожи с блестящими разноцветными наклейками пароходных компаний и отелей.

Наклейки изображали пальмы, небоскребы и океан под огромными звездами. Пахли чемоданы, должно быть, обычно: кожей, дорожной пылью, немного одеколоном, но мне показалось, что это запахи моря и прерий, орошенных кровью бизонов.

Потом я узнал, что дорога, океан и кровь пахнут иначе, чем туалетная вода: соленым, горьким, нескончаемыми расстояниями.

Единственными достопримечательностями местечка были несоразмерно большой старый костел, где, по преданию, некогда венчался знаменитый иностранный писатель со знатной и прекрасной польской панной, и сеть подземных ходов, тянувшихся от костела подо всем городком, а дальше — неизвестно куда.

К достопримечательностям можно условно причислить еще водокачку и пожарную каланчу, построенные из такого старого, сухого дерева, что они загорались от первой искры, горели бурно и часто, в то время как другие дома пожары щадили. Я смутно вспоминаю пожар каланчи; вся она была охвачена багрово-бурым с копотью пламенем; в огне нелепо метался, косноязычно звонил колокол.

Подземные ходы, вырытые бог весть когда, вероятно, и в самом деле тянулись далеко, но мы, даже самые смелые из нас, боясь заблудиться, не решались их исследовать.

Раз Сашка подговорил меня украсть у бабушки катушку черных ниток — драгоценность по тем временам.

Рано утром мы забрались в один из подвалов в фундаменте старой каменной стены, окружающей костел. Сашка привязал нитку к железной ржавой двери. Мы шли в темноту очень долго. Сашка разматывал катушку, а я семенил вслед за ним, до смерти боясь отстать, потерять путеводный звук его шагов.

За то, чтобы вывести меня на свет божий, Сашка потребовал выкуп: десять почтовых марок из небогатой моей коллекции.

— Подлость! — сказал я, но очень тихо, опасаясь, что он услышит, рассердится и покинет меня в беспросветной тьме.

— Бизнес! — ответил он. Я тогда впервые услышал это слово.— Если не хочешь, оставайся. Человек может обойтись без пищи и воды двадцать семь дней.

Я поспешил обещать десять марок.

...Местечко отстояло от железной дороги верст на тридцать; туда, к станции, тянулся шлях, местами вымощенный булыжником, а дальше тонущий в мягкой пыли или в грязи — в зависимости от времени года.

В РАБСТВО

ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТСТВЕ

Проедет летом бричка, пройдет пешеход, пыль долго неподвижным желтым облаком стоит в воздухе над шляхом и полями, отделяя местечко от окружающего пространства.

Может быть, именно призрачная отдаленность от мира, где в годы начала революции много стреляли, воевали и убивали, манила путников отойти от магистрали Москва — Одесса, чтобы попытать свое неверное счастье в Бродицах.

Во всяком случае, новые лица то и дело появлялись в местечке, где все жители наперечет и каждый новосел — событие.

Так, однажды теплой осенью мы увидели прохаживающегося по пустынной Махновской пожилого человека в жемчужно-сером костюме, очень блестящих желтых штиблетах и в серой изящной шляпе.

Иголка с ярким, как глаза у ящерицы, изумрудным камнем прикрепляла пестрый галстук к крахмальной рубашке.

Человека в сером костюме, в шляпе, с булавкой, похожей на одноглазую ящерицу, прозвали «Иностранец».

Вначале мы, мальчишки, подозревали, что он шпион, крупный международный аферист, но вскоре подозрения сами собой рассеялись.

Приезжий несколько дней ходил по городу, нанося визиты видным коммерсантам: аптекарю, владельцу давно уже закрытого магазина железо-скобяных изделий в нашем доме и другим. Потом мы увидели, как он, на этот раз в одной рубашке, без сюртука, тащит вверх по Махновской к костелу два листа жести. Жесть грохотала по булыжнику так звонко и призывно, что все детское население шло позади, как крысы за флейтистом из Гамельна.

В первом ряду, взявшись за руки, шагали стройный, высокий Сэми, с красивыми, строгими глазами, и Александр.

Братья дружили, но иногда при нередких провинностях младшего Сэм с обычной полуулыбкой и похолодевшими темными глазами наносил Александру молниеносный удар — в подбородок, в нос или в грудь. Сашка пытался ответить, но Сэми уверенным, небрежным движением отбрасывал его руку и, круто повернувшись, уходил.

Это был бокс, а не драка, заграничный бокс — как в книгах; получив по заслугам, Сашка никогда не плакал.

Сэм был доброжелателен, но замкнут и жил своей особой жизнью, а Сашка любил все делать шумно, на виду, хотя и он был окружен как бы облаком тайных замыслов.

В пору, о которой идет речь, он крал у Сэма маленькие тетрадки для иностранных слов и писал в них неровными буквами повесть о побеге в Америку и о жизни среди диких, но благородных индейцев.

Я помню только общий план этого длинного сочинения, и круглые неровные буквы, и слово «ружо», так и изображаемое через «о», особенно часто повторяющееся на тетрадочных страницах.

Собственно, это была не повесть, а скорее, план побега: деловой и одновременно смутный, каковое смешение составляло главное в Сашкином существе.

Смутным, неверным, таинственным больше всего представлялось начало сочинения. Оно, это начало, все время менялось. Как помнится, по одному проекту мы должны были подземными ходами выйти прямо к берегу моря, там срубить несколько деревьев, связать плот и на плоту переплыть океан.

Я верил всему, и тому тоже, что подземные ходы ведут к океану, но до ужаса боялся отстать, заблудиться в этих подземных ходах.

Согласно второму плану, нам предстояло рано утром в базарный день убежать на рынок, зарыться в солому на возу у зазевавшегося дядька, а дальше — к станции, поездом до Одессы, и в трюме парохода, набитом кокосовыми орехами,— за океан.

Второй план нравился мне гораздо больше. Меня манило прохладное молоко кокосовых орехов, но особенно то, что в этом проекте совсем не было места опасности отстать, заблудиться, остаться одному, а и в ту пору и мно-

гие годы спустя, когда я так часто должен был оставаться в одиночестве — чем дальше шла жизнь, тем чаще,— это казалось мне самым страшным.

Сашка внушил мне такую уверенность в осуществимости своего плана, что мы стали собирать припасы для долгой дороги. Надо было ежедневно стянуть по ломтю хлеба и куску сахара. Продукты хранились в сарайчике, двери которого выходили на бесконечный балкон, повисший над двором, в тайнике среди дровяной кладки. В темном этом сарайчике Сашка писал свою повесть, там же мы обсуждали детали побега, и там же находился тайник для сахара и сухарей, точное местоположение которого было известно одному Сашке.

— Ты маленький и можешь проболтаться! — говорил он мне.

Как-то неожиданно зайдя в сарайчик, я услышал причмокивающие звуки и увидел, что левая Сашкина щека сильно оттопырена.

Движимый неясным сомнением, я робко попросил Сашку показать тайник и вместе проверить запасы.

— Как бы мыши не слопали,— неловко пояснил я, заливаясь краской от лжи, от неверия, которым я позволил забраться в сердце; усомниться в друге, вместе с которым придется отражать атаки акул, охотиться на пум,— что может быть постыднее?

Со снисходительным презрением Сашка сказал, что мышей в сарае нет, а если он покажет тайник, я не удержусь и съем сахар. И мы умрем от голода, как погиб после побега из крепости Ле Монпульзье граф Пьер де Суантио.

Говорил он невнятно — щека по-прежнему явственно оттопыривалась,— но название крепости, произнесенное без запинки, твердо и уверенно, а особенно титул неведомого Пьера де Суантио и его трагическая гибель произвели должное впечатление.

Так второй раз судьба послала мне предостережение, но я снова не прислушался к ее голосу.

А судьба между тем, грохоча жестью по булыжнику, влекомая человеком в белоснежной рубашке и жемчужно-серых, отлично отутюженных брюках, двигалась вверх по Махновской, к каменной площади, посреди которой застыл костел, окруженный стеной саженной ширины с седым от старости мхом между камнями.

Железные двери с ржавыми массивными засовами на разном расстоянии друг от друга прорезали стену, чернели полукруглые зарешеченные окна с выбитыми стеклами.

Оттуда, из-за буро-черных от ржавчины решеток, порой вылетали летучие мыши.

Оттуда тянуло холодом. Казалось, если прислушаешься хорошенько, донесется стон узника, заключенного за страшное преступление бессчетное множество лет назад.

Голуби, и стрижи, и ласточки вились вокруг костела, под карнизами которого испокон веков размещались их гнезда.

Одни стрижи и ласточки вспоминали добрым щебетанием этот промозглый, неживой собор, и то где-нибудь в Африке, за тысячи километров.

...Иностранец, бросив листы жести, последний раз залившиеся визгливым металлическим лаем, отер пот со лба.

Мы терпеливо ожидали дальнейших событий.

Иностранец застыл неподвижно. Постепенно, по одному, мы разошлись, влекомые своими мальчишескими делами.

Через несколько дней жестяные листы были укреплены над одной из железных дверей, образовав необычную, очень яркую вывеску: «Парижские воды». Окно застеклили, за блистающей витриной виднелась карусель продолговатых стеклянных баллонов с разноцветными сиропами: шоколадным, кофейным, крем-брюле, лимонным, «свежее сено», сливочным, апельсиновым — и мраморная стойка и ряды стеклянных сифонов с серебристыми металлическими головками.

Первое время торговля в «Парижских водах» пошла, хотя и не слишком бойко: в пестрой лавочке толпились покупатели, но в громадном большинстве — безденежные.

Мне больше запомнился не стук монет о мраморный прилавок и не напевный звук гази-

А судьба между тем, грохоча жестью по булыжнику, двигалась по Махновской к каменной площади...

рованной воды, бьющей из сифона, а крайняя редкость этих звуков и напряженное ожидание: возникнут ли они наконец?

Скоро безденежные покупатели надоели Иностранцу. Он стал прогонять мальчишек, а сам, потеряв надежду, перестал бриться, оброс черно-седой страшноватой бородкой. Целыми днями он стоял на пороге лавочки, смотрел на облезлую каланчу, на окружающие площадь невысокие каменные дома.

Что Иностранец высматривал за домами? Шлях, который на беду привел его в местечко? Покупателей, которым неоткуда было появиться?

Но в день, о котором идет речь, два покупателя вступили на площадь и приближались к «Парижским водам»; это были я и Сашка.

Вечерело — это я помню ясно, потому что мы очень торопились и всю дорогу бежали, боясь не поспеть до закрытия лавочки; последнее было бы ужасно.

Длинные вечерние тени домов и деревьев росли на глазах. Они вырастали, как кисти рук со скелетно-костлявыми черными пальцами, вытягивающиеся из рукава фокусника.

...Еще утром, после совещания в сарайчике, прочитав мне новую главу путешествий по пампасам, Сашка задумчиво сказал:

— Смотаемся в «Парижские»! Когда еще...

Да, разумеется, у меня хватало ума сообразить, что охотнику, день за днем преследующему по кровавому следу бизона, нет времени утолить жажду, и в пампасах с буйными травами, которые скрывают мустанга вместе с всадником, не найдешь и родника, не то что «Парижских вод.»

«А деньги?» — хотел я спросить.

Хотел спросить, но не посмел.

Весь день я ходил за Сашкой, немо пытаясь напомнить утренний уговор, но он, казалось, забыл и о нем и обо мне.

Под вечер Сашка вырос передо мной в тот самый момент, когда всякая надежда была потеряна, и крикнул:

— Где ты шатаешься, поганец?!

Сашка был упругий, почти одного со мной роста, хотя года на два старше шарообразный, как мяч. И наполненный непонятной энергией.

...Вечерело. Тени вытягивались и вытягивались.

— С сиропом?! — задыхаясь от быстрого бега, на ходу спрашивал Сашка.

— Конечно!

— С двойным?

— С двойным!

— Крем-брюле и лимонный?

— Крем-брюле и лимонный! — преданно отвечал я, сознавая, что совершаю жесточайшую ошибку, не избрав шоколадный и апельсиновый, или крем-брюле и «свежее сено», или...

Я не помню, как мы вбежали в лавку, как Иностранец смерил нас изверившимся взглядом — а это непременно было,— как шипела газированная вода, наполняя граненые стаканы, как она слабо и нежно, словно небо на восходе, окрашивалась сиропами.

Не помню даже щемяще прохладного вкуса этого напитка; если вкус счастья так непрочен, так быстро забывается, отчего же горе отпечатывается в сознании навсегда?

Мне ясно — почти совершенно ясно — рисуется момент, когда Сашка очутился на пороге лавки.

Придерживая тяжелую дверь на пружине, Сашка высунул язык и бросился наутек.

Я еще медленными глотками допивал ледяную воду с сиропом, а расплата нагрянула.

— Ты будешь сидеть здесь час и два, всю ночь, сто... нет, сто тысяч ночей, до второго пришествия, пока в твоем товарище, этом грязном сорванце, не проснется совесть, если она когда-нибудь ночевала в его черном сердце, и он не принесет денег, жалкие гроши, которые вы бесчестно украли у разорившегося торговца,— то бормотал, то выкрикивал, то пел, как молитву, Иностранец, крепко ущемив меня за кисть сильной рукой.

Он тащил меня за собой по ступенькам, в тускло освещенное оплывшими свечами подземелье, где стояли черные металлические баллоны, а вдоль стен вились трубы, несмотря на лето покрытые изморозью,— из них доносилось змеиное шипение — и на ходу продолжал своим пророческим, проклинающим голосом:

— Я тебя буду держать здесь тысячу лет, пока ты не превратишься в скелет, обтянутый кожей, в скелет от скелета, в тень скелета. В замерзшую тень.

Я плакал.

Он тащил меня по подземному ходу в совершенной темноте; может быть, по тому подземному ходу, которым мы некогда шли с Сашкой; тогда одна лишь черная нить из бабушкиной катушки соединяла нас с живым миром.

Много позже я узнал, что такие нити называются путеводными, или Ариадниными, и что они очень непрочны.

Напоследок он зло толкнул меня, отчего я упал на склизкие, неровные плиты, и, быстро отойдя, крикнул из тускло освещенного пятнышка — там был выход из подземелья:

— Попробуй только двинуться с места, ты провалишься в преисподнюю. Я честный торговец, мое дело предупредить тебя, разбойник!

Я осторожно сел и, пригнув голову к коленям, охватил шею руками. Мир был черен. Рядом запахами плесени дышал бездонный провал. Только ладони сохраняли тепло летнего вечера, которое так недавно — или так давно — заполняло все мое существо и всю вселенную.

Самое страшное было даже не в том, что впереди сто или сто тысяч безнадежных ночей, а в том, что меня предали, продали в рабство.

И предал человек, которому я готов был беззаветно служить у нас на дворе, а потом делить все опасности в пампасах.

Это действительно было страшно.

Но все-таки самое грустное заключалось даже не в предательстве, а в том, как вижу я только сейчас, спустя полстолетия, что через несколько дней я по-прежнему ходил за Сашкой верным оруженосцем и пил несладкий чай, чтобы сдать в общий запас кусок сахара, а по вечерам внимательно слушал в дровяном сарайчике главы из будущих странствий по Америке. И свято верил в эти будущие странствия.

Я сидел, сжавшись в комочек.

Я совершенно не помню, прошло ли сто часов, или сто дней, или сто лет, когда в мутном световом пятнышке заметались тени.

Я услышал визгливый голос торговца и, может быть, звон стекла, разбиваемого о каменный пол, или звон оплеухи.

Не помню даже щемяще прохладного вкуса этого напитка; если вкус счастья так непрочен, так быстро забывается, отчего же горе отпечатывается в сознании навсегда?

И полный бесконечной тревоги и любви, готовности отдать жизнь за меня слабый голос моей бабушки.

Она бежала ко мне сквозь кромешную тьму, которую я успел населить гигантскими мокрицами, несколько напоминающими змей, извивающимися и очень похожими на носорогов, только обросшими шерстью и невидимыми. Бежала, перелетая через пропасти без дна, которыми зиял — я не мог не верить Иностранцу — подземный ход.

Она увидела меня в кромешной тьме, где глаза бесполезны, но сердца — некоторые до ужаса редкие сердца — продолжают видеть.

Осторожно, будто я был хрустальный, она подняла меня со склизких плит, прижала к груди и понесла сквозь строй гигантских мокриц, вежливо расступавшихся перед нами,— быть может, они даже пытались изобразить на страшных мордах нечто вроде приветливой улыбки,— мимо Иностранца, который в страхе перед старенькой женщиной вжался в стену подвала, между черными баллонами и седыми от изморози трубами, мимо мраморной стойки, на улицу.

Нет, не думайте: добро вовсе не бессильно. Это я должен был бы понять тогда, а понял лишь через множество лет; да и то как часто сомневаюсь: правильно ли понял? Добро вовсе не бессильно.

Бабушка несла меня, и я как будто летел. Потом мне часто снилось или виделось наяву, что я лечу. Я и летал наяву на «ТБ-1» по Арктике, и в войну на «Р-5» через передовую с грузом бомб, и на юг, к морю, но ощущение настоящего полета осталось только от этих минут, пережитых в раннем детстве.

Был по-прежнему теплый вечер, или ночь, или день, или утро — я не помню. Помню только, что мне на лицо время от времени падали горячие тяжелые слезы. Ветер высушивал их, а может быть, они утекали в сердце, навеки оставляя веру в то, что сказочная живая вода реальнее всякой другой воды — и горькой, и соленой, и пресной, какие только есть на свете.

Я летел на руках у бабушки, как лебеденок;

как же я был мало похож на лебеденка: тощий, зареванный, грязный, сопливый — я ведь успел простудиться в подвале.

Летел на руках у бабушки, дни которой, как оказалось, были сочтены.

Тогда или в другой день, раньше или позднее бабушка сказала мне:

— Мой ребеночек, что же ты будешь делать на этом черном-пречерном свете, который почему-то называют «белым светом»?

Тогда или в другой раз.

Потом, школьником или студентом я прочитал у Толстого, что самая прекрасная любовь — это любовь самоотверженная. И понял, что бабушка была прекраснее всех на свете.

Слезы стекали по ее морщинистому лицу, редко падали мне на щеки и на закрытые в полусне глаза. Я уже не был в рабстве, даже почти забыл о нем, вообще — о горе.

Но бабушка не забывала. Она прожила счастливую молодость. Отец ее служил экономом в имении у польского пана, и в юности она скакала с длинной, развевающейся косой на настоящем длинногривом и длиннохвостом коне; я видел ее фотографию той поры.

Теперь, в старости, она жила, как море, которое утром и днем досыта напиталось теплом, а вечером щедро отдает его. Тепло поднимается, охватывая весь мир, только снежные вершины гор хранят вечный холод.

Но сердце у нее было вещее, и она чувствовала приближение горя, смерти, парящей над страной.

Через несколько месяцев на наше местечко налетела банда на конных тачанках. Бабушка увела меня в чердачную комнату под крышей — с косым окном, без мебели, с одним лишь дощатым столом.

Наверно, она хотела задвинуть дверь столом, но не смогла, не успела, и вслед за нами вбежал бандит — небольшого роста, в папахе, с ножнами, волочившимися по полу, с обнаженной шашкой.

Он не сразу заметил нас в полутемной комнате. По улице — это было видно сквозь косое, почти черное от грязи и пыли окно — проходили строем, строго держа равнение, немцы в металлических касках.

Слышались стоны, звон разбиваемых стекол, крики, и над всем этим — шаги немцев, четко держа равнение, маршировавших через убиваемое местечко.

Шаги заглохли вдали.

Мы стояли у фанерной перегородки, оклеенной рваными обоями, и бабушка держала меня за голову, стараясь спрятать за спиной. Она все время ощупывала мое лицо, шею, голову дрожащими горячими пальцами. Словно проверяла: тут ли я, не исчез ли, не погиб?

Пальцы у нее были обжигающие: это я помню не одним сознанием, а как бы кожей, всем существом. Вспоминая этот сухой жар, я знаю, что бабушка в тот день была очень больна.

Бабушка прятала меня за спиной, но я вывертывался и моментами видел то, что происходило в комнате, не сознавая в полной мере близости смерти.

Бандит в папахе наконец заметил нас и теперь вертел шашкой со страшной быстротой, как цирковой фокусник; клинок превращался в серебристое колесо.

Это он разгонялся, возбуждал себя: ведь так, сразу, нельзя убить человека.

Порой острая шашка задевала стол; по комнате летели щепки, тупо ударяясь о пол, потолок, стены.

Он опрокинул стол и подскочил к нам, но ничего этого я уже не видел. Теперь я сам зарывался в бабушкины юбки, как можно теснее прижимался к сухонькому ее телу, прятался за ее спиной.

Бандит ударил бабушку шашкой по голове изо всей силы, но не убил, а только ранил ее, потому что нанес, вероятно, удар неловко, почти плашмя, еще не обучившись ремеслу убийства.

Я почувствовал, что пальцы бабушки, которые в лихорадочной тревоге осторожно и нежно ощупывали мое лицо, остановились и сразу закостенели.

Почувствовал, как она отяжелела и медленно по стене сползла на пол.

В этот момент впервые в жизни я услышал тихий, быстрый и ритмичный перестук, тихую и неотвратимую музыку, значения которой я тогда не понимал, музыку, под которую нашим поколениям пришлось пройти, которая сопровождала нас в последний путь гораздо чаще, чем реквием.

На этот раз пулемет нес избавление.

В город входил полк под командованием Ивана Антоновича Павлова.

По улице мчались тачанки, некоторые без ездовых, и бежали пешие бандиты. Скоро все затихло. Еще долгое время доносились короткие очереди, потом пулемет замолк.

Бабушка лежала на полу, как мертвая.

Было тихо.

Нас разыскали близкие или соседи, отнесли бабушку в ее комнату, положили на большую деревянную кровать, куда прежде я часто забирался по утрам, и опустили шторы на окнах. С этого момента и до самого ее конца комната наполнилась сыроватой пугающей темнотой, запахом лекарств и неотвратимостью приближающейся смерти.

В город входил полк под командованием Ивана Антоновича Павлова.

★

Фабрика чудес

Н. КОЛЕСНИКОВА

Фото И. ГНЕВАШЕВА.

Ну вот, они опять тут. Опять ходят вдоль высокой ограды. Мальчик и девочка, в глазах — любопытство.

Я спешу. У меня дела. И все-таки на этот раз я останавливаюсь и спрашиваю:

— Хочется побывать там?

Там — это за стеной «Мосфильма», там, где делаются фильмы, которые мы еще не видели.

— Очень! — отвечает девочка.

— Еще бы! — отвечает мальчик.

И тут я вспоминаю, что обещала «Пионеру» рассказать о «Мосфильме» — большой фабрике чудес.

Художники-живописцы с давних времен называют свои студии мастерскими. И кинематографисты прежде тоже никогда не говорили «студия», говорили «фабрика». Может быть, это точнее, потому что кино — сложное производство.

«Мосфильм» — самая большая студия не только у нас в стране, но и во всей Европе.

Ты, наверное, представляешь себе, как по утрам распахиваются кованые ворота кинофабрики и «Мосфильм» начинает свой трудовой день. Но цехи студии, как и настоящей большой фабрики, работают круглые сутки.

Миновав ворота «Мосфильма», нетрудно растеряться. Растеряться и потеряться. Тут и там высится множество зданий. Снуют люди, едут грузовики с удивительным грузом. На одном — рыцарский замок, на другом — крыло фашистского самолета.

Куда идти? Что смотреть сначала?

Давайте пойдем по порядку — по маршруту, которым идет фильм, когда со страниц отпечатанного на машинке сценария он добирается до экрана.

Узнаем сначала, что сейчас снимается на «Мосфильме». Оказывается, сразу чуть ли не полтора десятка фильмов. Но мы с вами выберем, пожалуй, вот этот...

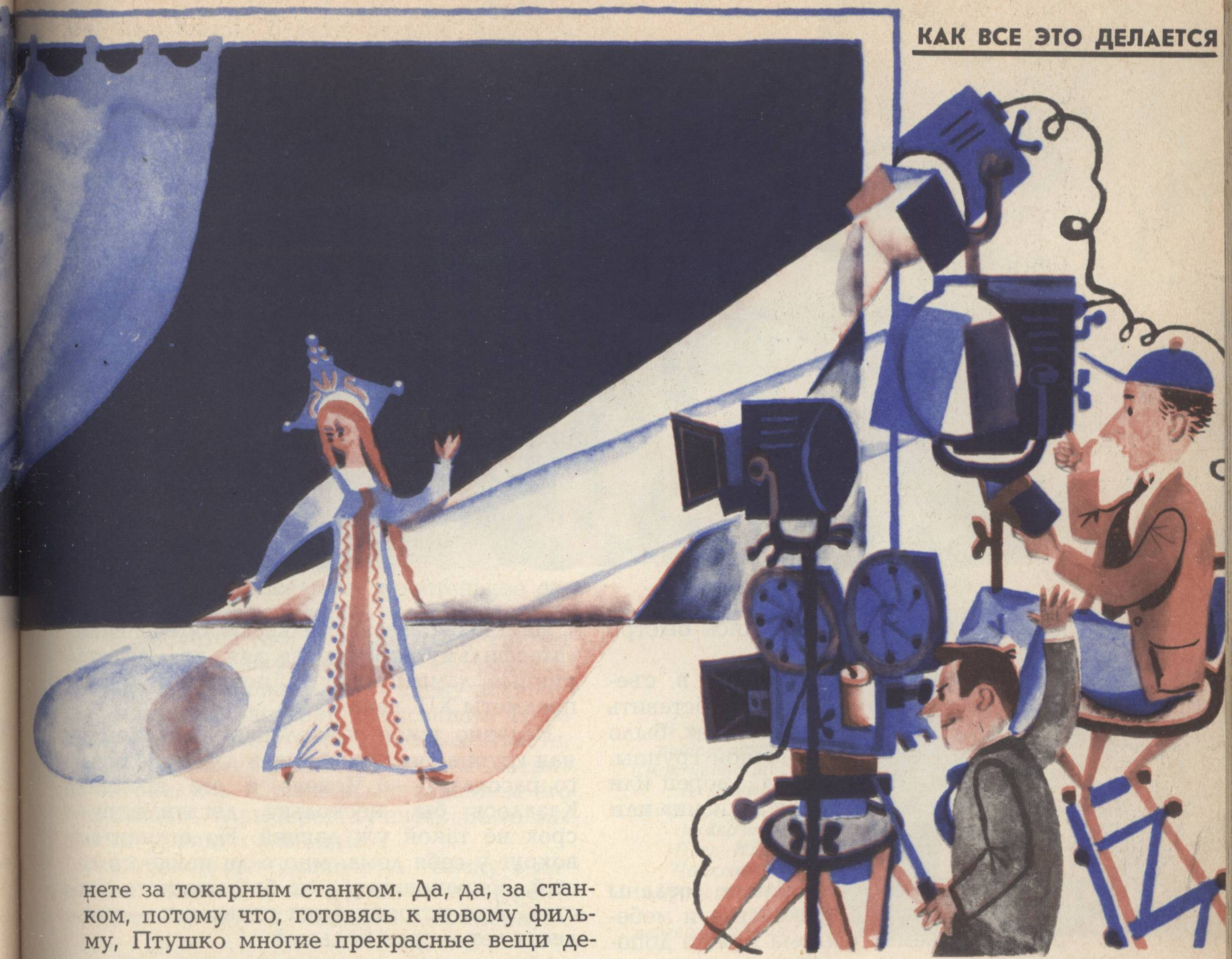
Все читали «Руслана и Людмилу»?

— Пушкин «Руслана» будто нарочно для кино написал, — сказал режиссер Александр Лукич Птушко.

Александра Лукича вы, наверное, хорошо знаете. Он поставил «Садко», «Каменный цветок», «Сказку о царе Салтане» и многие другие сказки. Теперь он начал снимать «Руслана».

— Потому что,— продолжал Александр Лукич,— сказка Пушкина полна чудес, которые так и просятся в кино.

Мы застали режиссера в рабочем каби-

нете за токарным станком. Да, да, за станком, потому что, готовясь к новому фильму, Птушко многие прекрасные вещи делает своими руками.

На полках в шкафу рядом с Нечистью, вырезанной из причудливого корня, сверкают перламутровые рыбки, раскинули ветки белоснежные кристаллы морских кораллов... Это все заготовки для «Руслана».

Но, конечно, многое из того, что потребуется для съемок, сделают по заказу режиссера в цехе декоративных сооружений. Это первый на нашем пути цех, производящий чудеса. Здесь вам смогут изготовить буквально все — от точного макета храма Василия Блаженного до такой же точной копии автомобиля «ролл-ройс». Тут вы увидите рядом часть деревенской улицы с хатами, плетнями и желтыми головами подсолнухов, и расписанные стены царских палат, и лунную поверхность, и средневековый зáмок. Это декорации для картин, которые собираются снимать на «Мосфильме».

Раньше громоздкие декорации строили обычно из дерева и фанеры. Сейчас им на смену пришли новые материалы: пенопласт, специальный картон, пластмассовые пленки, формы из бумажного литья.

Часто декорации для съемки собираются из готовых элементов. Вот прямо на наших глазах рабочие принесли и расстелили пол.

— Не тот,— сказал художник,— дайте паркет потемнее.

Готово — перед нами другой пол. К полу подобрали стены с окнами нужной формы, с подходящим цветом обоев. Настоящая жилая комната возникла в считанные минуты. Это очень важно, чтобы

Рисунки А. БОРИСОВА и И. ГАЛАНИНА

Мы увидим на экране сказочный подводный мир, который был создан... на столе.

Увидим и живых, настоящих актеров, которые отлично себя чувствуют в этом мире. Как это получается? Тут замешана тайна «блуждающей маски».

декорации для съемок готовились быстро да и стоили подешевле.

Готовую декорацию отправляют в съемочный павильон. Но ее еще надо обставить мебелью или другими вещами, как было задумано художником съемочной группы.

Только после этого комната, дворец или церковь будет выглядеть «как в жизни» или «как в сказке».

На киностудии «Мосфильм» созданы огромные склады реквизита и мебели. Для съемки фильма нужен допотопный экипаж — пожалуйста, старая колымага давно ждала своего часа; потребовался холодильник новейшей конструкции — он тут, под рукой. И новый «Москвич», и царский трон, и старинный граммофон с трубой всегда готовы сниматься в кино.

На складах костюмов сотни тысяч вещей, от кованых доспехов времен Александра Невского до фантастических нарядов марсиан...

Но случается, чего-то все-таки недостает, скажем, для «Руслана и Людмилы» потребуются уникальные сказочные костюмы — дорогие для главных действующих лиц и дешевые для массовок. Их сошьют в собственных мосфильмовских мастерских, которые могут конкурировать с целой швейной фабрикой.

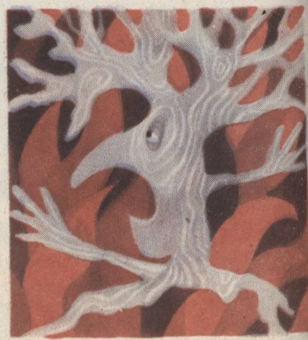
Как-то для фильма «Поэт» понадобилась дореволюционная конка. На складе конки не оказалось. Пришлось делать заказ в механический цех. Этот цех — еще один производитель чудес. Здесь готовят змеев-горынычей, действующие модели танков и кораблей, могут воспроизвести в натуральную величину самолет Можайского и отковать щиты и кольчуги сказочным великанам. И все это тоже быстро, хорошо и дешево.

Иногда в газетах мелькают объявления: «Мосфильму» требуются для съемки старинные лампы, посуда, пенсне и другие предметы XIX века».

Недавно такое объявление дала съемочная группа фильма «Сюжет для небольшого рассказа» — о Чехове и его времени. Казалось бы, несколько десятилетий — срок не такой уж давний. Но оглянитесь вокруг у себя дома: много ли найдется вещей, сохранившихся от бабушкиного детства? Для истории быта пятьдесят — семьдесят лет — срок большой.

Многие мелочи, знакомые людям тогдашних времен, исчезли почти бесследно. Но в кино, которое стремится к достоверности всего происходящего на экране, важны и мелочи.

На «Мосфильме» есть специальный отдел с длинным названием — информационно-методический. Это нечто вроде «Мосгорсправки»: туда режиссеры обращаются с самыми замысловатыми вопросами: как выглядел билет на премьеру «Чайки» в Художественном театре, какая посуда была в доме Ульяновых в Симбирске, какую шляпу могла носить Анна Каренина? Пустяковые подробности? Однако на экране они очень заметны.

Но мы с вами чуть-чуть увлеклись и забежали вперед. А ведь нужно еще узнать, как нашли актрису, которая будет играть роль Людмилы, как вообще подбирают исполнителей для фильма.

В актерском отделе студии, будто в библиотеке, громоздятся ящики с карточками. На каждой имя, фамилия, возраст, фотография артиста, а кроме того, отметка, каким видом спорта владеет, умеет ли петь и танцевать. Актерский каталог то и дело пополняется. В кино приходят выпускники актерских студий и школ, студенты Института кинематографии. Иногда — только иногда! — ассистенты режиссеров находят таланты среди людей, и не помышлявших об актерской карьере.

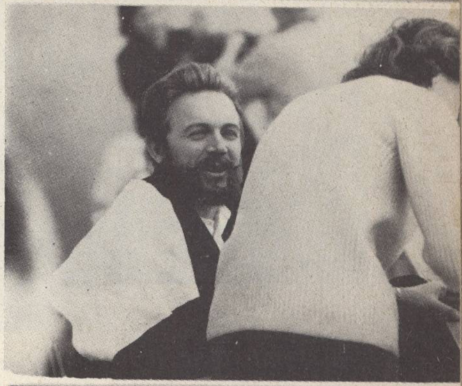
— Я хочу в роли Людмилы снять юную русскую красавицу,— сказал режиссер.

Ему показали множество фотографий. Тут были и молодые актрисы, и ученицы театральных студий, и воспитанницы балетной школы... Режиссер внимательно рассмотрел их все и отложил несколько. Этих девушек он попросил вызвать на кинопробу.

На пробе актрисе дают простенькое задание: например, увидала красивую рыбку и любуется ею. Киноаппарат снимет удивление, улыбку девушки, ее радость. А может быть, она сыграет сцену посложнее, например, встречу с Русланом. И на лице ее отразится смена разных чувств. Потом режиссер внимательно рассмотрит на экране, как справились с заданием его «Людмилы», и выберет лучшую. Ее-то мы с вами и увидим в фильме.

Но, прежде чем прийти на съемку в павильон, актриса, уже одетая костюмерами в наряд Людмилы, попадет в гримерную.

В гримерную вошел артист Смоктуновский... А вышел и подсел к роялю композитор Петр Ильич Чайковский. Гример помог чуду перевоплощения.

Мосфильмовские гримерные похожи на операционные — своей стерильной чистотой, светом. Бывают дни, когда гримеры работают будто на конвейере. Из нескольких десятков актеров, статистов, студентов, пенсионеров, которые снимаются в массовой сцене (такой, скажем, как бал в «Войне и мире»), им нужно создать пеструю, выразительную толпу людей. Массовку, конечно, гримируют быстрее, чем главного героя, лицо которого зрители рассмотрят во всех подробностях. Участникам массовки просто покрывают гримом лицо и руки, «кладут тон», чтобы на экране они не казались белыми, приклеивают кому усы, кому бороду — этого добра тут полные корзины.

Другое дело, когда гримируется главный герой или героиня. Если нужно, чтобы это была красавица, гример подчеркивает в лице актрисы самые привлекательные черты, а менее выигрышные прячет.

Пока Людмила хорошеет на глазах, заглянем на соседний гримерный столик. Перед зеркалом Иннокентий Смоктуновский превращается в Петра Ильича Чайковского. Тут грим должен быть портретным, то есть не мешать нам на экране навязчивой мыслью: «Не похож». Гримеру нетрудно придать нужную форму актерскому носу, наклеить бородку. Ювелирная работа начинается, когда дело доходит до тонкостей: морщинок у глаз, у рта. При этом грим нужно наложить так, чтобы он не мешал актеру, чтобы его мимика оставалась свободной. Смоктуновский глаз не отрывает от зеркал, обступивших его со всех сторон. Наконец гример отходит на шаг в сторону, рассматривая свою работу. Кажется, неплохо...

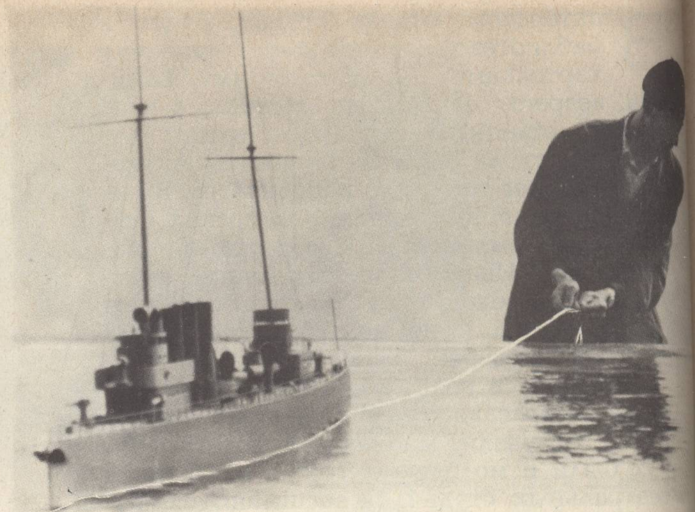
Но вот и наша Людмила загримирована. Она идет в съемочный павильон, где ее уже ждут режиссер и оператор.

Павильон — главный цех кинофабрики. На «Мосфильме» их тринадцать — огромных, как ангары для самолетов. Именно из-за съемочных павильонов «Мосфильм» занимает столько площади в тесноте современного города.

Когда идет съемка, тяжелые железные ворота отгораживают павильоны от всего мира. В эти часы каждый павильон живет своей жизнью. Конечно, интересно было

Продавец воздушных шаров взлетел к небесам. Никто не должен догадаться, что это лишь чучело.

Игрушечный корабль покажется на экране большим, настоящим военным кораблем, плывущим в море.

бы заглянуть во все тринадцать, но это почти так же трудно, как попытаться за день обойти все московские площади.

Актриса встала перед камерой. Откуда-то с высоты бросили свои лучи большие прожекторы, на площадке загорелись, тихонько зажужжав, мощные лампы — «диги». Их не меньше десятка, они стоят на тонких ножках, словно подсолнухи, наклонив к актрисе свои круглые головы — прожекторы. Ровный яркий свет залил павильон. «Мосфильм» поедает за день не меньше электроэнергии, чем какой-нибудь районный город.

Через некоторое время пот уже льет с Людмилы градом — «диги» горят, как маленькие солнца. Хорошо, что гример на страже: тут же поправляет растекшуюся краску.

А режиссер будто совсем не замечает ни жары, ни усталости. Он заставляет актрису еще и еще раз повторять сцену. Маленький кусочек — несколько слов и жестов. Но каждый раз актриса говорит заученные слова чуть-чуть по-другому и чуть-чуть по-другому поднимает глаза и берет протянутую ей чашу с вином. Эти повторения одного и того же эпизода называются дублями. Потом, просмотрев их на экране, режиссер выберет единственный—самый лучший, он и войдет в фильм.

Но прежде, чем это произойдет, мы должны побывать еще в одном цехе — монтажном.

Длинный коридор, снова кованные железом двери (ведь не дай бог пожар!), за ними стрекот мовиол — маленьких, но хитрых станков с крошечными экранчиками, на которых режиссер, склеив куски пленки, сразу видит, что же у него получилось.

Монтажный цех — царство женщин. Девушки-склейщицы мгновенно — щелк-щелк станочком для склейки — собирают воедино куски пленки, которые передают им монтажницы. Хорошая монтажница — первый помощник режиссера. Обычно она уже не один десяток лет проработала на студии и не хуже режиссера умеет выбирать лучший дубль, определить, какой длины — с точностью до одного кадрика — должен быть эпизод, чтобы он не показался скучным или слишком коротким.

Фильм склеен, запакован в железные коробки, но он еще не говорит по-настоящему, голоса у актеров звучат хрипловато, им мешает то стрекот камеры, то шум автомобиля на улице. И музыки еще нет. Значит, настало время идти в цех звукозаписи.

Этот цех стоит в стороне от шумных павильонов и монтажной. Его лестницы и коридоры выложены толстыми коврами, а стены обиты пушистой материей. Здесь стерильность особая — звуковая.

Снова в студию пришли актеры. Но уже без костюмов, без грима. Теперь им предстоит сыграть свои роли только голосом.

Актеры стоят перед микрофоном, висящим, словно удочка, посередине зала на длинном шесте со шнуром, и смотрят на экран. На экране без звука идут куски фильма с их участием. Актеры произносят те же слова, что говорили в этом эпизоде на съемке. Произносят, стараясь абсолютно точно попасть в ритм движений губ.

В темном зале звучат только их голоса. Даже звукооператор спрятался со своими

аппаратами за плотной стеклянной перегородкой. Только тот звук, что нужен по сюжету, попадет на пленку и ничего лишнего. Это может быть человеческий голос, пение скрипки, стрекот кузнечика, грохот взрывов, шепот заговорщиков...

Вместе с режиссером мы посмотрели уже готовые куски фильма. И вдруг заметили, что морские кораллы, которые мы видели в шкафу у режиссера, на экране выросли и Людмила среди них кажется совсем крошечной. Как это случилось?

— Приходите в цех комбинированных съемок,— пригласил нас режиссер.

В просторном помещении цеха стоит огромная, в шестьдесят пять квадратных метров, стена, вся сплошь из электрических лампочек. Лампочки закрыты экраном, но не обычным белым, а черным, блестящим. Когда световая стена зажжена, на черном экране образуются невидимые глазу инфракрасные лучи.

Перед экраном идет в белом платье красавица Людмила. Она идет не спеша, чуть робко, озираясь по сторонам, будто видит вокруг что-то необыкновенное. Но ведь вокруг ничего нет — съемочный киноаппарат стрекочет перед черным экраном в совершенно пустой комнате.

Нет, чудо уже есть, оно на тех двух пленках, которые заложены в аппарат. На одной, цветной, Людмила получилась, как и была,— в светлом платье на совершенно черном фоне. А на другой, инфракрасной, вышел только ее черный силуэт. Так получилось потому, что актриса, находясь между экраном и аппаратом, принимала на себя часть лучей, и они не попали на инфракрасную пленку. Черное силуэтное пятно пленки и есть знаменитая «блуждающая маска». Она нужна затем, чтобы живого, большого актера перенести, как равного, в мир игрушечных предметов. Чтобы понять, как это происходит, пойдем дальше — в сад Черномора.

Сад этот «вырос» на большом столе тут же, в цехе комбинированных съемок. Его аллеи состоят из белых кораллов, которые мы недавно видели. Аппарат снимает игрушечные заросли. В него снова заряжены две пленки. Черная «блуждающая маска» помещена перед цветной пленкой, точно совпадает с цветным изображением Людмилы и плотно закрывает это изображение. А на незанятой, незасвеченной площади цветной пленки (помните черный фон экрана?) запечатлевается фантастический сад Черномора. Выходит, оператор дважды снимал на одну и ту же пленку. Сначала Людмилу, а потом волшебный сад. Но один кадр не испортил другой потому, что фигура Людмилы была закрыта ее черной «блуждающей маской». Вот и получилось, что Людмила не спеша идет по удивительному, фантастическому саду.

Киносъемочная группа выехала на «натуру». В павильоне такую сцену не снимешь.

Камера снимает игрушечные деревья с близкого расстояния, и они кажутся огромными. А Людмилу с большого, вот почему она такая крошечная в этом саду.

Мы с вами открыли всего один секрет киносъемки, а их в кино огромное множество. Секреты потому и называются секретами, что их не раскрывают всем. Кинематографисты ведь хотят, чтобы нас, кинозрителей, когда мы смотрим фильм, ни на минуту не покидало ощущение правды, подлинности происходящего, даже если это волшебная сказка...

Наша экскурсия по «Мосфильму» подошла к концу. Мы видели, что и как делается в его рабочих цехах. Но мы знаем, что съемки идут и прямо на «натуре»: на городских улицах и в горах, на море и в воздухе.

Из ворот «Мосфильма» выезжает вереница грузовиков.

— Куда? — успеваем мы крикнуть водителю последнего.

— В Суздаль.

Значит, в древнем русском городе снимается фильм, который мы увидим со временем.

Фильмов много. Только за один год «Мосфильм» выпускает сорок новых картин. Есть из чего выбрать те, что помогут лучше узнать наш большой земной мир, раскроют страницы его истории и чудесную поэзию сказки.

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС

МАВРИТАНЦЫ УЧАТСЯ ● ГЕРОЙСКАЯ БЫЛЬ ● ИНТЕРНАТЫ У МОРЯ ● В ИНДЕЙСКИХ ХИЖИНАХ ● ДЕМОКРАТИЯ ПО-ФАШИСТСКИ ● ПРУШКОВСКИЕ ТАЛАНТЫ ● ОХОТНИК ЗА СПУТНИКАМИ ● СМЕЛЫЙ ТЭДДИ.

И поднялся трубач...

Тридцать пять лет хранил свою тайну крошечный пятачок немецкой земли. И вот в прошлом году сюда, на высокий холм близ деревни Эренфридендсдорф, пришел отряд юных тельмановцев. Что же привело ребят в лесной край? Пионеры искали свидетелей подвига коммуниста Макса Никласа.

В конце 1933 года в Эренфридендсдорф нагрянули штурмовики. Вожаки их решили добиться доверия у крестьян. Для этой цели пригласили всех жителей деревни на встречу Нового года. За празднично накрытым столом, рассуждали гитлеровцы, голодные крестьяне хотя бы на время забудут, где друг, а где враг.

Макс Никлас собрал товарищей.

— Надо сорвать этот спектакль, — сказал он, — напомним коричневым рубашкам, что есть еще в Германии смелые люди.

И ровно в двенадцать часов, когда вожак штурмовиков собрался произнести речь, на холме запела труба. Невидимый трубач играл мелодию «Интернационала».

Тельмановцы собрали интересный материал о подпольщиках Эренфридендсдорфа, об их борьбе с фашистами, о гестаповском застенке, где погиб отважный трубач Макс Никлас. Нашли юные разведчики и его легендарную трубу.

В новогоднюю ночь на холм Макса Никласа теперь приходят ребята. И снова, как тридцать пять лет назад, звучит боевая, неумирающая мелодия «Интернационала».

ОТ МОРЯ ЖЕЛТОГО ДО МОРЯ СИНЕГО

Большую часть территории Алжира занимает пустыня Сахара. По раскаленным пескам двигаются караваны кочевников. Вместе со взрослыми путешествуют дети. Они никогда не видят синего моря. Из поколения в поколение знают они только море песка.

О маленьких бедуинах позаботилось правительство Алжирской республики. На берегу Средиземного моря открылись интернаты. Здесь ребята живут, учатся. А в свободное время купаются в прохладной морской воде.

В двадцать пять раз больше

Когда Гвинеей управляли французские колонизаторы, только двое из ста гвинейских ребят ходили в школу. Теперь в независимой Гвинейской республике учится каждый второй юный гражданин.

Прыжок с тигром

Четырнадцатилетний Тэдди Нейман выступает в цирке вместе со своим отцом и тигрицей Сандро. У них опасный номер: с восьмиметровой высоты отец мальчика и тигрица прыгают в бассейн с водой. Во время гастролей по Австрии отец вдруг заболел и долго пролежал в больнице. Номер был снят с программы. Тогда Тэдди решил заменить отца и с его согласия приступил к репетициям. Вскоре «Прыжок с тигром», исполненный Тэдди, снова стал привлекать в цирк толпы зрителей.

ХУДОЖНИКИ ИЗ ПРУШКОВА

В этой школе все ребята — художники. Работают они самостоятельно, никому не подражая. Учитель не ставит ученикам оценок. Они сами обсуждают и оценивают каждую работу и ни за что не подпишут рисунка, пока он не прошел через огонь критики и пока сам ученик не признал его достойным подписи.

Учатся в этой необычной школе дети рабочих польского города Прушкова. Выставки прушковцев всегда вызывают большой интерес. Работы ребят с успехом путешествовали по Польше и другим странам. Видели их жители Лондона, Рима, Берлина, Лейпцига, Белграда, Парижа, Гааги, даже далекого Токио и нескольких городов Индии.

Школа под деревом

В мавританском селе Шингети не было ни одного грамотного жителя. И вот после ухода французских колонизаторов здесь недавно открылась школа. Четыреста ребят сели за парты. Четыреста юных жителей теперь уже знают некоторые буквы алфавита и умеют считать до десяти. На уроки ребята ходят с большой охотой. Правда, школа их не имеет крыши. Но крыша не так уж и нужна в Африке. Здесь всегда теплое солнце. И парты стоят прямо на улице, в тени деревьев.

Праздничны и многолюдны бывают выступления юных гимнастов на стадионе в Бамако — главном городе Республики Мали.

Рядом с Софией

Это настоящая индейская деревня. Меж деревьями прячутся хижины. Полыхает костер перед шатром вождя. Стоят на страже воины с копьями и луками.

А совсем рядом — шумная автострада. И всего в десяти километрах — София.

Индейскую деревню построили пионеры 23-й школы болгарской столицы.

Сначала здесь поселились члены исторического кружка. Но вскоре о необычном селении прослышала вся школа, и тогда пришлось строить новые хижины.

С понедельника до субботы поселок «Огненных стрел» пустует. А в субботу загораются костры, на площадке у шатра вождя встают воины. Начинается веселое празднество...

На празднества допускают и взрослых. Но, прежде чем ступить на «индейскую» территорию, они должны ответить на вопросы часовых. Если вы еще помните историю, не забыли страниц Фенимора Купера и Майн-Рида, часовые разведут копья и пропустят вас...

ВМЕСТО УЧИТЕЛЯ... УНТЕР

Прозвенел звонок, и в класс вместо учителя вошел бравый унтер-офицер.

— Смирно! — скомандовал унтер.

Ученики вытянулись.

— Сегодня мы с вами разберем, что такое греческая демократия.

Класс затих.

— Так что же такое наша демократия? — спросил новоявленный наставник.

— Власть народа, — робко сказал кто-то.

— Неверно, — поправил унтер. — Не власть народа, а власть для охраны народа. И поэтому должны существовать полиция, трибунал и, конечно, тюрьмы...

Вот какие уроки проходят сейчас в греческих школах. «Черные полковники» правят страной. Лучшие учителя брошены в концлагеря. А в классах командуют унтер-офицеры.

С точностью до секунды

Когда один из искусственных спутников Земли пролетал над Яссами, пятиклассник Еуджен Попа уже сидел на скамейке в городском парке и изучал ночное небо. Еуджену удалось с точностью до секунды установить время появления спутника. Свои вычисления он послал на конкурс в научный журнал и получил первую премию. Позднее юный математик трижды одержал победу на румынских республиканских конкурсах и два раза на международных олимпиадах в Берлине и Софии.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

ФРАНЦИЯ. В Марселе открылся музей по истории искусства для детей от пяти до двенадцати лет. В нем выставлены картины, скульптуры, офорты и рисунки. Музей очень нравится посетителям.

АНГЛИЯ. Две тысячи лондонских малышей участвовали в демонстрации «Поход до пяти» («Under — five—march»). Вместе с матерями ребята требовали, чтобы правительство открыло детские сады.

ИТАЛИЯ. Из Флоренции в Ханой ушла посылка. Итальянские пионеры послали вьетнамским ребятам тетради, карандаши, авторучки. Это уже четвертая посылка юных итальянцев во Вьетнам.

Воробышек

Взлетел воробышек на крышу
И зачирикал: «Чик-чирик!
Взлететь бы мне еще повыше
И крикнуть сверху: «чик-чирик!».

Женя **РАЮЗИНА**, 11 лет.
г. Минск.

Липа

Стройные липы у дороги в школу,
Сколько лет стоите, деревца зеленые?
Может быть, всего лишь год?
А может быть, и десять?
Сотый раз задаю я им этот вопрос,
Да разве они ответят?
Ответят! Да!
«Шу-шу, шу-шу,
Три года на ветру трепещу.
Шу-шу, шу-шу».

Ира **ХАЗОВА**, 13 лет,
пос. Октябрьское, Брянской обл.

Пароход

По реке плывет
Белый пароход,
Дым пускает,
Гудки дает,
Пассажиров везет.
Пассажиры сидят —
На реку глядят,
Им все интересно.
До чего же чудесно!
На палубе дети играют,
А некоторые читают.
Капитан на мостике стоит
И в трубу глядит.
Вот какой пароход,
Что по речке плывет!

Тамара **САМОВЕР**, 12 лет.
г. Минск.

Фонари

На улице моей
Стоят шесть фонарей.
Ночью фонари не спят,
Ночью фонари горят.
Горят, переливаются
На улице моей
Шесть ярких фонарей.

Алла **АРШАКЯН**, 7 лет.
г. Ереван.

Люблю мерцанье звезд,
И легкий ветерок,
И всплеск волны,
И радостные сны.
Я мир люблю,
Я свет люблю,
Я жизнь люблю
И красоту.

Таня **ТЕБАЙКИНА**, 11 лет.
г. Пермь.

СТИХИ ИГОРЯ ЧЕРКОЗЬЯНА

Я тоже пишу стихи. Мне 12 лет, учусь в шестом классе. Вот и все о себе.

Игорь **ЧЕРКОЗЬЯН**,
г. Семипалатинск.

Ветры

Дуют ветры южные,
Северные дуют,
Нужные, ненужные,
Шепчутся, колдуют,
Западные ветры,
И с востока — тоже,
Бегают по веткам,
Корчат в лужах рожи.
То дожди приносят,
То снега кидают,
Ничего не просят —
Сразу отбирают.
А затихнут если
Где-нибудь в лесочке,
То заводят песню,
Теребя листочки.

В автобусе

Капают точки
На стекла машины.
Строчку за строчкой
Дождик проводит.
А за окошком
Витрины, витрины.
А за окошком
Вечер приходит.
Дождик — огромный,
Вечер — безмерный,
Только автобус —
Карлик, наверно.

Великан и малютка

Однажды я и мои друзья пошли в лес. Там находятся учебные площадки для собак. И мы наблюдали такую сцену.

Огромный дог готовился к драке. Он должен был драться с человеком в длинной шубе с огромными рукавами.

— Фас! — И дог летит к месту боя.

И вдруг раздалось... мяуканье. Да-да, этот писк был очень похож на мяуканье. «Мяукала» маленькая собачонка: она могла уместиться в кармане.

Дог замер. Несколько секунд он не двигался, а затем подошел к собачке и посмотрел на нее. Тут малютка опять «мяукнула».

Тогда дог подошел к ней поближе и лизнул ее мордочку. Малютка доверчиво посмотрела на великана. Они подружились моментально.

Но тут толстая тетя бесцеремонно взяла и посадила в сумку собачонку. Та опять «мяукнула», жалобно-жалобно.

Тетя удалялась, а дог долго смотрел ей вслед. Наконец он повернулся и поплелся на свое место.

Лена ЦЕЙТЛИН, 13 лет.
г. Москва.

ПОЧТА «КОРАБЛИКА»

Стихотворение «На Мойке» * Саши Ласкина мне понравилось. Саша хорошо его написал. Чувствуется, что оно с чувством написано и как-то правдиво.

У меня еще очень свежи воспоминания о Ленинграде, и, по-моему, Саша написал о том, что чувствуешь, когда идешь по набережной Мойки.

Слава ЖОРНИЦКАЯ, 14 лет.
г. Винница.

* Стихотворение было напечатано в августовском выпуске «Кораблика» за прошлый год (примечание редакции).

Рисует Вася Етков

Паренек, нарисовавший этих оленей, чум и нарты, живет на Крайнем Севере, в горах Полярного Урала. Его зовут Вася. Ему 10 лет. Живет он вместе с отцом, матерью, четырьмя братьями и сестренкой вот в таком же, как на картинке, чуме, где весь пол застлан теплыми оленьими шкурами, а посредине горит костер. Вокруг чума пасутся олени. Стерегут их четыре лохматые и добродушные лайки. И стерегут так хорошо, что люди лишь изредка проверяют стадо. К вечеру собаки гонят стадо поближе к чуму. Самую любимую Васину собаку зовут Гутька. Она так шустро гоняет оленей, что приходится привязывать одну ее лапу к морде, чтобы утихомирить. Тогда кажется, что у Гутьки болят зубы и ей замотали щеку, нечаянно прихватив и лапу.

Вася помогает отцу и старшему брату пасти оленей и ловить рыбу в холодных прозрачных озерах.

Время от времени, когда олени объедят весь ягельник вокруг чума, Егор Етков с ребятами складывают чум, нагружают все свое добро на нарты, впрягают в них по пятьшесть оленей и перекочевывают на новое стойбище. И всегда Егор выбирает удивительно красивое место.

Вася очень любит рисовать. Эти рисунки он подарил нам прошлым летом, когда наша геологическая партия работала в тех местах.

А. ШМИДТ, геолог.

Ущелье каменных козлов

Н. СЛАДКОВ

Фото автора.

Нас в ущелье заманила вода. Она билась среди раскаленных камней, как живая голубая жилка. Мы грохнулись на колени, окунули головы в воду и стали пить, фыркая и захлебываясь: в пустыне быстро узнаешь цену воде!

Чем глубже в ущелье, тем скалы угрюмей и выше. Скалы черные от загара. Блестящие, как литое стекло. Вычернило их солнце, отполировали песком ветры. Голубое небо отражается в черных скалах, и они отливают синью, как вороново крыло.

Тут и там на черных стенах светлые пятна. Это срывались от подземных толчков глыбы. Пятен много: землетрясения здесь не диковина. Глыбы огромные: землетрясения здесь не шуточные.

Между черных скал — лиловые осыпи. Тени там резки, камни горячи, а звуки гулки.

В мире камней живут «каменные» птицы: каменный поползень, каменная куропатка, пестрый каменный дрозд.

Каменный поползень гнездо строит из глины, замешанной на слюне. Гнездо раз в триста тяжелей самой птички. И крепкое оно, как камень. Поползень строит свой дом надолго. Сверху полирует слизью от гусениц. Вмазывает в глину яркие перышки и блестящих жуков—украшает.

Каменные дрозды веселыми рыжими пятнышками светятся на мрачных скалах. И звонкие их голоса смягчают суровость каменных глыб.

По-деревенски, словно в курятнике, квохчут кеклики — каменные куропатки. Странные птицы: в камнях живут, в камнях кормятся, в камнях детей растят.

А когда-то тут жили и люди.

Везде на скалах рисунки! И там и тут — целые картинные галереи! Больше всего выбито и выцарапано козлов — рогатых, бородатых, важных. А вот бараны-архары, с толстыми, круто закрученными рогами. Олени-маралы: значит, и они тут водились когда-то.

Я разглядываю мастерскую древнего живописца. Вот на этом камне он сидел у стены. Свет падал отсюда, как и теперь, тысячи лет спустя... Тишина окружала его. И тысячи лет назад она была такой же, как и сейчас. И солнце пекло. И лениво — вот так же! — жужжали мухи. Из этого ручья он пил, черпая воду ладонями. И капли скатывались с бороды.

Его сородичи после тяжелой охоты блаженно лежали в тени, сонно отмахиваясь от мух. Просыпаясь, подсмеивались, наверное, над чудаком, упорно царапающим скалу.

А художник скоблил и скоблил. Взбудораженный, переполненный виденным, узнанным, понятым. Первый историк и живописец древних жителей пустыни. Счастливый уже одним тем, что никто ему не мешает.

Я вглядываюсь в рисунки на скалах: они напоминают что-то очень знакомое. Ну да,

Голубое небо отражается в черных скалах, и они отливают синью, как вороново крыло. Везде на скалах — рисунки...

конечно: вот так же рисуют теперь ребята углем и мелом на стенах, заборах, панелях! По правилу «точка, точка, запятая, минус— рожица кривая».

А сегодня по этим простым рисункам мы узнаем жизнь наших дальних предков. Каким оружием они сражались, на каких музыкальных инструментах играли. Как охотились, как танцевали. Каких зверей приручали, а каких упорно преследовали.

Есть на скалах рисунки непонятных зверей и чудовищ. Наверное, тогда художники боялись чего-то страшного и непонятного.

А есть рисунки и смешные. Баран с собачьим хвостом, верблюд с козлиными рогами, козел с верблюжьим горбом. Древние охотники, прекрасно знавшие звериную стать, наверное, со смеху покатывались, глядя на этих уродцев. Так же, как теперь смеются ребята над стишками-перевертышами «Курочки закрякали, утки закудахтали».

Я перехожу от камня к камню, от скалы к скале, как от витрины к витрине музея. Время многое уже стерло. Многое потускнело и потемнело под огненным солнцем пустыни. Жесткие ветры затерли грани. Но я с уважением глажу шероховатые камни. Я с завистью думаю о художнике, рисунки которого пережили тысячелетия...

Спим мы в крохотной палаточке, втиснутой между упавшими глыбами. Ветер надувает ее, как воздушный шарик. Камни давят под ребра.

Тихо плещет ручей, скребутся о палатку кусты, пустынный козодой трещит уныло. Со звоном катятся плитки щебенки: кто-то и ночью ходит по скалам.

Утром мы покидаем каменное ущелье.

Со всех сторон смотрят на нас дикие козлы-теки: мертвые, изваянные на камне, и живые, застывшие, как каменные изваяния... ★

В. КАВЕРИН

СКАЗКА

Окончание

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Тайна полета

В общем, все были довольны. Немухинцы — тем, что наконец сгорела деревянная, старомодная вышка, на месте которой никто не мешал теперь построить телевизионную башню, а Старый Трубочный Мастер — тем, что прославился не чей-нибудь, а именно его котенок. Недоволен был только Леня. Более того, на него напала такая тоска, что он совершенно перестал заниматься и схватил по ботанике двойку. Все, чему его научил Петька, он начисто забыл и стал говорить даже еще сложнее, чем прежде.

— У меня угнетенное состояние духа,— сказал он Тане и Петьке,— вызванное непредвиденным происшествием, которое может повлечь за собой другое происшествие, еще более непредвиденное и нежелательное во всех отношениях.

Он хотел сказать, что ему не надо было спасать котенка, потому что теперь все узнали, что он умеет летать.

— К сожалению, на этот раз я действительно должен теперь поступить сообразно обстоятельствам,— продолжал он,— потому что Смотрителя Маяка можно ожидать в Немухине каждую минуту. Вот почему я решил открыть вам тайну полета. Кто знает, может быть, вам придется помочь мне, а для этого необходимо научиться летать.

Разговор происходил поздно вечером, и весь город спал по возможности вежливо, то есть не храпя и не вскакивая без причины во сне.

— Однажды ты упомянул, Петя, о девочке, которой хотелось взлететь.

— Ну, как же. «Война и мир», часть вторая, страница сто пятьдесят пять. «Так бы вот села на корточки и подхватила себя под коленки».

Петя давно выучил эту страницу наизусть.

— Была ли в ту ночь полная луна?

— Нет,— честно сознался Петька.— «Почти полная на светлом, почти беззвездном небе».

— Зажмурилась ли она, когда села на корточки, подхватив себя под коленки?

— Тоже нет.

— А надо было крепко зажмуриться,— сказал Леня.— Кроме того, она, без сомнения, не

знала, что надо было сказать, крепко зажмурившись и подхватив себя под коленки.

Вечер был ясный, на дворе светло, и когда худенький беленький Леня, в накинутом на плечи пальтишке, переделанном из пиджака Трубочного Мастера, сел на корточки и закрыл глаза, Таню даже немного затошнило от волнения, а Петьку от любопытства.

— «Господин Главный Ветер и прочая, и прочая, и прочая, ты слышишь меня? — прошептал Леня.— Пошли мне попутный, не встречный, не поперечный. Пошли мне не косой и не боковой. В тучах не заблудиться, в облаках не растеряться, под солнышком не растаять, до утра долететь». А потом,— уже своим, обыкновенным голосом сказал Леня,— надо встать, открыть глаза, и все пойдет как по маслу, то есть, я хочу сказать, именно так, как происходит в природе. Лететь, кстати сказать, можно не только при полной луне, но и в полдень, когда солнце в зените. Махать руками, как крыльями, не надо. Бояться или думать, что это—чудо, не следует и даже опасно. Но если захочется опуститься, вот тогда как раз и надо подумать, что это — чудо. Но подумать вежливо, в осмотрительных выражениях. Например: «А не странно ли в самом деле, что я летаю, как птица, вместо того чтобы ходить по земле?» Вы понимаете, ребята, вообще-то говоря, ведь это действительно настоящее чудо. Но чудеса самолюбивы, обидчивы. Как только им перестают верить, они перестают действовать. Ведь это тоже совершенно естественно, правда?

Если бы ребята не были так увлечены разговором, они бы заметили, что какой-то странный ветерок бродил по Немухину в ту бесшумную лунную ночь. Вот он заглянул в один двор, пошарил в сарае, пробрался в курятник и смертельно напугал кур, подув на них сзади, как это делают хозяйки, размышляя, стоит ли их покупать.

Вот заглянул в другой, обежал флигелек, осторожно залетел в слуховое окошко. Можно было подумать, что этот ветерок искал кого-то в Немухине или даже что он, не зная адреса, догадывался, где живет тот, кого он искал.

— Конечно, жители Летандии летают в любое время дня и ночи без обращения к Господину Главному Ветру,— продолжал Леня.— Но иностранцы — ведь в Летандии вы, как это ни странно, сразу же станете иностранцами — могут летать, только зная тайну полета.

Ребята разговаривали тихо, и ветерок, бродивший по Немухину, может быть, не услышал бы их, если бы Петька не спросил громким голосом:

— Значит, если о чудесах подумать невежливо, они тебя так брякнут о землю, что, пожалуй, и костей не соберешь?

Не знаю, случалось ли вам замечать, как сильный шторм в густом лесу подчас валит деревья не всплошную, а точно по выбору, переламывая, как спички, столетние сосны? Нечто подобное произошло в эту минуту. Легкий вете-

Все закружилось во дворе Трубочного Мастера, двери распахнулись, забор с треском упал, сарай мигом превратился в груду досок.

рок вдруг превратился в вихрь. Все закружилось во дворе Трубочного Мастера, двери распахнулись, забор с треском упал, сарай мигом превратился в груду переломанных досок. Дом уцелел, слегка перекосившись, но крышу унесло в Мухин, откуда ее наутро пришлось перегонять через речку с помощью самоходной баржи. Но самое грустное, самое неожиданное и, повидимому, непоправимое заключалось в том, что Леня Караскин пропал. Осталась только Эолова арфа на чердачном окне, и она еще звенела так пронзительно-грустно, как будто без конца повторяла: «Прости».

Где же Леня? Таня поднялась на чердак, Трубочный Мастер бегал по двору, котенок жалобно мяукал. И только Петька стоял на крыльце, думая о том, что теперь-то он наконец сумеет доказать, что у него действительно Львиное Сердце. Он своими глазами видел мелькнувшего в улетающем вихре коротконогого Смотрителя Маяка, похожего на пифагоровы штаны. В центре квадрата, построенного на гипотенузе, сидел, сжавшись и втянув голову в плечи, бледный, худенький, перепуганный Леня.

Воробей с Сердцем Льва

Лене случалось видеть цветные сны, и теперь он иногда думал, что самый милый из его цветных снов — это Немухин с его Нескорой улицей, с его светлой речкой, в которой стайками ходили пескари, с его пожарной каланчой, которая была так хороша, пока не сгорела. И зачем только он пожалел котенка? Но жалеть о том, что он пожалел котенка, Леня не мог.

«Судьба»,— грустно думал он, просыпаясь, и Немухин исчезал, как сон, потому что и цветной сон в конце концов исчезает. Надо было вставать и действовать «сообразно своим обязанностям», как приказывал ему Смотритель. В этот день обязанности заключались в том, что он должен был идти за керосином в город. На набережной, перед воротами крепости, керосинщик уже трубил, извещая Летандию о своем появлении.

От Наблюдательной вышки, где спал в эту ночь Леня, он должен был спуститься вниз по длиннейшей винтовой лестнице Маяка, а потом, гремя бидонами, почти две мили бежать по уложенному булыжниками молу. Куда проще было бы в пять минут слетать к керосинщику и обратно! Но, подобно тому, как жители приморских городов не любят купаться, в Летандии принято было летать только по важным делам или — в редких случаях — в гости.

Хвост был уже длинный, когда, запыхавшись, Леня добрался до керосинщика и уселся на каменные плиты — и надо сказать, что это был не совсем обыкновенный хвост. Почти никому не нужен был керосин, и многие пришли только потому, что на этом месте и в этот час каждое утро покупали керосин их отцы и деды. В Летандии были сильны традиции, а традиции, как известно, в некоторых странах переходят из поколения в поколение.

Керосину, слава богу, хватило и для Лени, и он поплелся дальше, не думая о том, как хороша была Летандия в этот нежаркий октябрьский день. Красно-рыжие черепичные крыши были похожи на остроугольные ступени, не спеша поднимавшиеся в гору,— они и были ступенями для Господина Главного Ветра. Его сквозной, открытый со всех сторон дворец стоял на высокой желто-зелено-красной горе, и крепость, по стенам которой можно было бродить целый день, казалась оттуда цветной мозаичной трапецией, вставленной между синевой моря и неба. Но эта трапеция, если спуститься вниз, превращалась в старинный городок с узкими улицами, переходящими в лестницы, и с лестницами, ведущими в пятисотлетние храмы. В центре города была площадь, уложенная гладкими плитами. Над самым старинным из храмов висел прозрачный колокол, светившийся по ночам таинственным зеленым светом.

Короче говоря, на каждом шагу было что-нибудь необыкновенное, а ведь если необыкновенное видеть каждый день, оно начинает казаться таким обыкновенным, что ничего обыкновеннее просто невозможно себе и представить. Вот почему Леня не заметил даже, что из каждого дома слышались звуки камертона — это настраивались Эоловы арфы, а те, у кого не было настоящих Эоловых арф, натягивали потуже бельевые веревки, переброшенные через улицу от одного дома к другому.

Все это означало, что на острове ждут возвращения Господина Главного Ветра, потому что, возвращаясь, он играл на всех Эоловых арфах одновременно.

Но Лене было не до музыки. Он тащился по городу, ничего не видя и не слыша. Покупок было еще немало. Он должен был купить табак для Смотрителя и хлебных крошек для чаек — он тайком кормил чаек. Но табак подорожал, и чайки остались без крошек.

С грустью думал он о том, что все давным-давно забыли его в Немухине: забыл котенок, которого он как-никак спас, забыл Старый Трубочный Мастер, забыла Нескорая улица, по которой он каждое утро бежал в свою школу, забыла школа, а в школе его забыли Таня и Петя. Он ошибался. Никто в Немухине его не забыл.

Еще в сентябре появилась статья, в которой было сказано, что все без исключения немухинцы решительно протестуют против насильственного исчезновения одного из лучших учеников шестого «б» класса, недавно проявившего мужество перед лицом смертельной опасности, грозившей одному легкомысленному котенку.

В других номерах были краткие сообщения о создании комиссии по спасению Лени Караскина.

Наконец, под шапкой «Вылетели» было напечатано следующее сообщение:

Хвост был уже длинный, когда, запыхавшись, Леня добрался до керосинщика.

Сегодня, 25 сентября, на розыски пропавшего без вести шестиклассника Л. К. отправилась экспедиция в составе:
1) С. Т. М., корреспондент «Немухинского голоса» (руководитель).
2) П., по прозвищу «Воробей Львиное Сердце».
3) Т. — ученица шестого класса музыкальной школы (скрипка).
По некоторым соображениям пункт назначения, имена участников и материальная сторона экспедиции остаются в полном секрете.

Материальная сторона заключалась главным образом в том, что Старый Трубочный Мастер взял не только фотоаппарат, но и радиопередатчик, Таня — свою скрипку, а Петька — котенка.

Вот как обстояли дела, когда, расстроенный тем, что ему не удалось купить хлебных крошек для чаек, Леня спускался к молу по лестнице со своими бидонами, отдыхая чуть ли не на каждой ступеньке. И вдруг он почувствовал, что один из бидонов стал полегче — не пролил ли он керосин? Нет, все в порядке! Но вот полегче стал другой — и, обернувшись, он увидел подхвативших бидоны Таню и Петю. Немного поодаль с достоинством шел Старый Трубочный Мастер, у которого был вид настоящего спецкорреспондента с его фото- и радиоаппаратами, висевшими крест-накрест на широкой груди. Аппараты тут же были пущены в ход, и первое сообщение гласило:

Обнаружен в неприглядном виде. Обдумываются меры немедленного восстановления здоровья.

Решено было, никому не показываясь в городе, скрыться до ночи в Лениной каморке, дождаться полнолуния и улететь. Но как попасть на Маяк? Смотритель может увидеть их на узкой полоске мола.

Они торопливо пробежали по молу, хотя Леня сказал, что Смотритель никогда не смотрит в сторону Летандии.

— Зачем же,— однажды заметил он,— смотреть на то, что никогда и ни при каких обстоятельствах измениться не может?

Бочки с запасом пресной воды стояли вдоль стен подвала на случай, если буря отрежет Маяк от земли. В углу были сложены отслужившие свой век маячные лампы. Отсюда по железной винтовой лестнице они поднялись до первой смотровой площадки, на которую выходила комнатка Лени. Подниматься дальше было опасно, потому что Смотритель мог услышать шаги, и вообще пора было отдохнуть и перекусить после полета. По этому поводу в Немухин полетела вторая радиограмма:

Перекусываем

У хозяина не оказалось ничего, кроме краюхи хлеба и отвратительной настойки из волчьих ягод, которую Смотритель считал полезной для детей, и Трубочный Мастер, вытащив из заплечного мешка колбасу, лук и яйца, прибавил через несколько минут к своей радиограмме: **«Аппетит превосходный»**.

Но аппетит аппетитом, а ведь пора было подумать о том, чтобы успешно решить поставленную перед экспедицией задачу: вернуть Леню в шестой «б» класс немухинской школы.

Из комнаты Лени легко было шагнуть на площадку, находившуюся примерно метрах в тридцати пяти над морем, а с площадки — взлететь. Но прежде Леня должен был:

1) разбудить Смотрителя, потому что Маяк нельзя было оставлять без присмотра, и

2) подлить керосин.

В Лениной комнате была ниша, где хранились отслужившие свою службу канаты. Он спрятал друзей в эту нишу и ушел.

Котенок мгновенно уснул, Трубочный Мастер занялся своими аппаратами, а Таня с Петей стали болтать о полете.

— Ух, а мне было страшно, когда я поднялась,— сказала Таня,— у меня шнурок развязался на туфле, и я не знала: если это все-таки чудо, можно ли, например, завязать его, то есть сделать самую обыкновенную вещь?

— А здорово мы заблудились в облаках!— с восторгом сказал Петька.— Какие они смешные, верно? Перистые—как перья, а кучевые, ну, совершенно как стадо баранов! Так и кажется, что сейчас услышишь: «Мэ-э, мэ-э».

Только что Трубочный Мастер успел передать по радио: **«Подзаправились, обмениваемся впечатлениями, отдыхаем»**,— как вернулся взволнованный Леня.

— Насилу разбудил,— сказал он.— И, к сожалению, Смотритель проснулся в очень дурном настроении. Левый сапог он надел на правую ногу, а правый — на левую и рассердился, когда я обратил его внимание на эту ошибку. Трижды он пересчитал деньги, оставшиеся от покупки керосина. Он велел мне начистить мелом пуговицы на его парадном мундире — это значит, что с минуты на минуту можно ждать возвращения Господина Главного Ветра. Словом, надо лететь. Через четверть часа солнце будет в зените.

Несколько минут все же пришлось потерять, потому что Трубочный Мастер должен был дать радиограмму: **«Вылетаем»**, а Петька — осколком кирпича вывести на стене: «Привет бабушке, не забудьте полить фикус». В полном снаряжении они вышли на смотровую площадку, и вдруг нежная, слабо-порывистая музыка окружила их таким плотным кольцом, что они не могли бы, кажется, двинуть ни рукой, ни ногой. Это Эоловы арфы возвестили о приближении Господина Главного Ветра. Он пролетел над Маяком так быстро, что Петька увидел лишь его желтые, развевающиеся волосы и длинные ноги в клетчатых брюках.

— Ровно двенадцать,— шепотом напомнил Леня.

Они присели на корточки, крепко обхватили себя под коленками. Но зажмуриться — увы — не пришлось, потому что Смотритель Маяка, в ярко-зеленом мундире, на котором блестели ярко-ярко начищенные пуговицы, в новых брюках с зеленым кантом неожиданно появился на смотровой площадке.

— Вы арестованы,— сказал он ровным, ничего не выражающим голосом.— Более того, я доложу о вашей незаконной попытке похитить коренного жителя Летандии Господину Главному Ветру.

Он не успел договорить. Петька вскочил, сказал: «Как бы не так!»— и с тридцатипятиметровой высоты кинулся в море.

Что прошло, то прошло

Господин Главный Ветер неизменно возвращался из своих путешествий с какой-нибудь новой затеей.

На этот раз он был увлечен мыслью, которая никого не заставила задуматься в Летандии, потому что все знали, что через несколько дней он забудет о ней.

Она была выражена в четырех словах: «Что прошло, то прошло». В объявлениях, наклеенных на стенах, эти слова разъяснялись: «Прошлого не вернуть, как бы уж там ни стараться. Да и стоит ли? Ведь кто-то уже доказал, что время необратимо!»

Таким образом, нельзя было сказать, что Господин Главный Ветер не заботился о Летандии. В других странах он вел себя гораздо хуже: засыпал песком города, обрушивал на морские пристани волны высотой с Эверест, топил корабли, устраивал обвалы в горах и очень любил доводить людей до нервного расстройства. Как настоящий разбойник, он скрывался под сотней имен и прозвищ — Сирокко, Суховей, Самум. Он обрушивался на целые континенты, и теперь уже никто не верил, что некогда у него была строгая мать, которую он уважал и любил. Об этом легко судить по известной колыбельной песне:

Спи, дитя мое, усни,
Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла
Ветра, солнце и орла.

Улетел орел домой,
Солнце скрылось за горой,
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать,
Али звезды воевал,
Али волны все гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых,
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал».

Разумеется, эта песня была строго запрещена в Летандии. Еще бы! Кто посмел бы предположить, что Господин Главный Ветер занимался такими пустяками и даже был, строго говоря, обыкновенной няней?

Ходили слухи, что в одной из самых старинных рукописей, которые давным-давно никто не читал, рассказывалось о том, что под Летандией сохранились пещеры, где добровольно или по принуждению оставалось навсегда то, что хотел забыть Господин Главный Ветер.

«Там течет подземная река,— шептали друг другу жители Летандии,— а в ней, представьте, водятся пещерные рыбы, которые могут жить только в темноте. Там застыл в воздухе теплый солнечный дождь, который не согласился стать холодным и косым, несмотря на приказ Господина Главного Ветра».

Но самый странный слух, которому почти невозможно было поверить, заключался в том, что он в конце концов рассердился на свою мать за ее советы и наставления и решил, как это часто бывает с подрастающими детьми, жить своим умом. Более того, он заключил ее в одну из подземных пещер и забыл о ней на целое тысячелетие.

Короче говоря, Господин Главный Ветер был очень неблагодарный, честолюбивый и беспощадный господин.

Он не любил, например, когда жители Летандии начинали думать о себе, а не только о нем. Он был хвастлив: возвращаясь, он собирал всех жителей острова на Площадь Розы Ветров и долго рассказывал им о своих подвигах, почти всегда неприятных. Его не то что боялись, но побаивались, тем более, что у него была дурная привычка: если собеседник не соглашался с ним, он вдруг ставил его вверх ногами.

Все будет тип-топ

Петька, слетевший в море, как он полагал, «ласточкой», на деле шлепнулся, как мешок с картошкой. Зато в его ушах еще слышался испуганно-восторженный возглас Тани. Он выплыл, хотя его чуть не схватила за

У кого не было настоящих Эоловых арф, те натягивали потуже бельевые веревки.

ногу какая-то глубоководная рыба. На берегу он подсох, отдышался и привел себя в порядок — неудобно было все-таки являться в таком виде к Господину Главному Ветру. Камни на берегу успели нагреться, и с помощью одного из них он сделал на потрепанных штанах заметную складку.

Никто не помешал ему войти в крепость по мосту, висевшему на заржавленных цепях. Над мостом была натянута парусина, а на парусине крупно написано: «Что прошло, то прошло». Он поднялся по лестнице на площадь — старинные дома стояли, тесно прижавшись друг к другу, редкие, узкие, темные улочки пугливо убегали направо и налево. «Что прошло, то прошло»,— было написано почти на каждом доме — где аккуратно, а где и небрежно. Кое-где висели объявления, и Петька прочел одно из них, подозревая, что в нем сообщается о непрошеных гостях из Немухина. Нет! «Прошлого не вернуть!»— говорилось в объявлении. «Старина интересна лишь тем, кто ее не видел, а не тем, кому она надоела. Вот почему все неведомое или неизвестное отныне приветствуется в Летандии. Новости будут отмечены нижеследующими словами Господина Главного Ветра: «Спасибо», «Большое спасибо!» и «Весьма благодарен».

Небезопасно было идти напрямик через город. Петя решил обогнуть крепостные стены и действительно не встретил почти никого. Старая женщина, на которой было много юбок, выглядывающих лесенкой одна над другой, гнала осла по пыльной дороге. Непохоже было, что она умеет летать. Скорее Петька мог бы сказать это об осле, который весело поигрывал ушами. Двое мальчишек гоняли мяч под крепостной стеной так лениво, что тот, который посылал мяч, успел бы, кажется, вздремнуть, пока мяч возвращался обратно. Короче говоря, у всех без исключения, кого он встретил, был сонный, скучающий и одновременно чем-то озабоченный вид. Об этих летающих людях можно было сказать, что даже и на земле они стоят не очень-то твердо. Одеты они были старомодно, хотя и не очень. Но вот из-за линии черепичных крыш показался летевший по воздуху толстяк с портфелем, в белой рубашке и в сиреневом модном костюме. Но и у толстяка, может быть, потому что он летел по важному делу, был озабоченный и даже несколько испуганный вид.

Не было ничего проще, как, обогнув крепостную стену, подняться на зелено-рыжую гору, с которой дворец Господина Главного Ветра был виден как на ладони. Но едва Петька спустился в неглубокую впадину между горами, как легкий толчок сбил его с ног.

«Споткнулся»,— подумал он и, вскочив, побежал вверх по тропинке. Хлоп — и он снова упал. Что за чудеса! И ведь вокруг не было ни души, только легкий ветерок катился навстречу ему, поднимая легкую пыль. А когда Петька упал, ветерок торопливо скрылся в кустарнике, которым густо заросли горы.

Нельзя сказать, что Петька быстро разгадал эту загадку. Он разгадал ее после того, как раз десять скатился то с одного, то с другого холма, разорвал брюки и больно ушиб коленку. Телохранители Главного Ветра — вот кто были эти ветерки, сбивавшие его с ног.

Нужно было что-то придумать, и, привалившись к желтому кленовому кусту, Петька стал изучать необычайный факт как с научной, так и с практической точки зрения. И, без сомнения, он изучил бы его, если бы не заснул, едва успев подумать, что он здорово «сел в муку», что означало на языке шестого «б» класса немухинской средней школы, что он попал в безвыходное положение.

Солнце уже клонилось, на зелено-рыжие горы падали, уютно устраиваясь, длинные тени, когда Петька открыл глаза и зевнул. Он увидел кленовый куст, под которым он спал,— это было естественно. Вдоль куста шагали чьи-то ноги в клетчатых штанах — и здесь не было ничего заслуживающего внимания! Но когда Петька, вскочив, закинул голову и увидел того, кому они принадлежали, он был поражен.

Это был еще моложавый, длинноногий человек с пушистыми, разлетающимися желтыми волосами и очень смешным лицом. Щеки его были похожи на два розовых воздушных шара, толстые губы как будто нарочно устроены, чтобы дуть, нос коротенький, вздернутый, дерзкий, а глаза жестокие, насмешливые и озорные. Роста он был такого, что даже если бы Петька встал на цыпочки, ему едва ли удалось бы дотянуться до украшенного серебром кожаного пояса, на котором висел охотничий нож.

— Извините,— вежливо сказал незнакомец,— если не ошибаюсь, я был невольной причиной вашего пробуждения. Позвольте узнать, с кем я имею честь...

— Воробей с Сердцем Льва,— пробормотал Петька.

Человек в клетчатых штанах засмеялся. И смех у него был несмешливый, озорной и жестокий.

— Насколько я могу судить, не будучи специалистом,— заметил он,— это крайне редкое, почти не встречающееся в природе соединение. Разрешите же представиться и мне: Главный Ветер.

*

По мнению знатоков архитектуры, дворец Господина Главного Ветра представлял собой одно из самых изящных зданий в мире. Его оригинальность заключалась в том, что никакого здания, в сущности, не было.

На вершине крутой горы, среди кустов лаванды, напоминавших испуганных, спрятавших головку под крылья темно-фиолетовых

птиц, стояли четыре колонны, над которыми не было крыши. Но крыша, очевидно, все-таки была, или по меньшей мере появлялась в дождливые дни. В этом странном дворце все появлялось или исчезало по желанию Господина Главного Ветра. Войдя вместе с Петькой во

Старая женщина гнала осла по пыльной дороге.

дворец, он сказал: «Садитесь, пожалуйста!» — хотя вокруг не было ни кресел, ни стульев.

Что было делать? Петька решительно сел, не сомневаясь, что сейчас он шлепнется на пол, и не только не шлепнулся, но оказался в очень удобном, хотя и еле заметном воздушном кресле. Все это были, разумеется, ветерки с их бесконечными превращениями. «Отличная вещь»,— подумал, устраиваясь, Петька. И он решил, что, вернувшись в Немухин, он непременно поставит вопрос о практическом использовании почти незаметного движения воздуха. Но где? На мебельной фабрике или в Аэродинамическом институте?

Это был очень содержательный разговор. Главный Ветер, как и полагается хозяину, спросил прежде всего, было ли оказано господину Воробью с Сердцем Льва должное гостеприимство.

Петька сказал, что было, и поблагодарил. Он чувствовал, что с Главным Ветром надо держаться дипломатически, то есть думать одно, а говорить другое.

— Может быть, вам нетрудно рассказать мне о своем впечатлении от Летандии?— спросил Главный Ветер.

Петька ответил, что впечатление хорошее, но что ему лично больше всего понравился парусиновый плакат у крепостных ворот, на котором написано: «Что прошло, то прошло».

— Хорошая идея,— одобрительно сказал он.

Короче говоря, до сих пор все шло превосходно, и Петька уже подумывал, как бы подъехать к Господину Главному Ветру с просьбой отпустить Леню в Немухин, когда хозяин спросил как будто невзначай:

— Кстати, как вы попали в Летандию? Морем?

Надо было ответить дипломатически: «Да, морем». Но тогда Господин Главный Ветер не задумался бы, пожалуй, отправить их и обратно морем...

И Петька рассказал, как Леня Караскин научил немухинцев летать, и рассказал с подробностями, которые, по-видимому, не очень понравились Господину Главному Ветру. У него вдруг изменился цвет глаз: из ярко-голубых они стали ядовито-зелеными.

Разговор был бы еще содержательнее, если бы Петька не переходил время от времени на язык шестого «б» класса.

— Ну, тогда все будет тип-топ!— закричал он, когда Главный Ветер сказал, что Леня получит командировку в Немухин до окончания школы. А Главный Ветер решил, что Петьке захотелось потопать ногами. Но и слово «потопать» они понимали каждый по-своему, потому что, когда Петька сказал: «Ну теперь я потопаю»— Главный Ветер меньше всего ожидал, что его собеседник, не прощаясь, выскочит из дворца и со всех ног побежит вниз по тропинке.

Впрочем, далеко он не убежал.

— Виноват, мы еще не договорились,— сказал ему вслед Главный Ветер, и Петька, сам не понимая, как это случилось, вновь оказался перед ним.

— Скажите, пожалуйста, а как у вас в Немухине относятся к выдаче государственной тайны?

Петька ответил, что насчет тайны Господин Главный Ветер может не беспокоиться, потому что они с Таней дали честное пионерское слово, а Старый Трубочный Мастер — почетное честное пионерское, потому что он почетный пионер.

— Могила!— значительно сказал он.— Кроме того, ведь у вас же на каждом шагу написано: что прошло, то прошло! А ведь то, что мы узнали от Лени, уже давно прошло. Верно?

— О да! Без сомнения,— улыбаясь, сказал Главный Ветер.— Словом, ты можешь сказать своим друзьям, что им ничего не угрожает.

На этот раз Телохранители не помешали Пете спуститься вниз по тропинке. Главный Ветер молча смотрел ему вслед. Нельзя сказать, что у него в эту минуту было приятное лицо. Он сложил толстые губы и уже совсем собрался, кажется, дунуть— тогда Петька, без сомнения, оказался бы где-нибудь в пустыне Сахаре. Но Главный Ветер только сильно раздул щеки. И этого вполне было достаточно, чтобы все флюгера на всех крышах крепости одновременно повернулись к нему.

— Свод законов, том сто восьмой, пункт четвертый,— сказал он.— Как нежелательных, иностранцев провести по городу с завязанными глазами.

Пункт пятый: сбросить в море со скалы «Великий утюг».

Вылет возможен, но невозможен

Когда Смотритель принялся писать секретнейший рапорт, его со всех сторон окружили дурные предчувствия. Надо было как-то уговорить их убраться или просто махнуть на них рукой, а это было совсем нелегко, потому что ради торжественного дня возвращения Главного Ветра он надел тесный, застегивавшийся на добрую сотню пуговиц парадный мундир, мешавший ему размахивать руками. Но один раз махнуть все-таки удалось, и он с удовольствием углубился в свой рапорт. Он начал его с истории Лени Караскина, оставшегося сиротой и спасенного им от голодной смерти.

«Находясь под беспрестанным нравственным присмотром и в более чем благополучном материальном положении, он тем не менее стал скучать,— с возмущением писал Смотритель,— и внезапно, без необходимого письменного уведомления, на которое немедленно последовал бы отрицательный ответ, улетел в город Немухин».

Он писал долго, неторопливо, с наслаждением. Он прекрасно понимал, что Леня очень нужен ему, но остановиться или (страшно подумать!) простить его Смотритель уже не мог. Это была бы неблагонадежная, кривобокая и уж, во всяком случае, непрямоугольная мысль.

Он так увлекся, что не заметил, как морское пространство, освещенное маяком на добрых пять-шесть миль, превратилось в самое обыкновенное, не освещенное маяком морское пространство. Маяк погас!

Случалось, что он мигал, коптел — в докеросиновые времена, когда в лампу заливали тюлений жир или лампадное масло. Но погаснуть? За последние пятьсот лет это случилось впервые!

Первая мысль Смотрителя была все о том же Лене: конечно, этот проклятый мальчишка нарочно не залил керосин, намереваясь снова улететь в Немухин. Вторая — тоже о Лене: сидя под ключом в своей каморке, каким же образом он мог залить керосин? Третья на первый взгляд о мундире, а по сути дела снова о Лене. Для того, чтобы заправить лампу, необходимо было переодеться, а попробуйте-ка расстегнуть сотню пуговиц на парадном мундире! Короче говоря, оставив незаконченный рапорт на столе, Смотритель вскочил и побежал за Леней.

...Нельзя сказать, что день был проведен немухинцами бесцельно или лениво. Старый Трубочный Мастер дал две радиограммы. Одна была короткая:

Воробей доказал, что у него Сердце Льва. Положение осложнилось.

Вторая — немного длиннее:

Настроение бодрое. Запас продовольствия на три дня. Вылет возможен, но невозможен.

Последняя загадочная фраза объяснялась просто. Дверь на смотровую площадку осталась открытой, и, дождавшись полнолуния, они могли улететь. Но без Петьки они улететь не могли, а от него не было ни слуху ни духу.

Они очень беспокоились о нем, а Таня даже всплакнула. Леня, пригорюнившись, сидел на

груде морских канатов и только безнадежно разводил руками, когда чайки вопросительно заглядывали в окно, надеясь на хлебные крошки. Но после того, как Старый Трубочный Мастер разъяснил им, что настроение должно соответствовать радиограмме, начинавшейся словами «настроение бодрое», они действительно приободрились, тем более, что родному городу, да еще по радио, неудобно было соврать.

Таня занялась своей скрипкой, Леня — геометрией (предусмотрительный Петька, улетая из Немухина, захватил для него учебник), когда дверь распахнулась и вбежал Смотритель, зеленый, как его парадный мундир. Зубы у него стучали, и он заставил себя открыть рот лишь после того, как Трубочный Мастер сдвинул очки на лоб и сказал:

— Ну-с?

— Извините, я кажется, помешал? Но дело в том, что маячная лампа, в которую никто,— он злобно посмотрел на Леню,— не позаботился своевременно залить керосин, погасла, что случилось впервые за последние пятьсот— шестьсот лет.

— Так-с,— сказал Трубочный Мастер.— И что же?

— Между тем именно сегодня в честь возвращения Господина Главного Ветра я должен был зажечь тройной бело-красно-изумрудный огонь. Короче говоря, мне грозят серьезные служебные неприятности. Я прошу вас на время забыть о наших неудачно сложившихся отношениях и помочь мне зажечь маячную лампу. Должен предупредить, что вскоре вам снова придется вспомнить о них, в особенности если вы попытаетесь бежать, после того как окажете мне эту услугу. Наружная дверь Маяка заперта, а ключ надежно спрятан в моем парадном мундире.

— Понятно,— кратко ответил Трубочный Мастер.— Пошли.

Нельзя сказать, что, вытачивая и обкуривая трубки, считавшиеся лучшими в Немухине и во всем мире, он был знатоком маячных ламп, построенных пятьсот лет тому назад. Но недаром к нему иногда приезжал за советом сам Президент Столичной Палаты Мер и Весов. Короче говоря, не прошло и получаса, как тройной бело-красно-изумрудный огонь вспыхнул на башне, осветив морское пространство не на пять, а на добрых шесть с половиной миль. Более того, Трубочный Мастер наладил колокол, который должен был заменять маяк во время тумана.

Радиограмма, которую вскоре принял Немухин, была немного хвастлива:

Оказал услугу Морскому Министерству. Необходимость дипломатического вмешательства, по-видимому, отпала.

Если бы он не был так занят починкой маячной лампы, в которую надо было вставить новый пухлый, тяжелый фитиль, он, без сомнения, заметил бы, как задрожал Леня, когда

— Скажите, пожалуйста,— спросил Главный Ветер,— а как у вас в Немухине относятся к выдаче государственной тайны?

лампа, вспыхнув, осветила сперва спящий город, а потом задремавшее море.

Он задрожал, потому что увидел неподвижные флюгера и понял, что это значит.

В его жизни уже была минута, когда он вдруг почувствовал, что и у него сердце... Конечно, не льва, но уж, во всяком случае, львенка: нашел же он в себе силу, чтобы на глазах целого города подлететь к пожарной каланче, чтобы спасти глупого маленького кота, который чуть не сгорел! Теперь, кроме того же кота, Леня должен был спасти друзей — целую экспедицию, смело прилетевшую к нему на помощь.

— Вы понимаете, сущность дела,— солидно объяснял Смотритель,— заключается в том, что приток воздуха между концентрическими светильниками должен сопровождаться полным сгоранием керосина.

Работая, он должен был все-таки снять мундир, и ни он, ни Трубочный Мастер не заметили, как Леня вытащил из мундира ключ от наружных ворот маячной башни.

— А полное сгорание керосина,— продолжал Смотритель,— зависит от силы притока воздуха между концентрическими светильниками. Как правило, он утраивается для получения тройного огня.

Теперь осталось самое трудное, в особенности для мальчика, к которому вполне подходила бы известная поговорка «Не обидит и мухи», если бы в детстве он не обидел — и то нечаянно — несколько мух.

Минута была удачная, и она могла не повториться. Более того, минута была такая удачная, что она не могла повториться: Смотритель вышел на смотровую площадку, чтобы взглянуть, нет ли отклонений между переходами белого огня в красный, а красного в изумрудный. Он был так увлечен, что ничего не понял, когда Леня, подойдя к нему очень близко, сказал дрожащим голосом:

— Прошу меня извинить, но для меня и моих друзей это единственный выход.

И он сильно толкнул Смотрителя, который с семидесятиметровой высоты вылетел в освещенное воздушное пространство. Тут только он догадался, что произошло нечто кривобокое и, во всяком случае, непрямоугольное, тем более, что его секретнейший рапорт остался лежать на столе.

— Ты что, ошалел?— спросил изумившийся Старый Трубочный Мастер.

Леня торопливо захлопнул дверь на смотровую площадку.

— Мы должны защищаться,— сказал он.— Все флюгера в городе повернулись в сторону Дворца. Это означает: «Повинуемся». А «Повинуемся» означает: «Казнь».

За пыльным круглым окном был виден грузно летавший вокруг башни Смотритель. Он был похож на бабочку в полосе света, падающего из окошечка будки на экран в летнем кино.

— Мундир, мой мундир! — кричал он, крутясь за окном и в отчаянии поднимая короткие руки.

Громкий стук донесся снизу. Кто-то ногами молотил в наружную дверь Маяка.

Трубочный Мастер, не торопясь, аккуратно сложил мундир и швырнул его в форточку. Леня кинулся вниз.

— Кто там?

Это был Воробей с Сердцем Льва, веселый, встрепанный, в разорванных штанах и в рубашке, от которой остались только лохмотья.

— Блеск! — сказал он, еле дыша.— Главный Ветер разрешил тебе улететь в Немухин. Мировой парень! Фу-у! Устал! Найдется пополпать?

Загадки

Загадок было не очень много, однако по меньшей мере две, и почти невероятно, что Леня решил их с помощью двух слов — на каждую по слову. Первая: почему, пообещав Воробью отпустить Леню в Немухин, Господин Главный Ветер немедленно отменил свое решение? И вторая: неужели он не понимает, что немухинцы не выдадут своих и что его ожидают серьезные неприятности в международном масштабе?

Два слова, которыми Леня решил две загадки, были: «легкомыслие» и «вероломство».

— Надо бежать,— сказал он.— Надо скрыться туда, где он нас никогда не найдет.

Никто не нашел бы их, если бы им удалось проникнуть в пещеры. Леня, который часто бродил по берегу моря, знал, что в скалах, между которыми стоял Маяк, есть глубокая расщелина, которая ведет в эти пещеры. Однако, к его удивлению, немухинцы не собирались ни бежать, ни скрываться. Трубочный Мастер послал радиограмму:

Воробей вернулся с хорошими известиями, которые оказались плохими. Дальнейшие сообщения могут последовать через неопределенный срок. В случае радиограммы, начинающейся словами «Всем, всем, всем», немедленно вылетайте на помощь.

Очевидно, в маячной башне кое-где были трещины, потому что в одну из них пробрался ветерок, веселое дыхание которого сразу почувствовалось в Лениной каморке. Но нельзя назвать особенно веселыми слова, которые размеренно и четко послышались одновременно с этим дыханием:

— Господин Главный Ветер приказывает вам немедленно явиться к нему.

— От имени города Немухина,— не задумываясь, ответил Старый Трубочный Мастер,— передайте вашему господину, что если ему угодно видеться с нами...

Он не успел договорить, как Маяк задрожал от самой скалы, на которой он стоял, до заметавшейся в ужасе маячной лампы. Железный вихрь ударил в него, и он качнулся направо и налево, как гигантская кегля.

— Бегите вниз! — закричал Леня.— Торопитесь. Он в гневе номер один. Может быть, мы еще и успеем спуститься.

Они бросились вниз по лестнице, едва успев захватить: Таня — скрипку, Трубочный Мастер — свои аппараты, а Петька — котенка.

Второй удар обрушился на Маяк, и тысячи воздушных кристаллов, тяжелых, как пушечные ядра, ударили в его стены.

— Сюда, скорее, скорее! — говорил Леня.— За мной! Теперь он в гневе номер два. Торопитесь!

Трубочный Мастер зажег карманный фонарик, осветивший узкую, темную расщелину, в которую они скользнули по грубо вырубленным ступеням. Еще несколько минут, и они были ниже уровня моря. Но и здесь был слышен третий удар, не раскатившийся, а прошелестевший долго, медленно, неотвратимо. А вслед за ним до немухинцев донесся глубокий старческий вздох. Это вздохнул Маяк.

Когда Старый Трубочный Мастер, который шел со своим фонариком впереди, оглянулся, он увидел, что худенькое лицо Лени было мокро от слез.

Прости меня, мама

Узкий проход поворачивал то под прямым, то под косым углом, спускаясь и поднимаясь. Теперь слабому свету фонарика отвечали камни-самоцветы, вспыхнувшие здесь и там, в неровностях скользких, постепенно расширявшихся стен.

Здесь была мрачная тишина, устоявшаяся столетиями и как бы еще больше помрачневшая, заметив, что ее осмеливаются нарушить. Потом стал слышен отдаленный убегающий шум подземной реки, успокоивший их, может быть, потому, что в тишине, напоминавшей о смерти, она одна двигалась, струилась, убегала. Но вскоре к мирному, глуховатому шуму воды стал примешиваться другой, свистящий, натыкающийся на стены разгневанный шум, и, хотя Леня ничего не сказал, все поняли, что Главный Ветер гонится за ними. Они ускорили шаг.

Узкий каменный коридор вдруг повернул в пещеру, со странно поблескивающими стенами, почти пустую. В этой дикой, выщербленной пустоте лежали здесь и там груды камней, на которые торопившиеся немухинцы не обратили внимания. Но если бы они остановились хоть на минуту, они подумали бы, что эти камни отдаленно напоминают людей, стоящих вверх ногами. Среди них были грузные, пожилые, а были тонкие, как юноши, как будто нарисованные одной ломаной, изящной чертой.

Кто знает, может быть, это и были люди, некогда не согласившиеся с Господином Главным Ветром,— ведь тех, кто не соглашался с ним, он любил ставить вверх ногами...

— Мундир, мой мундир! — кричал Смотритель, крутясь за окном.

Налетающий на стены свистящий шум с каждой минутой становился слышнее, и немухинцы, не оглядываясь, пробежали вторую пещеру. Впрочем, она была не так странна и страшна, как первая, но и тут было на что посмотреть.

Прозрачные стрелы дождя косо свисали с потолка, не достигая земли. Они стремились упасть, но не могли, остановились, застыли. Это был теплый прямой дождь, не согласившийся с Главным Ветром, который требовал, чтобы он стал холодным и косым. В наказание он был навсегда заключен и забыт.

Но вот немухинцы достигли третьей пещеры, светившейся одиноким фосфорическим блеском.

Деревья и растения, отказавшиеся стать другими, окаменели здесь, сплетаясь и поддерживая друг друга. И в этом саду, который не казался мертвым, потому что он был все-таки садом, под веткой каменного дуба на обломке скалы сидела старуха с гордо откинутой головой и неподвижными, как сама неподвижность, глазами. Если бы немухинцы, убегая из пещеры, оглянулись на нее, они заметили бы, что эти глаза задумчиво проводили их с почти неизменившимся, но ласковым выражением. Опираясь на посох, крепко сжимая его побелевшими пальцами, она сидела в длинном платье, каменные складки которого переходили в складки скалы.

Теперь догоняющий, раздраженный, с размаху ударяющийся о стены шум был заглушен струящимся шумом подземной воды. Но Главный Ветер был близко, и хотя Леня надеялся, что, пройдя пещеры, можно добраться до берега и спрятаться вдали от Маяка в заброшенном доке, чем длиннее становился путь, тем короче становилась надежда.

Снова загорелся впереди слабый фонарик Старого Мастера, и они шли и шли, почти падая от усталости, по острым камням. Они не знали, что Главный Ветер пролетел первую и вторую пещеры, ворвался в третью — и остановился, как вкопанный, услышав усталый, но твердый голос, который произнес только одно слово:

— Сын.

О легкомысленных людях говорят, что у них ветер в голове. Представьте же себе, какой ветер поднялся в голове Господина Главного Ветра, когда он увидел свою мать, о которой ни разу не вспомнил за тысячу лет.

— Что ты здесь делаешь, мама? — с изумлением спросил он.

— Нам надо поговорить. Я ненадолго задержу тебя. Год или два, ведь это немного?

— Пожалуйста, мама. Но я не понимаю... Почему ты не напомнила о себе?

— У меня не было времени. Я думала о тебе. Тебя благословляли моряки, у тебя были сотни ласковых прозвищ. Ты вертел крыльями мельниц, помогая жить миллионам людей. Ты вмешался в несправедливую войну и разметал Великую Армаду. Ты был одной из самых разумных мыслей природы. И вот теперь ты гонишься за детьми, которые пытаются спасти своего товарища от смерти?

Она говорила, он нетерпеливо слушал, и его глаза, которые только что были ярко-зелеными от бешенства, стали медленно голубеть.

— Знаешь, почему этот мальчик убежал от тебя? Потому что ты лишил свою страну воображения. Когда в молодости ты переставлял звезды, чтобы пошутить над людьми, которые думали, что они делают открытия, боже мой, ведь можно было ожидать, что из тебя получится ветер с воображением!

Он улыбнулся.

— Я очень скучаю, мама.

— Вот видишь! А сколько раз я говорила тебе, что нет ничего опаснее скуки! От скуки до жестокости — один шаг.

Трудно сказать, что происходило в эти минуты в душе Господина Главного Ветра, хотя бы потому, что неизвестно, есть ли у него душа. Но ведь говорят же «ветер улегся» или даже «ветер упал»?

— Прости меня, мама, — сказал он. — Вернись ко мне! Ты станешь жить в моем дворце, воздушном, пустом и веселом. В нем ничего нет, кроме легких ветерков, которые будут исполнять каждое твое приказание. Тысячу лет я буду просить у тебя прощения за то, что я забыл о тебе на тысячу лет...

Она покачала головой.

— Нет. Мне здесь хорошо. Тишина. Я не скучаю. Жизнь шумит здесь подземной рекой. Она обегает весь мир и возвращается ко мне с новостями. Впрочем, у меня к тебе просьба: освободи теплый дождь, он устал. Пускай он поднимется в небо и прольется на землю.

Осталось неизвестным, сколько времени продолжался этот разговор. Однако под утро Господин Главный Ветер был уже у себя и занимался делами, потому что, когда полуживые от усталости немухинцы добрались наконец до берега моря, Леня радостно закричал:

— Флюгера!

Утро было еще даже не утро, а последний краешек ночи, и казалось, что сонная крепость, едва проснувшись, зевает, крепко протирая глаза. Рыже-красные черепичные крыши матово поблескивали под первыми солнечными лучами. А флюгера?

Играя с ветерками, они весело вертелись во все стороны, а это означало, что даже в тысячелетних, легкомысленных и жестоких разбойниках родная мать иногда способна разбудить совесть.

Странности, сказки и сны

Приглашая Воробья в Летандию, Смотритель обещал, что в его честь будет устроен маскарад, на Маяке будет гореть тройной огонь и самый большой колокол на Площади Розы Ветров встретит его торжественным звоном. Как ни странно, но именно это и произошло, когда немухинцы вместе с Леней собрались в обратный путь.

Маскарада, правда, не было, но маячный огонь далеко освещал темно-розово-стальное пространство неба и моря.

Еще утром в окно Лениной каморки влетел свиток, начинавшийся, как и полагается, длинным титулом «Мы, Господин Главный Ветер и прочая, и прочая, и прочая» и кончавшийся словом «Согласен». Правда, по ошибке Леня Караскин был назван «Каскин-Караскин», но это, разумеется, не имело значения.

Смотритель, который был очень любезен,

снова надел парадный мундир и даже произнес маленькую речь о том, как будет скучать по Лене не только он, но самый Маяк и в особенности маячная лампа.

Семнадцать девочек из самых знатных семей поднялись в воздух, провожая немухинцев, все, как одна, в нарядных платьях с такими крылатыми, разноцветными бантами за спиной, что их можно было принять за вертолеты, если бы вертолеты, в свою очередь, не были похожи на огромных, безобразных шмелей. Но торжественные проводы немухинцев остались в истории Летандии по другой, не менее серьезной причине.

Все Эоловы арфы одновременно сыграли им прощальный морской сигнал: «Счастливого плавания и достижений» — и аккорды, как бы превратившиеся в живой, звучащий воздух, окружили их и летели вместе с ними, как белые треугольники журавлей.

Девочки со своими бантами давно остались позади, скрылся Маяк. Сама Летандия с ее странностями начинала казаться сном или сказкой.

Вот уже показался вдалеке и Немухин с его лесами, окружившими будущую телевизионную башню.

Крошечные фигурки на площади взволнованно размахивали руками, толпа становилась все больше. Экспедицию встречали представители общественных организаций и, разумеется, средняя школа в полном составе.

Но аккорды Эоловых арф не оставляли немухинцев, как будто решив проводить их до самого дома. Правда, их не слышал Старый Трубочный Мастер, мысленно готовивший скромную речь. Их не слышал Воробей с Сердцем Льва, который не мог отличить музыку от обыкновенного шума. И Леня не слышал их, думая о том, что он, без сомнения, здорово отстал по алгебре и геометрии и что придется как следует налечь на эти предметы.

Зато Таня не только слышала, но даже видела эти аккорды. Для нее они складывались в изящные фигуры, рисующие соединение лунной ночи, тишины, теплого неба и холодно искрящейся поверхности моря.

Вполне возможно, что она и теперь еще слышит и видит их — ведь о музыке нельзя сказать: «Что прошло, то прошло».

Во всяком случае, именно о ней говорят:

— Таня Заботкина? Ну как же! Это та самая знаменитая скрипачка, которая в детстве слышала музыку Эоловых арф.

КОНЕЦ

Марки

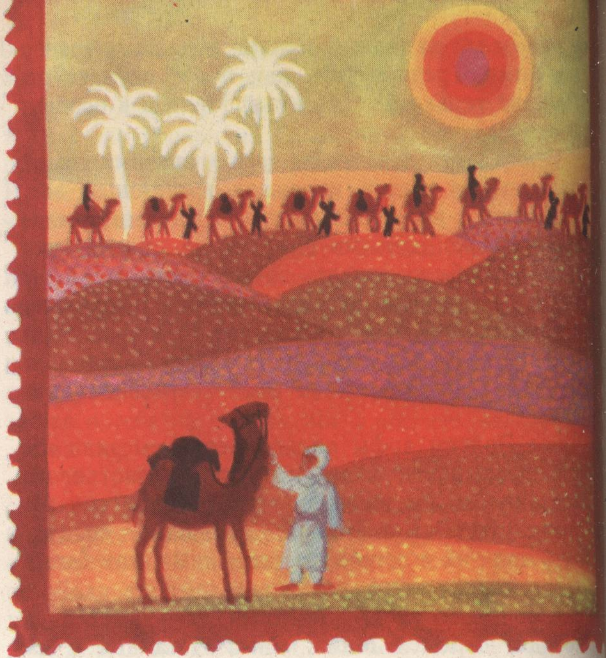
Л. ЯХНИН

Марка не просто
Картинка цветная.
Это привет
Из далекого края.

Марки широкие,
Длинные, узкие,
Шведские, польские,
Финские, русские —
Разные марки
Со штемпелями
Летели по воздуху,
Плыли морями.

На тонких конвертах,
На толстых пакетах
Марки немало
Бродили по свету.
Их собирают
И ценят за это.

Ведь марка не просто
Картинка цветная.
Марка — привет
Из далекого края.

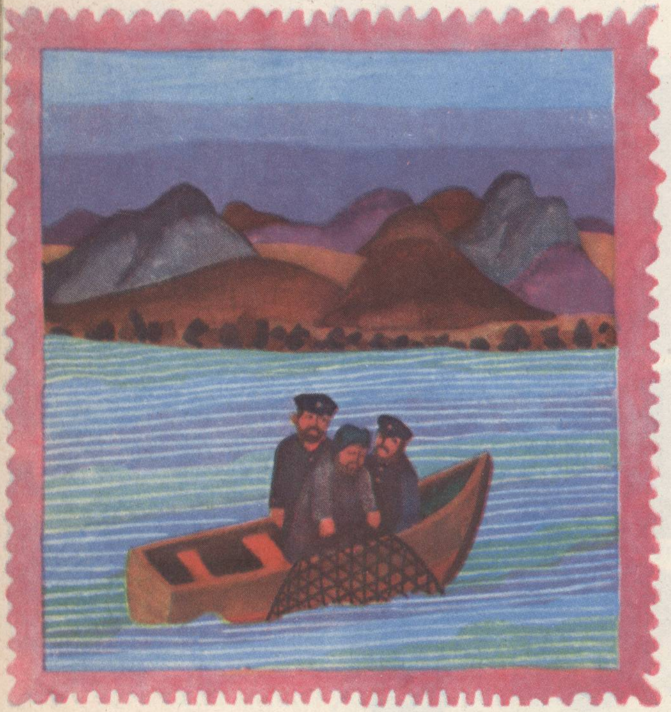
Сахара

Желтеют страны жаркие
Пустынями безлюдными.
Бредут по длинной марке
Погонщики с верблюдами.

Везут, везут товары
Через пески Сахары.

Идут путем заученным
Верблюды, будто сонные,
Через пески сыпучие
В города зеленые.

Везут, везут товары
На шумные базары.

Франция

Старая мельница,
Тихая река.
Не вертятся,
Не вертятся
Крылья ветряка.

Не мелется,
Не мелется
На мельнице
Зерно.

Не верится,
Не верится
Ветру все равно!

Он дует,
Он старается,
И вот уже слегка
Качаются,
Качаются
Крылья ветряка.

Исландия

Сеть скользит
В баркас рыбацкий.
Луч на лопасти весла.
Вьются, бьются,
Серебрятся
Рыбьи узкие тела.

Новые стихи

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Индия

Ни льдов, ни снегов,
ни инея
Не ведает жаркая
Индия.
В джунглях тенистых
Далекой страны,
Как белые горы,
Ходят слоны.

Австралия

Над тугими парусами
Чайка — черточка
косая.
Сбоку пенится волна.
Вдалеке земля видна.

Капитан на берег
глянет,
Спустит шлюпку с
корабля.
Через миг известной
станет
Неизвестная земля.

Арктика

Огромный белый
Ледокол
Из порта в плаванье
Ушел.

Колючий ветер
Ледяной,
Туман спустился
Пеленой,

И выплывают
Из воды
Льды,
Как белые киты.

Глиняные сказки

Г. БЛИНОВ

Это сама бабушка Хамро, а в руках у нее глина, но уже не бесформенный кусок — видны ножки, хвостик... Сейчас родится игрушка!

Когда я приезжаю в Ленинград — по делу или просто навестить старых друзей, — мой первый день в этом городе всегда начинается с Эрмитажа. Я хожу по бесконечным анфиладам музея без заранее намеченного маршрута, бреду, как во сне, и для меня всякий раз бывает приятной неожиданностью встреча с Сезанном или Рембрандтом, Тицианом или Леонардо да Винчи. Каждый раз я открываю для себя, будто впервые увидел, что-нибудь новое: то «малых голландцев», то лиможские эмали, то портрет работы Эль Греко.

Таким открытием были в последний раз узбекские народные игрушки XII века. Меня захватила невиданная простота и пластическая завершенность глиняных зверушек из археологических раскопок. В самолете, улетая из Ленинграда, я то и дело вспоминал эти игрушки, постоянно сетуя, что не прихватил с собой фотоаппарат.

И еще одна мысль навязчиво застряла в голове: «Где-то я уже видел почти такие же!»

Самолет пошел на посадку. Внизу, как угольки после огромного костра, тлели окна московских пригородов. И вдруг я вспомнил, что действительно видел что-то очень похожее на старинные глиняные фигурки коллекции Эрмитажа у одного из друзей.

На другой же день я отправился к своему приятелю, художнику по профессии, в мастерскую. Он в недоумении пожал плечами, когда я прямо с порога бросился в переднюю, где на полке рядом с глиняными кувшинами и расписными русскими прялками сразу же увидел игрушки, удивительно напоминавшие узбекскую керамику из Эрмитажа. Правда, эрмитажные игрушки потеряли свою окраску; у некоторых музейных зверят не хватало хвоста или уха (дети не слишком берегут свои игрушки, да и время — восемь столетий! — беспощадно). Глиняные звери на полке у моего приятеля были совершенно целыми и смеялись яркими, веселыми красками.

— Где ты взял это? Кто их сделал?

— Тебе пора в отпуск, — улыбнулся приятель, привыкший, впрочем, к моим чудачествам, — ты переутомился и ведешь себя так странно. Вместо рассказа о своей поездке в Ленинград ты скачешь по мастерской, будто укушенный тарантулом, и, кажется, хочешь

разбить мои любимые игрушки. А я ведь не скоро снова соберусь в гости к бабушке Хамро. Живет она далековато — под Бухарой!

В тот день, когда за чашкой кофе приятель рассказывал мне об узбекской крестьянке-художнице Хамро Рахимовой, я решил, что в ближайший же отпуск отправлюсь в Бухару.

❇

И вот я лечу в Узбекистан. Самолет превращает тысячи километров в короткий четырехчасовой конспект, который я читаю, прильнув к стеклу иллюминатора. Куйбышев... Ташкент... И снова: «Прошу застегнуть посадочные ремни!»... Бухара. Город-сказка. Город-музей. Я еду на автостанцию и сажусь в автобус Бухара — Гиждуван. Приветливые пассажиры — мои попутчики рассказывают, что кишлак Уба, в котором живет Хамро Рахимова, находится сразу же за Вабкентом.

Моему внезапному появлению никто в семье Рахимовой не удивился. Гости из Москвы, из Риги, из Ленинграда часто приезжают в Уба, к прославленной мастерице. О ней знают во всем Советском Союзе. Побывали ее игрушки и на зарубежных выставках.

Бывает же так, что человек считает всю свою жизнь главным занятием одно — математику, например, или выращивание хлопка, как Хамро Рахимова, — и лишь в свободное от «главного занятия» время, скорее для собственного развлечения, пишет стихи, рисует или лепит. А потом вдруг оказывается, что именно это занятие «между делом» и есть главное в жизни и даже принесло человеку известность и добрую славу. Мне кажется, у Хамро Рахимовой именно такая судьба.

По-русски Хамро не говорит, и нашими переводчиками были школьники из внучатого поколения семьи. Гостеприимная хозяйка пригласила меня к обеду, и я с удовольствием отведал настоящего узбекского плова и выпил несколько чашек непривычного для меня зеленого чаю.

После этого Рахимова показала свои игрушки-свистульки, по-узбекски «хушпуляк». Хамро лепит их из белесой лёссовидной глины. После подсушивания мастерица обжигает свои изделия в течение нескольких часов в горне. Затем игрушки медленно остывают — вместе с печью. После обжига белесая глина становится почти совсем белой. Почти как белый лист бумаги. Теперь Хамро возьмет небольшую заостренную палочку в форме веретена, и у глиняных зверей «откроются» глаза.

Перед ней лежит еще самодельная кисточка из конского волоса. Несколько движений руки — и звери приручены, на них наброшены уздечки, будь то конь или баран. И каждого нарядит бабушка Хамро в яркое, цветное платье.

На моих глазах Хамро вылепила несколько игрушек. Сначала она раскатала кусок глины так, что получилось что-то вроде гриба с двумя шляпками или гантелей. Из одной «шляпки» она сделала передние ноги, шею, голову игрушечного зверька, из другой — задние ноги и хвост. Все, казалось бы, очень просто! И я попробовал повторить операцию под дружный незлобивый хохот окружающих. Смех этот был вполне заслуженным. Ничего у меня не получилось.

На первый взгляд игрушки Рахимовой несколько напоминают русские глиняные игрушки — вятские, каргопольские или свистульки мастериц деревни Филимоново, Тульской области. Но русские игрушки ближе к обычной жизни деревенской улицы: баба с ведрами на коромысле, гармонист, охотник с ружьем, мужик с рогатиной, идущий на медведя, барышня с пирогами в руках, медведь, утушка... Игрушки Рахимовой всегда только животные, причем животные сказочные, фантастические, если даже и называются они львами, барашками, слонами, конями: у рахимовского льва хвост короткий и торчит вверх серпом, уши похожи на рога, морда скорее собачья, чем львиная. Это целая глиняная сказка. И даже более или менее «реалистический» петух Хамро Рахимовой совсем не похож на вятского или филимоновского петуха.

Вятские мастерицы, к примеру, используют вдвое больше цветов да еще применяют сусальное золото (фольгу), которого никогда не увидишь на издели-

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ях Рахимовой. Раскраска рахимовских игрушек незатейлива: красные и синие пятна с горошину по желтому фону да что-то вроде уздечки и сбруи.

На спине у ее слонов, баранов и львов торчит подобие кувшина. Теперь трудно решить, что означает эта деталь. Если ее снять — игрушка много теряет в своей законченности. Хамро говорит, что это кормушка. И тут же признается, что она толком и сама не знает, так ли это.

— Всегда так делали... — говорит мастерица.

Можно предположить, что «кувшин» на спине игрушечных зверей заимствован когда-то давно у сосудов водолеев в форме зверей. Жидкость наливалась в них через горлышко на спине, а выливалась через открытую пасть животного. Такая керамика когда-то была распространена довольно широко в самых различных уголках земли. Но это только предположение...

Рахимова лепит свои игрушки с юных лет. В кишлаке, где родилась Хамро, — это кишлак Найман в том же Вабкентском районе, — никто гончарным делом не занимался. Хамро вышла замуж за жителя кишлака Уба, где издревле почти в каждом дворе мужчины делали блюда для плова (таваки), чаши (коса), чайные чашки (пиалы), а женщины — также «хушпуляк» — игрушки-свистелки. У бабки мужа, мастерицы-игрушечницы Шамси-биби не было ни дочерей, ни внучек. И Шамси-биби решила передать свое традиционное, идущее из веков мастерство молодой Хамро.

Рахимова смотрит на свое занятие скорее как на забаву. Она немного удивляется, что приезжают серьезные люди со всех концов земли, — взрослые, серьезные люди, и, как дети, приходят в восторг, увидев ее безделушки.

*

В тот день я допоздна засиделся в гостях у бабушки Хамро. К вечеру в гости к мастерице пришли дети, обступили ее со всех сторон. Сидит бабушка Хамро на ковре, а вокруг нее — сказочные кони, слоны, бараны, птицы.

— Бабушка, — говорит Джабар, — а почему у коня такая длинная шея? И почему барашек такой разноцветный?

— Это чтобы было красиво. Разве не красиво? А?

— Красиво, — отвечает Джабар, — но только барашек и конь не такие, как настоящие...

— Конечно, — говорит бабушка Хамро, — конечно! Они вовсе не такие, как настоящие! Кто тебе сказал, что они должны быть как настоящие? Это же барашек Кочкар и конь От из сказки! Неужели ты этого не знал?

— А удод тоже из сказки? — спросил мальчик, — Из какой сказки? Расскажи, бабушка Хамро!

— Вы не знаете сказку про хитроумного удода Пупишака?! Ну, тогда слушайте. Так вот. Когда-то все удоды были совсем белыми, как мои нераскрашенные удоды из глины. Но однажды удод по имени Пупишак сорвал на поле коробочку хлопка, схватил ее в клюв и полетел в кишлак к людям. Видит, сидит женщина. Он бросил ей на колени коробочку и просвистел: «Очисть и перебей вату!» Женщина очистила и перебила вату, которая была внутри коробочки. Полетел Пупишак с ватой в клюве дальше. Прилетел к прядильщику: «Спряди мне пряжу!» Прядильщик удивился, но нитки из пряжи сделал. А удод, только успев поблагодарить, уже полетел к красильщику. «Покрась, пожалуйста, мою пряжу в самые яркие цвета!» Покрасил красильщик нитки и отдал Пупишаку. «Спасибо!» — говорит Пупишак и полетел к ткачу. Ткач соткал удоду пеструю материю. Схватил удод цветистый лоскут — и скорее к портному. «Послушай, портной! Сшей мне халат!» Сшил портной Пупишаку маленький халат. Оделся белый Пупишак в цветистый халат и засвистел от радости. Красивый халат получился! Тогда удод влетел в окно дворца шаха Махмуда, сел к нему на плечо и засвистел в самое ухо: «А мой халат красивее твоего, а мой халат красивее твоего!» Разозлился шах. «Отрубите, — говорит, — этому глупому удоду голову! Сейчас же!» Прибежал палач с огромным мечом, размахнулся — рраз! А Пупишак вспорхнул со свистом, и меч угодил шаху по шее. Голова у шаха отлетела. Несчастный случай... Для шаха, конечно, несчастный. А для народа, который работал на шаха, воевал, чтобы добывать шаху богатства и земли, для народа случай этот был очень даже счастливым. Поднялся народ, разогнал всех придворных шаха, и стали люди жить без рабства. Ну, а Пупишак — да и не только Пупишак, — все, все удоды носят теперь самые яркие на свете халаты. И весело посвистывают.

Бабушка Хамро поднесла к губам уже раскрашенного удода и дунула легонько. Удод свистнул.

Теперь он живет у меня в Москве, такой же задорный и веселый, хоть сейчас готовый к новым подвигам.

Кешка-путешественник

Василий ПЕСКОВ

Фото автора.

Под парусами ходят по морю, по озерам и большим рекам. А нельзя ли под парусом по земле? Ну в тех местах, где земля, конечно, ровная, без селений и всяких других препятствий...

Трое московских друзей — инженеры Эдуард Назаров, Владимир Таланов и инструктор туризма Геннадий Галлиулин — решили построить колесные яхты и под парусами пройти по пустыне. Целый год они строили яхты. Сами придумали конструкцию, сами сделали все слесарные, кузнечные, сварочные, столярные и такелажные работы. В начале лета яхты разобрали на части и погрузили на поезд.

Путешествие началось в Каракумской пустыне возле города Аральска. Пастухи бросали свои стада и бежали глянуть на странное зрелище: по пескам двигались парусные корабли. Даже равнодушные верблюды подходили и с любопытством молчаливо топтались возле стоянки.

На каждой яхте было три колеса от мотоцикла. Одно впереди и два, широко расставленные, сзади. На жесткой, но легкой раме были смонтированы: сиденье, руль для управления колесом, багажник и бак для воды. А над всей легкой тележкой на метал-

лической мачте поднимался большой белый парус. При подходящей погоде три паруса наполнялись ветром, и яхты двигались в песках иногда со скоростью пешехода, иногда же их можно было догнать только автомобилю.

Трое друзей прошли по пустыне тысячу километров. Это было трудное путешествие. Безлюдье. Жара. Дорожные неполадки. Встречи со змеями и ядовитыми пауками. В Москву они вернулись усталые, но очень радостные. Выдержано единоборство с пустыней. Доказано: под парусами можно ходить по суше.

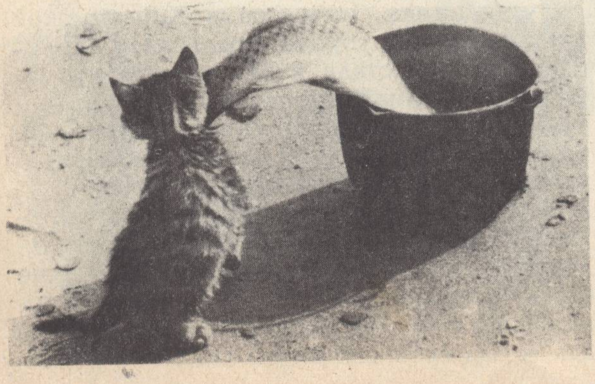
Я прошел с тремя путешественниками часть пути по пустыне. Кроме людей, на яхтах были два ушастых ежа, черепаха Тортилла и котенок Кешка, подаренный ребятишками в городе Аральске. Ежи из плохо прикрытой корзины однажды ночью сбежали. Черепахи тоже не стало. И только котенок Кешка выдержал трудное путешествие от первого до последнего дня.

На этих страничках я расскажу вам о приключениях Кешки в пустыне...

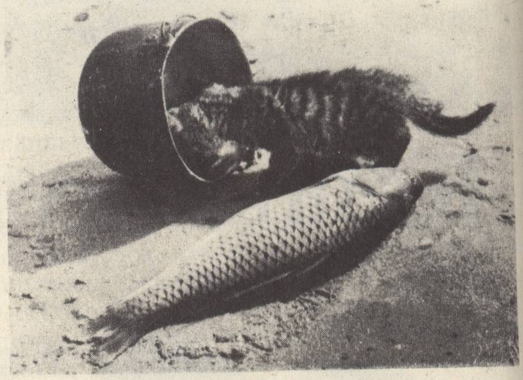
Первый раз в жизни Кешка увидел рыбу. Здоровенный живой сазан в котелке не мог уместиться. Голова рыбы была в воде, а хвост торчал далеко в стороне и чуть-чуть подрагивал. Кешка издали изучал незнакомое существо...

Наконец он подошел к котелку. Обнюхал и понял, что сазан для него не опасен. Рыбий дух раздразнил аппетит, и Кешка облизал губы. Но как подступиться к такой рыбине, с чего начать? Кешка начал с плавника...

Сазан почуял: через минуту-другую хвостовых перьев не будет. Рыба что есть мочи хлестанула хвостом. Кешка отскочил в сторону. Котелок повалился. Потекла вода. Сазан лежал на горячем песке, открывал и закрывал рот, шевелил жабрами.

Кешка, слегка поразмыслив, решил сазана не касаться. Он подошел к котелку и напился теплой, пахнущей рыбой воды. Мы не поняли: он испугался или он захотел пить? В пустыне часто совсем не хочется есть и почти всегда хочется пить.

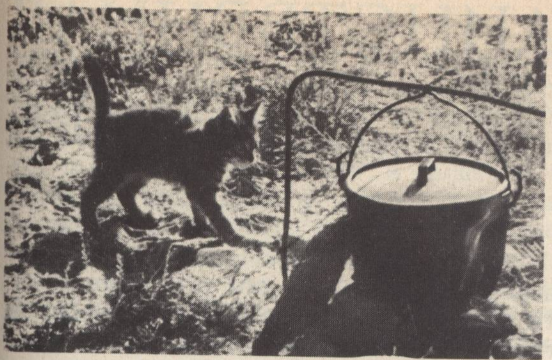

Яхта летит по пескам. Скрипят колеса, скрипит высокая мачта. Рулевой глядит в оба: не наскочить бы на кочку или сурчиную нору. А Кешка сидит под парусом и в ус не дует — он сразу привык к быстрой езде...

Но один раз мы хватились: нет Кешки! Обшарили все три багажника — нет Кешки! Остановились. Побежали назад по следу. Издалека увидели темную точку. Растерянный, одинокий сидел котенок у нашего следа.

— Кешка! Как же ты потерялся, Кешка...

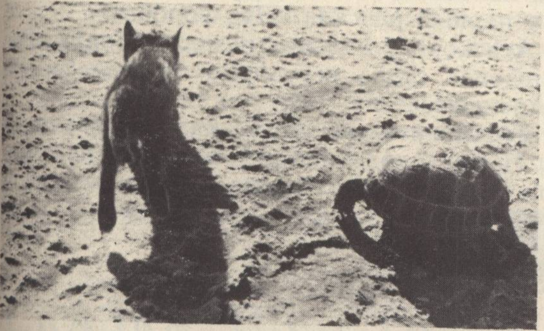
Котенок лизнул руку и, счастливый, уселся дремать в багажнике.

Огонек на привале. Языки пламени прыгают над сухими орешками верблюжьего помета. Булькает суп в котелке. Интересно. И пахнет едой. Но подойти нельзя: очень жарко...

А после ужина любимое место — гитара. Чуть шевельнешь лапой — гитара отзывается приятным, немного пугающим звуком...

При неожиданных встречах Кешка сломя голову мчался в лагерь под нашу защиту, но постепенно он научился и сам за себя постоять. Однажды мы увидели любопытную сцену. Носом к носу Кешка столкнулся с большой ящерицей и не побежал, а принял бой. Это была первая победа котенка...

На маленьких ящериц Кешка начал даже охотиться. Желая избавиться от гостей, заползавших в наши постели, мы пускали Кешку в палатки. И он, как и полагается кошке, наводил в доме порядок...

Но в пустыне живут не только безобидные ящерки и пауки. Иногда вблизи от лагеря появлялась змея. Каким-то чутьем котенок понимал меру опасности и не просто убегал, но старался как можно надежнее спрятаться. Иногда для этого ему служили наши ботинки...

Путешествие благополучно окончилось. Вместе с людьми Кешка прибыл в городок Кзыл-Орду и тут во дворе гостиницы вдруг исчез. Искали, искали Кешку и не нашли. То ли украл кто-нибудь, то ли Кешка не был рожден путешественником и, как только явилась возможность, сразу убежал к оседлым людям, поближе к мышам, к теплой печке.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ

У всех ребят в мире есть свои книги — рассказы, сказки, повести. У советских детей есть еще книга, какой нет ни в одной стране мира. Это «Лесная газета». Написал ее Виталий Валентинович Бианки, которому в этом году исполнилось бы семьдесят пять лет.

Бианки начал писать в веселое для детской литературы время: тогда многие начинали — и Самуил Маршак, и Борис Житков, и Аркадий Гайдар. Все они чувствовали себя открывателями нового, изобретателями и стали сразу не подмастерьями литературы, а мастерами. В Ленинграде в те далекие годы выходил детский журнал «Новый Робинзон». В этом журнале впервые появилась «Лесная газета» Виталия Бианки.

Бианки вырос в семье, где и брат его и отец были ученые. Сам он променял естествоведческий факультет на институт истории искусств и тем связал для себя на всю жизнь науку и литературу. Но, изучая историю искусств, он в то же время каждое лето обходил с ружьем леса Новгородской и Псковской губерний и Балтийское приморье. Во время этих путешествий он наблюдал за всем, что происходило в лесу, за полетом птиц, повадками зверей, за всеми изменениями в природе. Так появился его первый рассказ «Про воробья».

А вскоре в каждом номере «Нового Робинзона» стала регулярно печататься его «Лесная газета».

Вдохновителем этой книги он считал Д. Н. Кайгородова, профессора Лесного института, который вел на страницах самой

Рисунки П. БАГИНА

распространенной российской газеты «Календарь природы». Книга Бианки была непохожа на кайгородовский календарь: по своей форме это была действительно газета, в которой были и «телеграммы из леса», и «городские новости», и рассказы об охоте, и викторина, и даже объявления. Главное, что заботило автора,— не только рассказать ребятам о том, что делается в лесу, но и научить их наблюдать. Книга вся была открытием, была полна выдумки, даже месяцы назывались в ней по-новому: например, «месяц пробуждения от спячки», «месяц возвращения перелетных птиц на родину», «месяц песен и плясок», «месяц гнезд», кончалась она нелегкими для всего живого «месяцем лютого голода» и «месяцем дотерпи до весны». Уже это действовало на воображение маленького читателя и делало книгу доступной для всех.

Виталий Бианки был страстным охотником, и большинство его книг написано об охоте.

Очень весело использовал автор все газетные приемы. Вот, например, *объявление:* «Ищем квартиры». «Мы уже прилетели»,— пишут скворцы. Горихвостки объявляют: «Будем на днях»,— а трясогузки прямо говорят: «Мы уже здесь». Позже автор ввел отдел «радиопереклички», где были сообщения из разных концов Советского Союза.

Начавшись в отдельных номерах журнала «Новый Робинзон», «Лесная газета» впервые вышла книгой в 1927 году. Она пользовалась большим успехом у детей всех возрастов, около нее образовался актив читателей, которые стали ее добровольными корреспондентами. Если мы читаем в газете корреспонденции Н. Павловой или Н. Сладкова, то это не выдуманные лица, а люди, ставшие потом детскими писателями.

Много есть книг о природе, но по своему необычному замыслу, оригинальной форме, множеству разнообразных сведений, поданных весело, с выдумкой, «Лесная газета» — произведение уникальное, единственное в своем роде, полное любви к русскому лесу, к нашим зверям и птицам, ко всему живому. За тридцать шесть лет своей работы в литературе Виталий Бианки написал немало книг—повестей «Одинец», «Мурзук», «Аскыр», рассказов, сказок, многие из них живут до сих пор. Но любимой книгой ребят стала его «Лесная газета». Она воспитала много юннатов, она стала необходимой для каждого нашего школьника. Но своей оригинальной формой «Лесная газета» увлекала и взрослых. Я помню, как Аркадий Гайдар в 30-х годах говорил Виталию Бианки: «Вот эту книгу я люблю. Я читал ее Тимуру и сам многое узнал из нее».

В последние годы жизни Виталий Валентинович тяжело болел, не мог уже ходить на охоту, в лес, но он все же как-то ухитрялся быть всегда с природой. Он так и остался в моей памяти, окруженный ребятами, птицами, белочками на зеленой террасе над морем — в Дубултах.

И. ХАЛТУРИН

СКАЗКА ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Редакция попросила меня найти что-нибудь из ненапечатанных произведений моего покойного мужа — Виталия Валентиновича Бианки. В одной из старых тетрадей я нашла сказку-не́сказку про красавицу елку. Это маленький и очень грустный рассказ. Вот он:

«В сердце леса росла высокая прекрасная ель. Три раза на ее веку люди сводили лес — и три раза оставляли ее за красоту на племя. Все старые и пожилые елки, молодые елочки и елушки кругом были ее дети, внуки, правнуки. И, гордая своей силой, она собиралась жить еще тысячу лет.

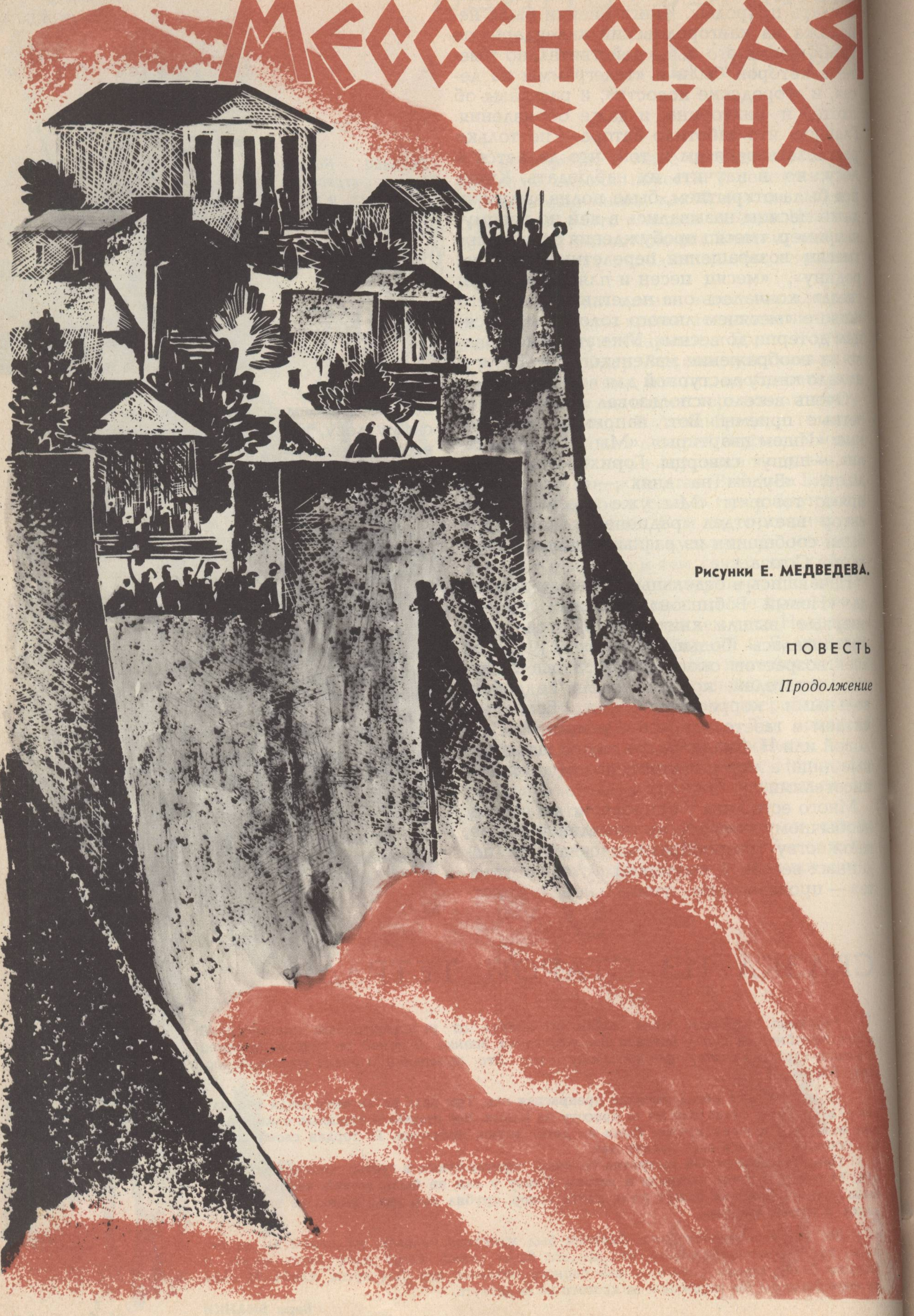
Пришел охотник. Он застрелил белочку, спрятавшуюся в густых ветвях праматери ели. Мертвая белочка застряла в ветвях. Снизу у ели не было ветвей, влезть на нее было трудно. Охотник вынул из-за пояса топор, срубил ель, взял из-под ее ветвей белочку и пошел дальше».

Вот и вся сказка-не́сказка. Охотник был жестокий человек, но, чтобы вы на него не так сердились, я скажу, что все это было давно, когда елок было много, а шкурка белки стоила дорого и для бедного человека это был кусок хлеба. И елке не надо было бы так гордиться: ее красота не ее заслуга.

Вера БИАНКИ

Л. ВОРОНКОВА

МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Опять война

Вернувшись в Мессению, Аристомен тотчас собрал свой боевой отряд. Мессенцы, воспрянувшие духом и поверившие в освобождение родины, немедленно явились на его зов.

Прежде всего Аристомен поставил стражу у стен всех мессенских городов, чтобы спартанцы не напали на мирных граждан. И когда устроил все дела в Мессении, пошел со своим отрядом на спартанский городок Фарис.

В поход выступили вечером, когда фиолетовые сумерки уже заполняли ущелья гор и в долинах от каждого дерева вытянулись длинные тени. Густая тьма ночи их настигла уже у границы Лаконики.

Аристомен подошел к городу неожиданно. Однако стража тотчас подняла тревогу. Город проснулся, люди стали поспешно готовиться к сопротивлению.

Но пока они готовились, Аристомен уже ворвался в город. И так велико было ожесточение мессенцев против своих поработителей, что солдаты Аристомена не щадили никого, кто пытался сопротивляться. И еще не занялась заря, а битва была уже кончена. Защитники Фариса лежали убитыми, а всех остальных жителей города Аристомен забрал в плен. Мессенцы окружили толпу пленных и погнали в Анданию. Рассвет застал их в пути.

Аристомен шел впереди. Вдруг он остановился, прислушался. Ему почудилось, что звякнуло копье. Он тотчас окликнул своих солдат и велел приготовиться к бою.

Тревога была не напрасной. Из тумана, пронизанного рассветом, выступили спартанские гоплиты и бросились на мессенцев. Аристомен увидел, что здесь с гоплитами сам царь Анаксандр, и чуть не ослеп от ярости.

Битва была жестокой и короткой. Спартанские гоплиты побежали. Бежал и царь Анаксандр.

Аристомен ринулся было преследовать их. Но почувствовал, что ранен. Рана была не опасная, однако кровь уходила, силы падали. И Аристомен поспешил домой.

На время все затихло. Затихло в Спарте: царь Анаксандр и спартанские старейшины были напуганы.

В Мессении тоже пока ничего не предпринимали. Аристомен залечивал свою рану.

Наконец рана зажила. И Аристомен снова в медно-блещущем шлеме, с копьем и щитом во главе своего отважного отряда выступил в поход. На этот раз его замыслы были очень дерзкими: он задумал напасть на самую Спарту, на главный город Лаконики, который раскинулся на холмах в середине страны.

Мессенцы шли за Аристоменом твердым шагом, не раздумывая, не сомневаясь. Они были так устремлены к победе, что и Спарта перед ними не могла бы устоять.

Но случилось непредвиденное. Только в стране, так населенной богами, как была населена ими Древняя Греция, могло это случить-

И Аристомен снова в медно-блещущем шлеме, с копьем и щитом во главе своего отважного отряда выступил в поход.

ся. Аристомену вдруг явилась Елена. Та самая прекрасная Елена, жена спартанского царя Менелая, из-за которой загорелась Троянская война и была разрушена Троя. Призрак Елены встал перед ним. Подняв руку, Елена запретила ему идти дальше. Рядом с ней Аристомен увидел ее братьев Диоскуров — Кастора и Полидевка. Аристомен остановился.

— Диоскуры встали на моем пути — жди несчастья.

Он не хотел допускать поражения и боялся погубить свой боевой отряд. Поэтому он тотчас велел повернуть обратно. И отряд молча отступил.

Однако Аристомен не собирался спокойно сидеть дома. Ему надо было хоть чем-нибудь донимать спартанцев. В Лаконике, недалеко от Спарты, в густом дубовом лесу находился храм богини Артемиды. Статуя Артемиды стояла под открытым небом. Здесь, перед этой статуей на зеленой полянке, по праздникам собирались лаконские девушки. Здесь они пели гимны Артемиде и танцевали священный лаконский танец...

Узнав, что девушки собираются на праздник к Артемиде, Аристомен устроил в лесу засаду. И как только молодые спартанки собрались к храму и запели, Аристомен нагрянул на них со своим отрядом и захватил в плен.

Аристомен отвел девушек в мессенскую деревню. И держал там, пока за ними не пришли из Спарты. Аристомен отпустил девушек, но взял за них дорогой выкуп. А это было так кстати обнищавшей Мессении!

Некоторое время спустя Аристомен задумал еще одно дерзкое дело. В Лаконике был храм Деметры, богини плодородия и всего, что растет, цветет и созревает на земле. Земли в Греции мало, по всему полуострову вздыбились горные хребты. И тем полям, виноградникам и оливковым рощам, которые возделывались на малоплодородной почве, нужно было особое и щедрое покровительство богов. Поэтому Деметра, богиня урожая, особенно почиталась в Элладе. Во всех эллинских городах стояли ее храмы, и всюду в честь нее устраивались празднества.

Аристомен узнал, что как раз сегодня ночью в Лаконике женщины собрались на праздник Деметры. Он решил, что вот и еще случай взять со Спарты хороший выкуп. Он явился туда со своим отрядом и ворвался в храм, чтобы захватить там самых богатых и самых знатных спартанок.

Но тут его неожиданно постигла неудача. Женщины принялись так отчаянно отбиваться, что с ними никак нельзя было справиться. Они били и солдат и Аристомена вертелами, на которых жарится жертвенное мясо, били мессенцев ножами, которыми разрезают это мясо. Аристомен запретил убивать женщин, не для убийства он напал на них. Но спартанки, закаленные в физических упражнениях, так дрались, что мессенцы отступили. Многие были изранены, но они не могли поднять меча на женщин. Отряд Аристомена разбежался. А самого Аристомена разъяренные спартанки избили факелами, связали и заперли в храме.

Мессенцы, ошеломленные всем, что случилось, собрались вместе и в смущении стали советоваться:

— Как же нам выручить Аристомена? Стены храма крепки, их не разрушить. Надо спешить в Мессению, звать на помощь. Иначе спартанцы придут, и схватят его, и увезут в плен, в Спарту!

По всем странам пойдут насмешки над мессенцами: женщины одолели Аристомена, их героя Аристомена!

Отряд Аристомена поспешно вернулся в Андапию. Тотчас тревожная весть облетела город, пригороды и оттуда — всю Мессению. Со всех концов Мессении, изо всех городов поспешили в Андапию вооруженные отряды. Надо скорей идти и спасать своего вождя, пока не явились спартанцы. А если они уже захватили Аристомена, надо отбивать его силой.

Они тут же двинулись в Лаконику, туда, где находился храм Деметры. В пути их застигла ночь, было так тихо, что казалось, если прислушаться, то услышишь, как звезды передвигаются по небосводу и как легкой поступью ходят нимфы по берегу ручья... Но мессенцы не прислушивались, они спешили. Скалистая дорога гулко отзывалась на их шаги, отсветы факелов метались среди зарослей густого маквиса.

Вдруг отряд остановился. Кто-то шел навстречу. Огонь факелов мешал разглядеть, кто идет.

Человек шел быстрой твердой поступью. Вот он уже близко. Мессенцы подняли факелы и осветили его. Это был Аристомен.

Мессенцы с криками ликования окружили его. Аристомен был весь в синяках, в саже, с черными следами веревок на руках и ногах, с растрепанными кудрями. Но глаза и зубы его блестели: он смеялся.

— Как же ты ушел?

— Пережег веревки. Там стояли светильники. Подошел к огню и пережег веревки на руках. А потом развязал ноги. И ушел.

Снова предательство

Наступил третий год Второй Мессенской войны. Готовилась большая битва.

К мессенцам снова пришли на помощь их давние союзники — аркадяне. Военачальником аркадского войска был царь Аристократ.

Противники сошлись у Большого рва. Во главе своих войск в самом опасном и трудном месте стоял Аристомен.

И вот наступил час. Лаконцы двинулись на мессенцев. Аристомен повернул к ним свои ряды. Оба войска ощетинились копьями и выставили щиты, приготовясь к схватке.

И вдруг, когда противники готовы были броситься в битву, произошло что-то непонятное: царь Аристократ неожиданно объявил, что аркадян поставили в самой невыгодной для боя местности.

— В случае поражения нам будет некуда бежать, мы все погибнем здесь! А поражение может случиться, ведь жертвы перед боем были неблагоприятными для нас. Я видел это!

Эти слова тотчас разнеслись по отрядам аркадского войска. Аркадяне заволновались, встревожились. Они не знали в то время, что

царь Аристократ тайно предал Мессению: Спарта подкупила его.

А царь Аристократ только и ждал подходящей минуты.

— Я не дам вам погибнуть! — крикнул он аркадянам.— Если будет положение безвыходное, я подам знак, а вы спасайтесь бегством!

И в то время, когда Аристомен тронул свои отряды на спартанцев, Аристократ подал аркадянам знак бедствия. И вот вся середина фронта и левое крыло, где стояли аркадяне,— все вдруг сломалось, спуталось, отступило, еще не начав сражения. Аркадяне бежали, не зная почему, не зная куда. Повинуясь команде своего царя, они в панике ринулись в гущу мессенского войска, сбили мессенские ряды, расстроили их...

Аристомен со своим отрядом еще долго стоял и отбивался от тяжелого натиска огромного спартанского войска. Мессенцы почти все полегли в этой битве. Остался лежать на кровавом поле Андрокл. Остался там и Финта. И так много мессенцев было убито, что оставшимся в живых уже не было надежды на спасение.

Вернувшись в родной город, Аристомен собрал мессенцев.

— Оставим Анданию,— сказал Аристомен с тоской в сердце,— оставим все наши города, мы не в силах защищать их. Уйдем на гору Эйру, там мы еще можем спастись от врага.

И они ушли к морю, на гору Эйру.

Спартанцы тотчас поспешили за ними следом и начали осаждать Эйру. Они думали, что теперь-то им легко будет захватить мессенцев.

Однако мессенцы укрепились в городке, стоявшем на Эйре, и не собирались сдаваться.

Озабоченные дальнейшей судьбой отечества, Аристомен и мессенский жрец Феокл побывали в Дельфах. Они попросили совета у божества: как им спасти Мессению?

Пифия ответила:

— Когда трагос напьется извилисто текущих вод Неда, Мессению я больше не покрываю: гибель близка.

Трагос по-гречески — козел. Получив такое предсказание, мессенцы стали зорко следить за тем, чтобы козы не подходили к Неду, реке, которая протекала через тот приморский уголок земли, которая еще принадлежала мессенцам. Откуда может прийти спасение? Как и сколько еще времени сможет Мессения противостоять неизмеримо сильнейшему врагу? Этого мессенцы не знали. Но знали и верили, что пока трагос не напьется из Неда, они не погибнут.

Аристомен в кеаде

У мессенцев снова не стало Мессении. Только гора Эйра и приморская полоса возле нее. А в мессенской долине снова хозяйничали спартанцы.

В отряде Аристомена собралось триста человек. С этим отрядом он вихрем пролетал по стране, ставшей чужой, захватывал что удавалось — хлеб, скот, оливки, имущество жителей и самих жителей, если те не успели скрыться. Мессенцам, живущим на горе, негде было посеять свой хлеб и вырастить свой скот. А имущество спартанцев и людей, захваченных в плен, Аристомен отдавал за выкуп.

Однажды он поздним вечером спустился со своим отрядом с горы. Скорым шагом они прошли прямо в Лаконику. На рассвете они неслышно вошли в лаконский город Амиклы. Жители спали, никому не могло прийти в голову, что Аристомен может явиться сюда.

Но Аристомен явился. Мессенцы разграбили город и ушли, исчезли с первыми лучами зари.

Тотчас из Амиклы помчались в Спарту гонцы. Но когда из Спарты пришли военные отряды, Аристомен уже был далеко.

Так шло время из года в год. Очень трудно жилось мессенцам на Эйре. Но они терпели. Лучше терпеть невзгоды свободными, чем ходить в ярме у спартанцев.

Аристомен по-прежнему не давал покоя Спарте, нападал то на один город, то на другой. Его отряд пролетал по Мессении, появлялся и в Лаконике. Спартанцы старались подкараулить Аристомена, поймать.

И наконец поймали.

Спартанцы окружили отряд Аристомена. Сила их была вдвое больше, даже оба спартанских царя были здесь.

Произошла жестокая схватка. Аристомен старался пробиться из окружения. Он был весь израненен, но продолжал сражаться со всей яростью, которая кипела в его сердце...

Может, и вырвался бы. Но кто-то ударил его камнем по голове, и Аристомен упал.

И как только он упал, спартанцы бросились на него толпой, навалились, связали. Им больше всего хотелось захватить его живым, чтобы потом казнить мучительной казнью. Вместе с ним спартанцы взяли в плен еще пятьдесят человек из его отряда.

В Спарте ликовали. Война кончена навсегда, мессенцы покорены и уничтожены, Мессения захвачена, Аристомен в плену. Смерть Аристомену, немедленная смерть!

— Как же казнить его? Как его казнить, чтобы смерть его была самой мучительной?

— Бросить в кеаду. Мучительней смерти, чем эта, нет.

В Греции, как и во всякой горной стране, бывали страшные дни, когда молнии раскалывали небо и горы и земля грозно сотрясалась, разрушая деревни и города. Тогда люди спешили умилостивить Зевса-Громовержца, который бросал на землю огненные стрелы и сотрясал землю. Устраивали ему праздники, приносили бесчисленные жертвы.

Зевс затихал на своем Олимпе. Над Элладой снова сияло лучезарное небо, и теплое море излучало синеву у изрезанных заливами берегов. Города и деревни вновь отстраивались. И только бездонные смрадные расщелины, оставшиеся после землетрясения, напоминали о гневе великого Зевса. Эллины называли их кеадами.

В Лаконике существовал такой вот древний провал в земле. Спартанцы бросали в кеаду трупы рабов. Туда же отправляли и государственных преступников. Страшнее этой казни люди не знали. Этой казни было решено предать и Аристомена.

Сначала в кеаду бросили мессенцев, захваченных вместе с Аристоменом. И все они тотчас погибли.

Вслед за ними в кеаду бросили Аристомена.

Но Аристомен остался жив.

«...Аристомена и прежде хранил какой-то бог,— рассказывает Павсаний,— и теперь сохранил. Прославляющие Аристомена говорят, что, когда его бросили в кеаду, подлетел орел, охватил его крыльями и опустил вниз, так что Аристомен не получил ни одной раны, ни одной царапины».

Опомнившись в этой подземной тюрьме, Аристомен понял, что выхода отсюда нет. И спасти его некому: Эйра далеко, и она бессильна. А его товарищи и соратники лежат мертвые рядом с ним.

Аристомен завернулся в свой грубый войлочный плащ, лег и стал ждать смерти.

Три дня и три ночи Аристомен лежал неподвижно на дне кеады.

На третий день в мертвящей тишине своей смрадной могилы он вдруг услышал шорох. Аристомен откинул плащ с головы и стал всматриваться в темноту. Глаза, привыкшие к темноте, различили какое-то живое существо. Это была лисица. Она пробиралась к мертвым телам...

Он позволил лисице бежать. Однако не отпустил ее совсем, а придерживал за хвост.

Сразу прояснился ум, и по всем мускулам пробежала горячая искра жизни. Аристомен весь напрягся, как тетива лука, он ждал, когда лисица подойдет ближе.

Лисица, принюхиваясь, подошла. Аристомен мгновенно схватил ее. Лисица старалась вырваться, бросалась на Аристомена. Но Аристомен одной рукой держал ее, а другую руку обмотал плащом и подставил ей. И лисица яростно кусала плащ, который прокусить было невозможно.

Потом он позволил ей бежать. Однако не отпустил ее совсем, а придерживал за хвост. Лисица бежала, а он в темноте следовал за ней. Иногда ущелье становилось таким тесным, что Аристомен еле мог протиснуться. Иногда ему приходилось пробираться ползком, лежа на животе... Путь был трудный, извилистый. Но лисица знала, куда идет. И вдруг Аристомен увидел впереди свет. Сквозь небольшое отверстие в кеаду падало несколько голубых лучей лучезарного дня!

Аристомен выпустил лисицу, и она тотчас исчезла, скользнув в сияющее голубое отверстие. Аристомен в это отверстие пролезть не мог. Но теперь уже силы кипели в нем. Он руками раскидал землю и камни, расширил отверстие. И вылез из кеады.

Оглядевшись и отдышавшись, Аристомен тайными тропами поспешил на Эйру. А там уже оплакивали его. И когда он неожиданно появился на Эйре, ликованию мессенцев не было конца.

Волки связали льва

В Спарте решили взять Эйру приступом. Знатные спартанцы, защищая свои владения в Мессении, настояли на том, чтобы разорить и уничтожить Эйру, уничтожить всех мессенцев. И тогда уже спокойно пользоваться урожаями мессенской земли.

Но городок Эйра на горе Эйре, в котором закрылись мессенцы, был почти неприступен.

Поэтому Спарта снова позвала на подмогу коринфян. Аристомен — опасный враг, лучше уж заранее заручиться поддержкой.

Аристомен энергично готовился принять осаду, вооружал горожан, укреплял стены. В это время разведчики донесли ему, что коринфяне уже спустились со своих гор и направляются в Спарту.

— А идут в беспорядке, строя не держат. И стан по ночам не охраняется, стражи не ставят. Идут, как по своей собственной земле!

Аристомен тотчас собрал боевой отряд. И в ту же ночь отправился на дорогу, по которой шли коринфяне.

Свет костров показал мессенцам, где расположились на отдых коринфские солдаты.

Аристомен со своим отрядом тихо подкрался к коринфянам, окружил их. А потом внезапно напал на врагов — и пощады им не было. Почти все коринфяне полегли здесь. И военачальники их были убиты.

Грозный и гневный стоял Аристомен среди поверженного вражеского лагеря и угасающих костров.

— Пусть знает Спарта,— сказал он, указав мечом на опрокинутый шатер коринфских

вождей,— что здесь был Аристомен. И сделал это Аристомен!

Снова начались набеги мессенцев на поля и города, снова не стало покоя в спартанской Мессении.

Время шло. Приближался лаконский праздник в честь Аполлона. Во время этого праздника спартанцам нельзя было вести никаких войн — так диктовали старые обычаи. Поэтому спартанцы заключили с мессенцами перемирие на сорок дней. И ушли в Амиклы, где стоял их уродливый Аполлон, справлять свой праздник.

Однако по мессенской долине по-прежнему шатались стрелки, нанятые Спартой для войны с мессенцами.

Аристомен считал, что раз заключено перемирие, то он может свободно выйти из своей крепости и спуститься в долину.

Семеро критских стрелков внезапно выскочили из кустов и схватили Аристомена. Аристомен пробовал сопротивляться. Но он был безоружен, а критяне были крепкими и сильными, как быки. Они связали Аристомену руки ремнями от колчанов и повели с собой. Они смеялись грубыми голосами, они ликовали:

— Поймали Аристомена! Поймали, поймали Аристомена!

Двое стрелков тут же отправились в Спарту, чтобы сообщить о своей нечаянной удаче. А остальные пятеро, не спуская глаз с Аристомена, повели его в ближайший лаконский дом.

Аристомен молча повиновался. Его захватили незаконно, во время перемирия. Но что скажет на это Спарта?

«Почему же незаконно? Перемирие заключили мы, спартанцы. Критские стрелки перемирия не заключали!»

Вот что она скажет!

Аристомен молчал. Неужели конец?

Конец? Ну нет, этого не может быть. Если он смог уйти из кеады, неужели у него теперь на это не хватит ловкости и ума?

Аристомен, окруженный стрелками, вошел в дом. В доме этом жила вдова со своей дочерью. Аристомен поглядел на женщин своими сверкающими глазами. И девушка тихонько охнула, чем-то пораженная.

— Кто это? — тихо спросила она у матери.

— Это Аристомен! — шепнула мать, еле переводя дух от такой неожиданности.

Аристомен подметил их взгляды и не почувствовал в них вражды. Нет, эти женщины не были ему врагами. В глазах девушки даже горело восхищение! И он понял, что и в Лаконике не все сочувствуют этой неравной неправедной войне Спарты против Мессении.

Девушка отвела мать в дальний угол.

— Я сегодня видела сон,— взволнованно сказала она.— Мне снилось, будто по нашему полю волки вели льва. Лев был связан, а когти он потерял, ему нечем было защищаться. И вот я будто бы нашла его когти и дала их льву. А потом лев растерзал волков. Это,— девушка кивнула на Аристомена,— это лев. Я должна освободить его!

Мать молча согласилась. Сон — веление богов, а богам следует покоряться.

Между тем стрелки расположились в жилище вдовы, как у себя дома. Они издевались над Аристоменом и были очень веселы.

Аристомен пристально поглядел в глаза девушки, которая и сама не спускала с него взгляда. Что она должна сделать? Что она может сделать?

«Принеси им вина,— хотел бы сказать Аристомен. Но не мог: стрелки сидели рядом,— усыпи их!»

И девушка поняла. Она сделала веселый вид, что, дескать, сама рада такой удаче: поймали Аристомена! Она принесла вина и принялась угощать стрелков.

— Пейте, пейте! Вы заслужили и не такое угощение. Пейте, я принесу еще. Как не выпить при такой радости?

Стрелки принялись пить. Напились, да тут же и уснули. А почему им не выпить и не уснуть? Аристомен в их руках. Ремни от колчана так крепки, что никакому силачу не разорвать.

Как только стрелки повалились и храп наполнил дом, девушка подошла к одному из них и тихонько вынула из ножен его меч. Она перерезала ремни, освободила Аристомена и меч отдала ему. С мечом в руках Аристомен бросился к своим врагам и тут же убил их одного за другим.

— Как мы теперь останемся здесь? — испугалась вдова.— Нас ждет гибель!

— Вы не останетесь здесь,— сказал Аристомен,— вы уйдете со мной на Эйру!

Дом вдовы опустел. Когда спартанцы и критские стрелки спешно прибыли сюда, они нашли в доме только неподвижные тела своих товарищей.

А девушку Аристомен тогда же выдал замуж за своего сына молодого Горга.

Когда трагос напьется из Неда...

Эта неравная борьба, когда могущественная Спарта, да еще с помощью союзников и наемных стрелков, сражалась с горсткой мессенцев, длилась целых десять лет. Десять лет терпели на Эйре осаду мессенцы, десять лет Аристомен боролся как мог с врагом за свободу своей родины. Но на одиннадцатом году осады Эйре суждено было погибнуть.

Однажды Феокл пришел к Аристомену и сказал:

— Пойдем со мной.

Аристомен сразу заметил, что Феокл бледен и чем-то подавлен. Предчувствуя беду, он молча последовал за жрецом. Феокл привел Аристомена на берег Неда. Здесь издавна стояла дикая смоковница. Много лет она стояла прямо, веселая, серебристая. Но постепенно смоковница согнулась, ветви ее поникли. Люди и не заметили, как она состарилась.

Феокл указал на смоковницу.

— Видишь?

— Вижу.

— А ты помнишь, что предсказала нам пифия, когда мы с тобой были в Дельфах? «Когда трагос напьется извилисто текущих вод Неда, Мессению я больше не покрываю...»

— Я понял,— прошептал Аристомен и поник головой.

Дело в том, что все эллины дикую смоков-

Ливень так шумел, что пастух мог не опасаться: в доме его услышать не могли.

ницу называли олинфой. А у мессенцев она называлась трагос. Пророчество исполнилось: ветви смоковницы касались воды — трагос напилась из Неда.

«...Погибель близка».

— Я увидел это и никому не сказал,— мрачно произнес Феокл.— Но ты должен об этом знать. Время наше исходит.

— Вижу, что никакой надежды больше нет,— сказал Аристомен.— Надо думать, что делать теперь.

Так, готовя окончательную гибель Мессении, дельфийцы отняли у Аристомена последние надежды. А без надежд на победу кто победит?

У мессенцев хранился тайный талисман. Это были тонкие оловянные таблички, а на них написаны таинства обрядов Деметры и других почитаемых эллинами богинь. Когда-то прародитель мессенских царей, царь Лик, предсказал мессенцам:

— Если утратите это или откроете врагу эту тайну, Мессения погибнет. А если сохраните, что бы ни случилось, мессенцы вернутся на свою землю.

Был этот царь Лик на свете или нет, никто не знает. Но мессенцы верили в его талисман, это давало им силы бороться, это поддерживало их веру в то, что родина будет им возвращена.

Знал об этом предсказании и Аристомен. Он дождался ночи и, взяв талисман, тайно отправился на гору Итому. Он хорошо знал свои родные горы. Отыскав на Итоме самое глухое место, зарыл талисман. Там он молился Зевсу и всем богам:

— Зевс, покровитель Итомы! Боги, охранявшие Мессению! Молю вас, будьте хранителями этого залога, не отдайте в руки лаконцев сей единственной нашей надежды на возвращение в отечество!

А потом долго прислушивался — не ответят ли ему боги? В мерцании звезд, в шуме ручья и деревьев ему слышался невнятный ответ богов. Но он не мог понять, что они ему отвечали...

Вскоре после этого начались бедствия.

Городок Эйра не вмещал всех мессенцев, бежавших от лаконцев. Много их поселилось за стенами городка по склону горы, на берегах Неда.

Здесь, недалеко от Неда, пас коров один пастух. Этот пастух бежал из Лаконики от своего хозяина, богатого спартанца Эмперама. Но теперь, видя, что жизнь

у мессенцев не сулит радостей, стал думать, как бы ему заслужить прощение Эмперама и вернуться в Лаконику.

Мессенские женщины ходили на реку за водой. Однажды этот пастух подкараулил жену одного мессенца, который жил на горе, у самой городской стены. Льстивыми и лживыми разговорами, подарками, которые он стал приносить ей, пастух добился доверия этой женщины.

Потом пастух стал приходить к ней в гости. А сам все высматривал, хорошо ли укреплен город. Охраняется ли? Сам он в город войти не мог, потому что, кроме мессенцев, туда никого не пускали.

Однажды пастух поздно вечером отправился на гору. Шел сильный дождь, ноги скользили, идти было трудно. Но пастух, привыкший и к жаре и к холоду, непогоды не боялся.

«Приду — обсушусь, обогреюсь, — думал он,— а что дождь и тьма, так это еще лучше, меня никто не увидит».

Он подошел к знакомому дому и остановился. В окне горел свет и слышались голоса. Пастух подкрался, заглянул в окно. Он тотчас увидел мужа, который сидел и сушился у огня.

«Почему он дома? — удивился пастух.— Ведь сегодня его очередь сторожить!»

Он приник к окну и стал подслушивать. Ливень так шумел, что пастух мог не опасаться: в доме его услышать не могли. Зато ему было хорошо слышно, о чем говорил мессенец со своей женой.

— Льет, как из бочки,— говорил он,— никаких сил нет стоять на стене. Стену строили наспех, ни башен, ни укрытий... Промокли все до костей.

— Тебя на всю ночь отпустили,— спросила жена,— или ты пришел только отогреться?

— Мы сами себя отпустили,— ответил муж,— не я один ушел, все ушли. Да и кто вздумает прийти на Эйру в такую бурную ночь? Сейчас опасаться нечего.

Пастух, услышав, что городские стены остались без стражи и никем не охраняются, тотчас ринулся бежать. Он бежал под грозовым ливнем, скользил, падал, вскакивал и снова бежал. Он бежал в лаконский военный стан, осаждавший Эйру. Спартанских царей в лагере сейчас не было, а начальником войска оставался Эмперам, бывший господин этого пастуха. Пастух торопился к Эмпераму сообщить, что Эйра беззащитна и что надо только прийти и взять ее... А за услугу он надеялся получить прощение и вернуться в Лаконику.

Эйра была беззащитна, и Аристомен не знал об этом. Он лежал раненый и не мог встать с постели,— у него только что произошла схватка с врагами.

К Аристомену ехал гость — кефалленийский купец. Он вез в Эйру всякие необходимые припасы. Критские стрелки в дороге напали на купца. Аристомен отбил купца, отнял у стрелков все его товары. Но сам не уберегся, его ранили, и рана теперь сильно болела.

Эйра была беззащитна, жители спали под грохот ливня, стража ушла по домам.

А спартанские отряды уже шли к Эйре своей железной поступью.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

*

Л. НИКОЛАЕНКО

Зимой,
Когда деревья спят,
Их осторожно-осторожно,
Как сонных
Маленьких ребят,
Перенести
И посадить
В другое место
Можно.

Тогда — зимой —
Горят костры,
От ветра
Языкастые,
И на снегу
Кричат костры,
Как петухи
Горластые,

И греют ночью,
Греют днем,
Перепугав метель,
И греют
Торфом и огнем
Для саженцев
Постель.

Луна без курносых, или две жизни Сирано де Бержерака

Все или почти все ребята знают, кто такие три мушкетера. Знают, что их именно три, не четыре и не пять, а Д'Артаньян, хоть он и стал мушкетером, все-таки не считается четвертым, а существует как бы сам по себе. Можно привести другие случаи, когда книжные герои становятся такими знаменитыми, что даже не нуждаются, чтобы про них читали. Но я напомнил именно о Д'Артаньяне потому, что про Д'Артаньяна все наверняка знают, а про Сирано де Бержерака не все, хотя он, как и Д'Артаньян, достаточно знаменит.

Как и Д'Артаньян, Сирано существовал на самом деле, и оба они жили в Париже примерно в одно время. Правда, о Д'Артаньяне и его друзьях Александр Дюма написал несколько томов, а о Сирано де Бержераке французским поэтом Эдмоном Ростаном написана только пьеса в стихах, но пьеса, которая много лет не сходит со сцены театров всего мира.

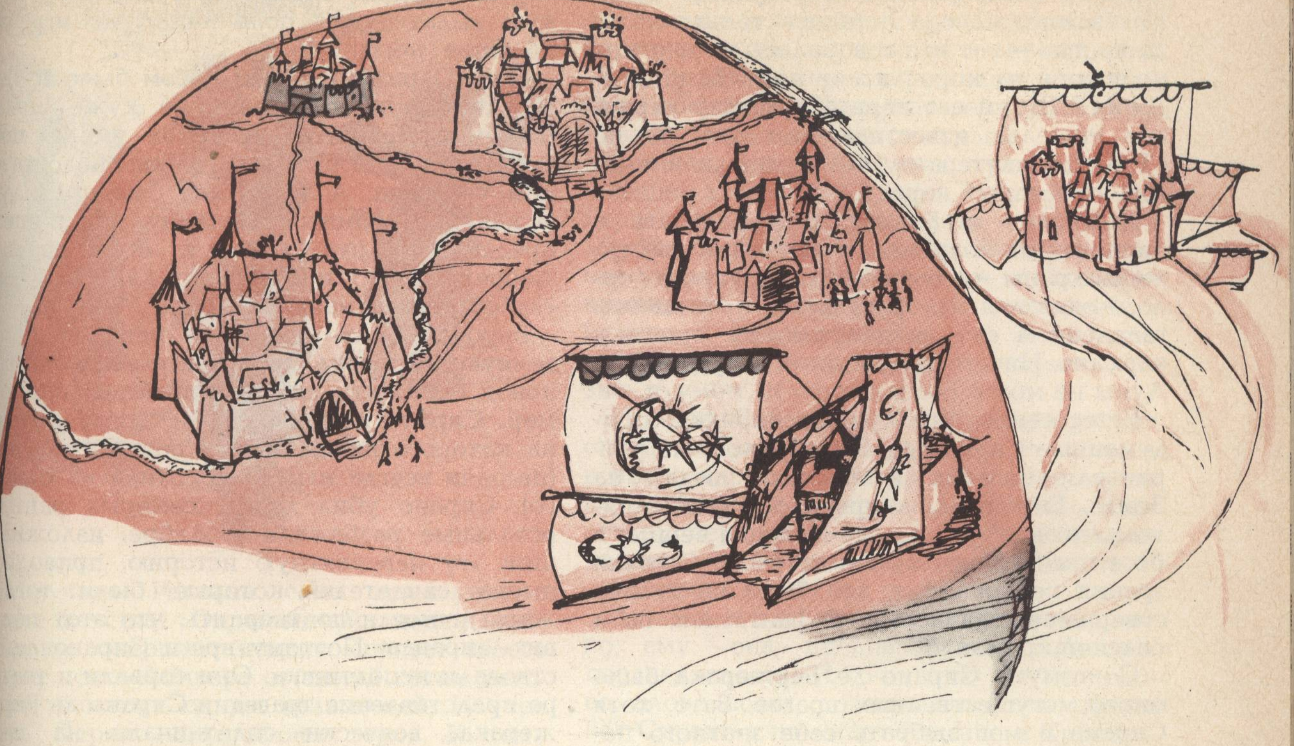
А не так давно я видел цветной мультфильм о полете на Луну, где среди космонавтов оказался Сирано де Бержерак при своей длинной шпаге и в шляпе с перьями.

И это не случайно.

Дело в том, что Савиньен Сирано де Бержерак (таково было его полное имя), родившийся недалеко от Парижа триста пятьдесят лет назад, по его словам, действительно побывал на Луне, во всяком случае, написал об этом роман.

«Знайте же, что ракеты были расположены в шесть рядов по шести ракет в каждом ряду... и пламя, поглотив один ряд ракет, перебрасывалось на следующий ряд и затем еще на следующий, так что воспламеняющаяся селитра удаляла опасность в то самое время, как усиливался огонь...»

Космический корабль Сирано де Бержерака, впрочем, был не вполне современ-

Рисунки ученицы 7-го класса Олеси САХАРОВОЙ.

ным: в конечном счете «прилуниться» этому космонавту помогли бычьи мозги, которыми он намазался. Считалось, что Луна притягивает мозг животных,— за счет этого Сирано и продолжал полет даже после того, как его система сгорела. Конечно, это наивно. Но стоит ли требовать слишком много от фантастического романа XVII века, когда там и без того блестящей выдумки не так уж мало?

Например, чем плохи книги, «похожие на наши часы»,— достаточно завести пружинку, поставить стрелку на ту главу, которую хочешь услышать, и книга сама заговорит, запоет, заиграет... Жители Луны всегда имеют «у себя в кармане или привешенными к луке седла штук тридцать этих книг». А наш путешественник, «повесив эти книги к себе на уши в виде серег», пошел с ними погулять, словно это современные транзисторы, которые можно вложить в клипсы или прямо в ухо!

Правда, жители Луны не знали другого транспорта, кроме лошадей, но зато города у них — с крепостными башнями и стенами, как положено в XVII веке — были... передвижными! Надоест горожанам зимний мороз или летний зной — и весь город на особых парусах уносится в новые места.

А денег на Луне не было. На Луне платили стихами. Скажем, за пребывание в гостинице спутник Сирано де Бержерака заплатил стихотворением в шесть строк— и это считалось очень щедрым. «Таким образом, на Луне умирают с голоду только дураки, а умные всегда хорошо питаются»,— пишет Сирано де Бержерак.

Увы, в Париже, на Земле, дело обстояло совсем иначе, и Сирано знал это на собственном опыте! Но ведь свой роман о Луне Сирано и написал для того, чтобы на Земле люди подумали, не изменить ли им свою жизнь по лунному образцу. Всяких предложений на этот счет у писателя хватало.

На Луне, например, войны велись по-особому. На поле боя враждующие армии разделялись на отряды с тем, чтобы против великанов шли гиганты, против отважных — смельчаки, против немощных — слабые, «и если кому-нибудь вздумается ударить другого, а не указанного ему врага, он осуждается, как трус». Однако на поле сражения война не кончалась: все решали «другие, еще более многочисленные армии ученых и умных людей», и от спора между ними зависело, какое государство победит.

Вот как жили на Луне! А во Франции не было ничего похожего. Что касается войн, то при жизни Сирано они во Франции не прекращались. Воевали с испанцами, французы дрались с французами. При-

чины-то были разные, а результат один. «У бедного народа остались только кожа да кости» — вот что говорилось в одном из прошений на королевское имя. Но ни Людовик XIII, ни его первый министр кардинал Ришелье, известные вам хотя бы по «Трем мушкетерам», не обращали внимания на «бедный народ».

И Сирано де Бержерак, в двадцать с лишним лет получивший на войне две тяжелые раны — одну в грудь, другую в горло,— оказался в результате отставным гвардейцем его величества без гроша в кармане. Ничего подобного в государствах Луны не могло быть.

Естественно, что лунные порядки, придуманные Сирано де Бержераком, не устраивали богатых и знатных людей на Земле. Еще меньше нравилось священникам, что на Луне умные люди не верили в бога и ничего им за это не было. С точки зрения церковников, это было не только совершенно несбыточной фантазией, но и опасной крамолой!

Поэтому у Сирано де Бержерака было много могущественных врагов. Зато, хотя Сирано и мог выбрать себе знатного покровителя, как это делали многие поэты и художники его времени, он не принимал ничьего покровительства. Никого он не признавал над собой, кроме звездного неба и Луны,— ни короля, ни даже бога!

И, наверное, не зря говорили в Париже, что этого вольнодумца, написавшего, чтобы изменить земные порядки, роман о Луне, устранили монахи-иезуиты, нанявшие убийц, которые сбросили с крыши на проходившего внизу Сирано тяжелую балку. Через несколько месяцев после этого ранения Сирано и умер.

Убить Сирано можно было только таким тайным и коварным способом. Подсылать к нему вооруженных убийц было делом безнадежным. Вот что на основании исторических свидетельств рассказывал о Сирано замечательный французский писатель Анатоль Франс: «Сирано, пивший только воду и на редкость храбрый... успел перебить на дуэлях десять человек. На его лице запечатлелись неоспоримые свидетельства его подвигов. В частности, длиннющий нос Сирано был весь испещрен какими-то странными шрамами... Любой враг Сирано де Бержерака был обречен».

Ах, этот «длиннющий нос»! Сколько лишних неприятностей он доставил, вероятно, Сирано! Зато, сочиняя роман о Луне, он отвел душу: там, на Луне, курносые были лишены гражданских прав! Только длинноносые считались полноценными людьми. И когда у них спрашивали, который час, то они улыбались, тень от их носов падала на белые зубы, и по положению этой тени, как по солнечным часам, спрашивающий определял время. Вот какую выдающуюся роль на Луне играли большие носы!

Но в Париже с таким носом было трудно: тогдашние парижане не хуже иных современных пятиклассников умели посмеяться над любым физическим недостатком человека. А тут повод был на виду. И какой! Огромный! Поэтому, как пишет преданный друг Сирано и его издатель Лебре, Сирано и имел сто дуэлей, хотя сам обычно не начинал ссоры.

Впрочем, для человека, ненавидящего земную несправедливость, всегда найдется повод обнажить шпагу. Однажды, например, Сирано заступился за своего друга, на которого напала целая сотня негодяев (негодяи всегда нападают сотней на одного). Сирано убил двоих, семерых ранил, остальные разбежались. Лебре, изложивший эту невероятную историю, приводит имена свидетелей, которые были тогда живы и могли подтвердить, что этот подвиг — правда. Поэтому враги Сирано действовали исподтишка. Они сорвали в театре представление трагедии Сирано де Бержерака, всячески сплетничали на его счет, лишали возможности что-нибудь заработать, освистывали или замалчивали все, что он делал. Если бы у Сирано совсем не было друзей, он умер бы с голоду. Но друзей было мало, и он умер в нищете.

Сирано де Бержерак умер в 1656 году в Париже. А в 1898 году там же воскрес. Воскрес со своим огромным носом, длинной шпагой и неустрашимым духом. Правда, в этой своей новой жизни он говорил стихами, потому что стал главным действующим лицом героической комедии.

— Героической комедии? — могут меня спросить.— Комедия — это смешное. Может ли смешное быть героическим, а героическое смешным?

Но вспомните Дон Кихота! Смеясь над его чудачествами, люди восторгаются его героизмом. И, когда знакомишься с Сирано де Бержераком в его новой жизни героя пьесы, тоже не всегда знаешь, печалиться или радоваться, плакать или смеяться, а чаще всего испытываешь разные чувства одновременно. Совсем так же, как при чтении романа о Дон Кихоте, Рыцаре печального образа. Не так-то просто понять, счастлив он или несчастлив.

Впрочем, судите сами. Вот что происходит с Сирано де Бержераком в героической комедии: Сирано влюблен в Роксану, первую красавицу Парижа. В детстве они были друзьями, но прошло много лет, и Сирано не решается возобновить знакомство: вдруг Роксана будет смеяться над его огромным носом?

Как будто смешно, а смеяться хочется все меньше и меньше: Сирано сдерживается изо всех сил; он, никому не прощавший обид, бессилен перед обидчиком: ведь Сирано обещал Роксане стать его другом, он обещал спасти юношу от дуэлей.

Кое-как недоразумение разрешается бывшие враги становятся друзьями, но первая же дружеская услуга — это новая жертва со стороны Сирано. Роксана заранее уверена, что Кристиан не только прекрасен, но и умен, поэтичен, остроумен. А Кристиан впадает в отчаяние, узнав, чего от него ждет Роксана. Он презирает поэзию и умом не блещет!

И тогда Сирано отдает Кристиану свои стихи, посвященные любимой, Роксане,— в них говорится о надежде, о счастье, но нет еще имени адресата. Достаточно Кристиану переписать стихи, поставить свою подпись — и Роксана поверит, что он поэт!

Почему Сирано так поступает?

Да ведь его шпага принадлежит не только ему — она предназначена защищать справедливость! И точно так же его слово, слово поэта, должно помогать людям. Вот Сирано и помогает Роксане и Кристиану быть счастливыми. Он пишет для Кристиана письма в стихах, придумывает ему темы для бесед и остроты. А ведь сам он всю душу вкладывает в эти стихи!

Печально это или смешно, что Сирано пришлось однажды говорить от имени Кристиана? Но говорил-то он о своей собственной любви:

...О, я готов себя, как вещь, отдать
За счастие твое и даже за улыбку.
И молнию в полете удержать,
Безумство не сочтя ошибкой!
Люблю тебя!

И — чудо! Роксана сама вспомнила о друге детства! Окрыленный надеждами, Сирано совершает подвиг: спасает своего друга поэта Линьера от целой сотни негодяев, нанятых одним вельможей. Наутро весь Париж поздравляет героя. К нему пришли успех, слава. Но почему Роксана вспомнила о Сирано? Оказалось, она хотела попросить его взять под свое покровительство некоего Кристиана де Невиллета, только что поступившего в ту же роту королевской гвардии, где служит Сирано. Роксана любит Кристиана: он так красив!

Судьба больно щелкнула Сирано по длинному носу. Но он не может отказать Роксане, он обещает сделать все, что она просит. А через минуту после этого разговора Сирано окружают любопытные парижане, они поздравляют победителя, ждут ответных улыбок.

Хотели бы вы оказаться в этот момент на его месте, очень почетном месте признанного героя?

И тут же новое испытание: Сирано рассказывает своим друзьям-гвардейцам о ночном подвиге, а только что принятый в полк новичок (это и есть Кристиан де Невиллет), желая показать всем, что нисколько не боится знаменитого Сирано, прерывает его рассказ издевательскими репликами об огромном носе. Вот как это выглядит. Сирано рассказывает:

— Я шел вперед. Во мраке, как в лесу.
Враг может оказаться близко.
Я шпагу обнажил:
так меньше риска.
Прыжок — и хищник...
— На носу!
— На острие клинка. Однако
Неуязвим их щит из мрака.
Мог получить я...
— По носу щелчок!
— Удар кинжалом!..

Зажечься — и дотла,
Чтобы тебе светлее было...
Почувствовала ты,
Как душу эта сила
Отсюда вверх, к тебе, приподняла! —

так говорил Сирано, укрытый ночной темнотой, а Роксана стояла на балконе и думала, что это ее Кристиан.

Счастлив или несчастлив был поэт в это мгновение полной искренности, полной самоотдачи?

И вообще чье счастье человечней и выше — счастье того, кто берет, или счастье того, кто дарит?

Судьба словно испытывала на прочность благородство Сирано. Сила его души и его поэзии преобразила Роксану, облагородила Кристиана.

Роксана говорит Кристиану, что любит в нем великого поэта, что любила бы его, если бы он потерял свою красоту. Кристиан требует, чтобы Сирано открыл Роксане их общую тайну. Счастье как будто улыбается Сирано! Но Кристиан неожиданно гибнет. Долг дружбы велит Сирано молчать.

А Сирано де Бержерак говорит перед смертью, что был счастлив. Он страдал? Да! Но «что без страданий жизнь поэта, и что без бури океан»? Сирано был счастлив тем, что находил в себе силу отдавать, дарить, защищать!

Им восхищаешься, и его мучительно жаль.

Часто нельзя удержаться от смеха, глядя на него, но пока смеешься, на глаза навертываются слезы.

Я немного завидую тебе.

Скоро тебе исполнится тринадцать или четырнадцать лет, и ты встретишься с ним. Он шагнет в твою жизнь со сцены или со страниц книги, ничуть не постаревший и сегодня готовый встать на защиту друга и драться с несправедливостью. И сегодня язык его так же остр, как шпага. И когда тебе, сидящему в зале театра «Современник» или какого-нибудь другого театра, он скажет свои гордые слова:

Я погибну? — Пускай!
На земле не бывает иначе:
Новый век на земле человек
начинает собой!
Я погибну, но кто-то
продолжит проигранный бой.
Важно быть человеком —
Лишь в этом решенье задачи! —

в тот же момент ты полюбишь его, на всю юность или на всю жизнь—это бывает по-разному. Со мной это случилось однажды.

ЗАБАВНЫЕ СЛУЧАИ

В прошлом году главными спортивными событиями были Белая Олимпиада во французском городе Гренобле и XIX летние Олимпийские игры в Мехико.

Там произошло немало забавных случаев. Вот некоторые из них.

ОДИН В ТРЕХ ЛИЦАХ

В Гренобле единственным представителем Индии был горнолыжник Джерри Бужаковский. Однажды его спросили:

— Почему вы носите на рукаве сразу три разноцветных повязки?

— Одну мне дали как участнику соревнований, другую — как тренеру, а третью — как главе делегации, — улыбаясь, ответил Джерри.

«НАШ» ЗИНГЕР

По окончании Гренобльских баталий в одном из товарищеских матчей советская сборная встречалась с французской командой. Наши хоккеисты «одолжили» соперникам своего вратаря Виктора Зингера. Виктор был в ударе, парировал десятки бросков и спас французов от разгромного счета.

После матча один из французских журналистов, не знавший фамилии Виктора и малосведущий в хоккее, написал в спортивном отчете: «Русский вратарь стоял в воротах, совсем как наш Зингер».

ХОРОШО

Самое длинное и непонятное название носила в Мехико яхта класса «Финн» английского спортсмена Р. Патиссона.

Звучало оно примерно так: «Суперкэлифреджилстайклкспаиэлидогес». Когда гонщика спросили, что это означает, тот сказал: — Что-то вроде «хорошо».

ПИР ДЛЯ КОНЯ

Французский офицер-кавалерист Жан-Жак Гюйон на XIX Олимпийских играх завоевал золотую медаль в троеборье. По этому случаю он устроил пир для своего коня Питу.

— У нас сегодня будет два ужина... даже три, если ты захочешь, — говорил Жан-Жак коню.— Но завтра ты вернешься к обычному своему рациону. Потому что я совсем не хочу, чтобы ты почил на лаврах и обленился. Ведь ты как-никак настоящий спортсмен.

НА ДВУХ МАТЧАХ СРАЗУ

Зрители, присутствующие на матче Япония — Венгрия в Мехико, с помощью маленьких портативных телевизоров и радиоприемников одновременно следили за ходом игры сборных Мексики и Болгарии, происходившей в это же время в Гуадалахаре.

К удивлению непосвященных, когда на поле стадиона не происходило ничего особенного, на трибунах вдруг раздавался оглушительный шум и свист.

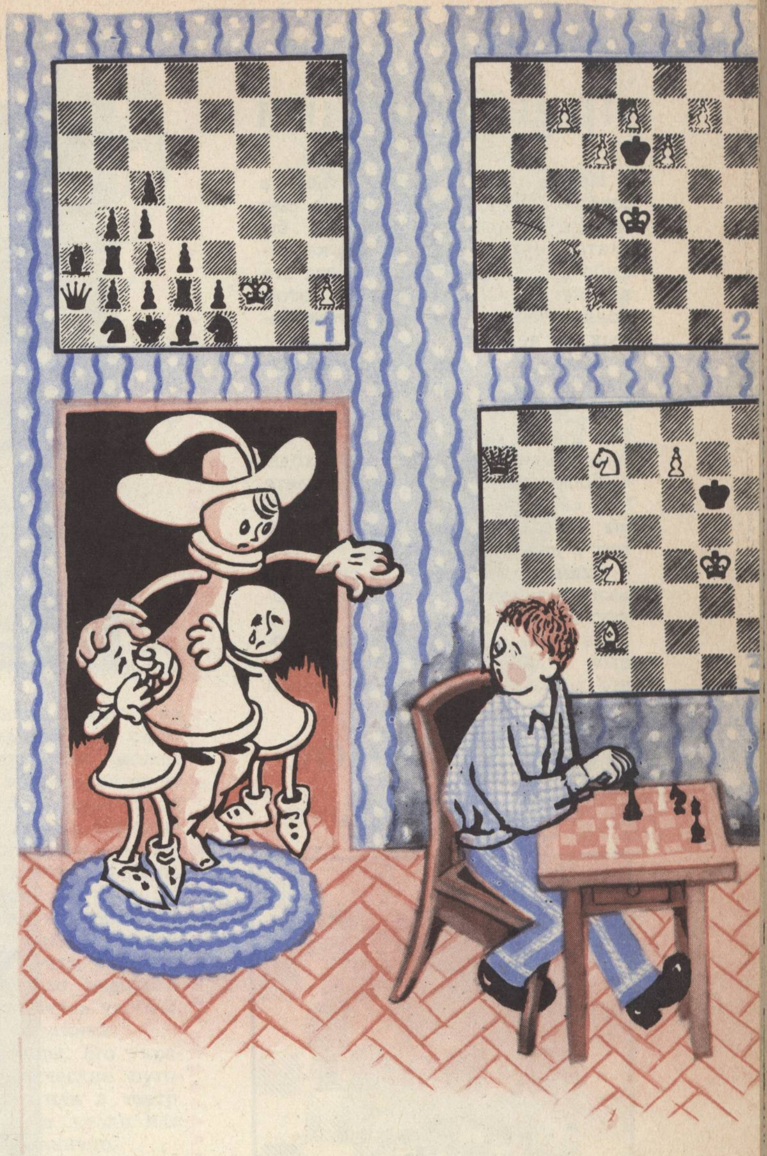
ПОБЕДИТЕЛЬ

За всю историю Олимпийских игр спортсмены Венесуэлы не завоевали ни одной золотой медали. И вот наконец в Мехико им повезло. Боксер Родригес удостоился золотой медали.

Когда финальный бой закончился, восторженные мексиканские зрители завернули спортсмена в национальный флаг и под гром аплодисментов унесли с ринга.

В СТРАНЕ ШАХА— ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Встреча на пороге

Кто-то постучал сначала тихо, потом громче. Пешкин открыл дверь и на пороге своей шахматной доски увидел две плачущие белые пешки. Это были совсем юные, неопытные пешки из шахматного комплекта, который купили Вите К. ко дню рождения.

— Нас так обижают, — сказала наконец та, которая была посмелее.— Витя совсем с нами не считается...

— Пешкой, говорит, больше, пешкой меньше — какое это имеет значение? — подхватила вторая.— Знаете, как обидно...

Еле успокоил Пешкин своих гостей. Пообещал встретиться с Витей и поговорить с ним.

В гостях у Вити

В тот же вечер Пешкин отправился к Вите. Витя уже сделал уроки. Сели они за шахматный столик. И тут выяснилось, что Витя и в самом деле отдавал пешки, не задумываясь. Он проиграл первую партию, вторую, третью... Сидит красный, чуть не плачет.

— Знаешь, Витя, почему ты проиграл? — спросил Пешкин.— Потому что пешки не бережешь. А ведь мастера не зря говорят: пешка — душа шахматной партии!

Пешки выручили

Показал Пешкин Вите много разных позиций, в которых пешки играли главную, решающую роль. Посмотрите диаграммы на демонстрационной доске, вверху.

На первой диаграмме у белого короля — всего-навсего одна храбрая пешка. А у черных — шестнадцать воинов, целая армия. Только черные плохо распорядились своими грозными силами, как в мышеловку, заперли все фигуры. Первым ходом белые берут коня e1, и черным остается только ходить ферзем в углу доски.

Теперь все зависит от пешки h 2. В этом удивительном положении белые могут добиться победы. Как им надо играть? Витя нашел это решение. Пешкин надеется, что и вы его найдете.

В позиции, которая дана на второй диаграмме, пешки тоже хозяева положения. Они далеко прорвались, три из них уже рядом с полями превращения. Начиная игру, белые дают мат в три хода черному королю.

Недавно эту задачу предложили решить кибернетической машине. Десять минут трудился электронный робот, перебрал все варианты и... нашел правильный путь к цели.

А сколько времени понадобится вам для решения этой задачи?

Волшебные превращения

Пешка может превратиться в любую фигуру, кроме короля. Нет пешки, которая не мечтала бы стать ферзем, ладьей или какой-либо другой фигурой. И мечта эта вполне осуществима. Об этом должны помнить предводители белых и черных.

Задача № 3 похожа на многосерийный шахматный фильм.

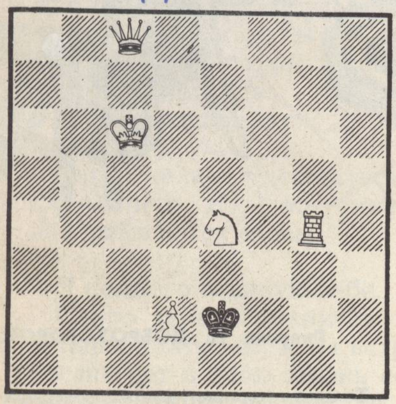
Посмотрите на третью диаграмму: при ходе белых черного короля можно заматовать в два хода.

После того как вы сделаете это, снимите с доски коня d 7. И вы снова сможете дать черным мат в два хода.

Снимите и коня d4. И снова белые, начиная игру, матуют противника в два хода.

Снимите слона. Опять мат черным в два хода неизбежен. Вот что может сделать белая пешка!

Конкурсное задание

А теперь позиция, которая входит в наш конкурс.

Начиная игру, белые дают мат в три хода черному королю. И здесь многое зависит от скромной пешки.

Ждем от вас писем с решениями.

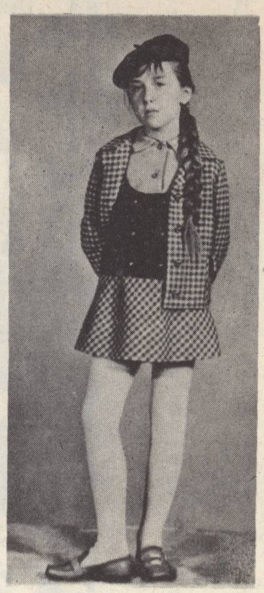
Внимание, друзья Пешкина!

В следующем номере журнала Пешкин открывает свое справочное бюро. Тем из вас, кто выполнил норму спортивного разряда по прошлому конкурсу, Пешкин пришлет справки.

В четвертом номере будут напечатаны решения задач из первого номера.

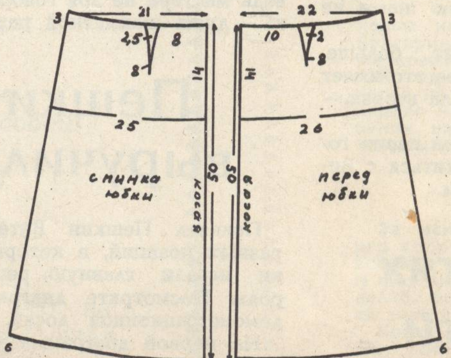

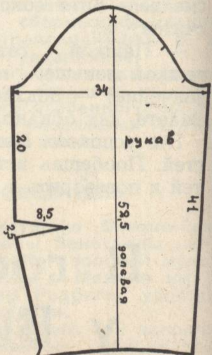
Твой новый костюм

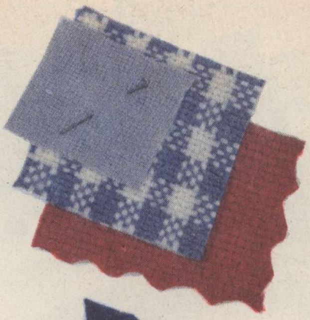

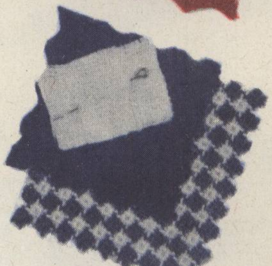

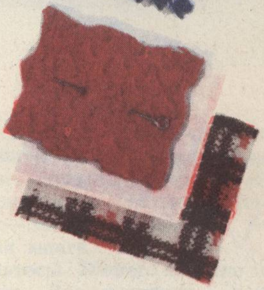

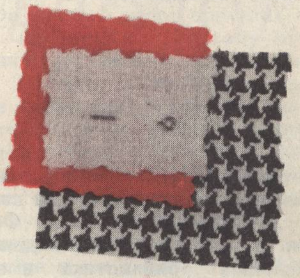

Художник-модельер
И. НАГОРНАЯ.

Нравятся тебе костюмы этих девочек? Правда, красиво?! А почему, как ты думаешь?

Ты, наверное, обратила внимание, что все детали каждого костюма хорошо сочетаются между собой по ткани, цвету, фасону. Ни в одном из этих костюмов нет ничего случайного. Все тщательно продумано, даже шапочка, колготки и туфли подобраны специально к этому наряду.

А теперь давай внимательно разглядим весенний костюм на девочке в клетчатой кепочке. Основной материал (из него сшит сарафан и шапочка) — шерстяная клетчатая ткань. Она может быть синяя с белым или красная с белым. Ткань, из которой сшит жакет, чуть-чуть тяжелее: жакет надевается сверху. А цвет такой же, как цвет клетки на юбке и шапочке. Чулки тоже красные или синие. Свитер или кофточка могут быть голубыми, светло-желтыми, белыми, черными. Эти цвета называются нейтральными. Они хорошо сочетаются со всеми другими цветами.

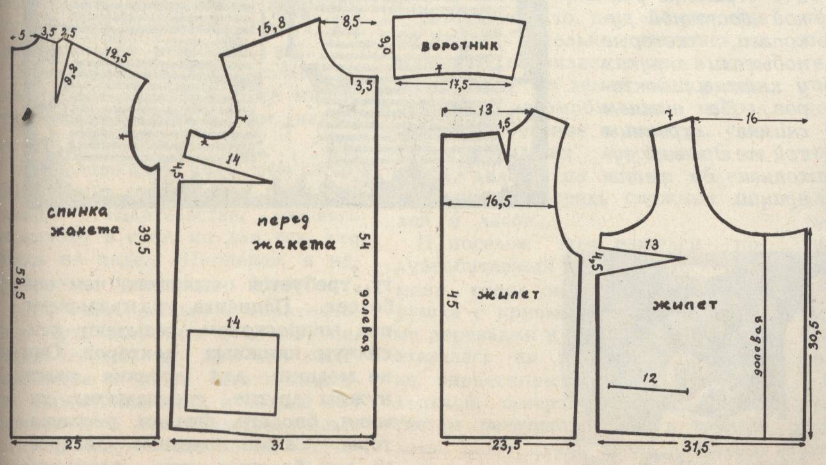
Ты уже заметила, что во всех наших костюмах использована клетчатая ткань. Я тебе объясню, почему она нам нравится. К клетке легче подобрать одноцветную ткань для блузки, отделки, жакета, пальто. И стоит клетчатая ткань, как правило, недорого.

Все костюмы, которые мы тебе советуем носить, очень удобны. Их можно надеть дома и на улицу, в будни и в праздники.

На девочке с косой — нарядный костюм для улицы. Его украшают яркий жилет с блузкой и выпуклые металлические пуговицы. Если ты пойдешь в этом костюме в гости или в театр, надень белую нарядную блузку и белые ажурные чулки или гольфы. В таком виде костюм будет выглядеть празднично.

Когда вы с мамой надумаете сшить тебе новый костюм, посмотри еще раз, как красиво гармонируют друг с другом образцы тканей на наших фотографиях. Надеемся, что это поможет тебе.

Если тебе одиннадцать, двенадцать или тринадцать лет, ты можешь сшить себе костюм по этой выкройке, увеличив ее точно по размерам, которые указаны в чертеже. Кстати, по этой же выкройке сшит костюм девочки с косой.

БУДЬ ЗДОРОВА, КНИГА

Почти все ленинградские школьники знают старинный светлый дом на набережной Фонтанки. У входа в него надпись: «Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина»[1]. Шестнадцать миллионов всевозможных книг, журналов и газет, написанных на языках почти всех народов земного шара,— в фондах библиотеки.

Есть там на третьем этаже просторная комната. В ней нет привычных в этом доме полок с книгами... Люди в белых халатах с хирургическими инструментами в руках склонились здесь над столом, где лежат марлевые салфетки, ватные тампоны, лекарства, дезинфицирующие растворы.

Это лечебница для книг, или, как ее называют, Отдел реставрации и гигиены. Сюда не приглашают читателей. Воспользуюсь правом корреспондента и расскажу вам, как тут лечат книги.

Знакомлюсь с только что поступившими пациентами: гляжу с удивлением на одного из них и не могу понять, что это такое. Слипшиеся страницы книги почернели, спрессовались в камень. Рядом другой пациент — ворох газет, треснувших на сгибах, рассыпавшихся лапшой. А как неузнаваемо преобразятся они после реставрации: страницы свободно отделятся друг от друга; на плотной, свежей бумаге — четкий шрифт!

Мое внимание привлекла рукописная книга в переплете, скрепленном металлическими застежками. Страницы потемнели, покрылись пятнами, вероятно, ее читали при свете свечей и закапали воском. Реставрация сделает чудо, и эта редкая книга еще многие годы будет служить читателям.

А вот поступила на реставрацию административная карта Петрограда 1917 года. На ней сохранились названия улиц и номера домов времени Октябрьского восстания. Карта часто спрашивается читателями. В лечебницу ее доставили всего на несколько часов. Пришлось оказать ей неотложную помощь.

Недавно в Отдел реставрации поступил драгоценный документ — тоненькая тетрадочка со статьей В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи». Тетрадочка была «чуть жива»: страницы одряхлели, бумага крошилась, как хрупкое печенье, текст поблек и едва читался.

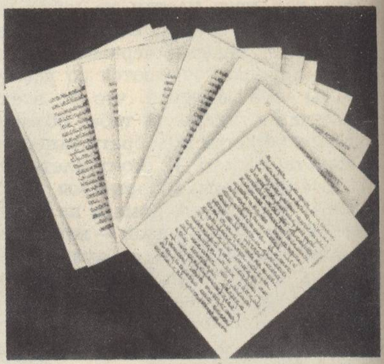
В начале текущего века этой статьей, переписанной из газеты «Студент», зачитывалась революционная молодежь России. Того, у кого находили такую тетрадь, бросали в тюрьму или отправляли в ссылку.

С тех пор прошло шестьдесят пять лет. Собиратель русских рукописей и книг А. Я. Полонский нашел в Париже один экземпляр тетради с ленинской статьей и подарил свою находку ленинградской Публичной библиотеке. Книжные доктора много потрудились над восстановлением пострадавшей от времени тетради. Химия совершила чудо. Листы тетради пропитали таким составом, который сделал бумагу невосприимчивой к разрушительным воздействиям.

«Выздоровевший» документ ленинского наследия пополнил сокровища Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С годами книги стареют, болеют, разрушаются. Почему? Причины разные: от небрежного обращения нерадивых читателей, от пыли, от сырости, солнечного света, дыма...

Прежде чем начать лечить книгу, требуется выяснить, чем она болеет. Пациента разглядывают под микроскопом, созывают консилиум книжных докторов. Они не медики — для лечения книги нужны другие специалисты: химики, биологи, физики, реставраторы. Самые полезные лекарства для больных книг — полимеры и различные синтетические материалы.

Это страницы редкой восточной рукописи, которые побывали в руках у книжных докторов. На нижнем снимке страницы той же древней рукописи до реставрации.

[1] На Фонтанке находятся все молодежные и детские читальные залы и Отдел реставрации и гигиены.

Больную книгу расплетают. Каждую ее страничку, осторожно поддерживая хирургическими пинцетами, укладывают на капроновое сито и погружают в ванну с дистиллированной водой. После бани отмытую от грязи страничку кладут под пресс, иногда облучают целебными ультрафиолетовыми лучами. Потом ее, словно защитным плащом, обклеивают очень прочной прозрачной бумагой, сквозь которую хорошо виден текст. Умытые, укрепленные странички одевают в переплет.

Библиотечная книга не только сама болеет. В Отделе реставрации взяли смыв со страниц старой книги. Посмотрели на него через микроскоп и обнаружили возбудителей ангины, дизентерии, туберкулеза и других заболеваний. Микробы в книге живут по нескольку месяцев. Попадает книга с опасными обитателями к читателю, и он может заболеть. Чтобы этого не случилось, все книги, поступающие в «публичку», проходят «чистилище». Так называется сконструированная в лечебнице вакуумная пароформалиновая камера для дезинфекции книг. Книга помещается на ночь в камеру. К утру болезнетворные микробы погибают. На ее обложке ставят маленькую, едва заметную буковку «д». Это значит: дезинфекция сделана. Без такой визы книгу не впускают в читальный зал.

Для предупреждения болезней книги ее обложку смазывают пастой, уничтожающей вредных микробов; возле книжных шкафов устанавливают приборы, измеряющие температуру и влажность воздуха.

Так Отдел реставрации и гигиены Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина отстаивает жизнь книг, сохраняет их для миллионов читателей.

А. КИРИЧЕНКО

ФЕЯ ПРИХОДИТ В ДОМ МИСТЕРА БЕНКСА...

Фея просто по объявлению приходит в дом, чтобы присматривать за детьми, играть с ними и гулять...

Это чудесное событие происходит в книге буквально на первых страницах, а всего их более двухсот, так вообразите себе, что там будет делаться дальше! И если вы сейчас почувствовали желание взять эту книгу в руки и почитать ее, знайте: ваше чутье не подвело вас, книга действительно замечательная.

Она на́зывается «Мэри Поппинс», так же зовут и фею, которая прилетает в Лондон вместе с восточным ветром. В руке у нее зонтик с ручкой в виде головки попугая и бездонная ковровая сумка. Фея сдержанна, строга, даже несколько резковата, но!..

Но, боже мой, чего только не происходит теперь в доме мистера Бенкса, особенно там, наверху, в детской...

В позапрошлом году наш журнал печатал эту повесть, пока она лежала в издательстве, готовясь к выходу в свет, но для тех, кто тогда не видел «Пионера», я немножечко расскажу о Мэри.

Она очень добрая и справедливая. Чуть заносчива и потому немного смешна, но зато она мила, прелестна и почти что всевластна. Даже язык птиц и зверей она понимает, и все неодушевленные вещи на свете охотно ей подчиняются. Вот она какова, эта Мэри Поппинс,— не королева за тридевять земель из сказки, а почти что явь... Да-да, только не простая явь, а волшебная.

В этой книге о Мэри спрятана, но то и дело лукаво проглядывает заветная мечта едва ли не всякого человека. Это я говорю не только о ребятах, но обо всех вообще читающих и думающих людях. Кто не помнит себя самого, остро и счастливо и несбыточно мечтающего о том, чтобы чудо было на самом деле? Так вот, это книга о чуде. И о чуде рассказано в ней так живо, с такими вероятными подробностями и так увлекательно, что с первой же страницы охотно веришь всему, что тут происходит, и до самой последней страницы только растет и растет веселая радость чтения.

Помню я и то, как «Мэри», еще не книга, а только рукопись на машинке, появилась у нас в журнале. Было это зимой, наш редакционный автомобильчик набрал побольше бензина и покатил, увозя двух наших сотрудников за город, далеко, на поиски маленького поселка средь снежных полей и лесов...

И поселок этот нашелся — полунеобитаемый по зимнему времени, стоял он на маленькой горушке с кривыми заборами, белыми деревьями и кустами. Горка же оказалась на маленьком островке, опоясанном совсем уже маленькой, замерзшей и заваленной снегом речушкой. Там, в теплом доме, разгуливала очень добрая и любознательная собака, с хозяином которой и разговорились наши сотрудники. А на столе лежали в это время сколотые скрепками рукописи, в которых уже летала, разговаривала, изредка улыбаясь, еще неведомая нам Мэри Поппинс — замечательная фея, несбыточная мечта.

Знакомьтесь! Нашего хозяина зовут Борис Владимирович Заходе́р. Он прежде всего прочитал о Мэри по-английски, потому что эта книга английской писательницы П. Трэверс, а затем пересказал ее по-русски. В это же приблизительно время о новой книге узнали в нашем журнале. И вот она уже привезена в «Пионер», с удовольствием прочитана и отдана в руки двум художникам — Владимирову и Терлецкому, которые забрали ее к себе в мастерскую, тоже прочитали и принялись рисовать картинки.

Сообщаю, что теперь (в декабре 1968 года, когда делался вот этот номер «Пионера») вышла из печати книга о Мэри и в ней есть главы, которые мы в журнале не печатали. Стало быть, и тем, кто знает «Мэри Поппинс» по «Пионеру», встретятся в книге новые, неизвестные места, не говоря уже о других, кому книга в новинку. Им я просто завидую...

Наконец, следует сказать и о том, что Мэри, известная всему миру, теперь прекрасно заговорила по-русски и нашла себе местечко на полках в наших библиотеках. Кстати, Борис Заходе́р пересказал лишь две первые книги о Мэри Поппинс, а всего их у писательницы П. Трэверс четыре. Так что впереди у нас с вами весьма приятное ожидание и...

И если в самом деле суждено быть продолжению, то можете быть уверены: наш автомобильчик покатит куда угодно за новыми историями для читателей «Пионера».

С. АРТАМОНОВ

ПОЧЕМУ? ОТЧЕГО?

Дорогая редакция!

Существуют уже самолеты с крылом, которое изменяется в полете, но нельзя ли применить это на космическом корабле?

Чертеж его такой.

Положение № 1 — корабль стоит на земле. Крыльев у него восемь или шестнадцать. Они, как зонтик, раскрываются.

Сначала крыло было плоским, затем раздвинулось.

Но оно раскрывается не само, им управляет человек. Он раскрывает его в космосе вот так (рис. 2).

Но куда же девать третью часть?

А это ступени ракеты с горючим, которые или сбрасываются, когда ракета отлетит от Земли (если, конечно, они пустые), или втягиваются.

И корабль уже в космосе принимает такой вид (рис. 3).

Я очень прошу, если я что-нибудь здесь написал не так, объясните мне.

Вася К.
г. Каменск-Уральский,
Свердловская обл.

ВСЕГДА ЛИ НУЖНЫ КРЫЛЬЯ?

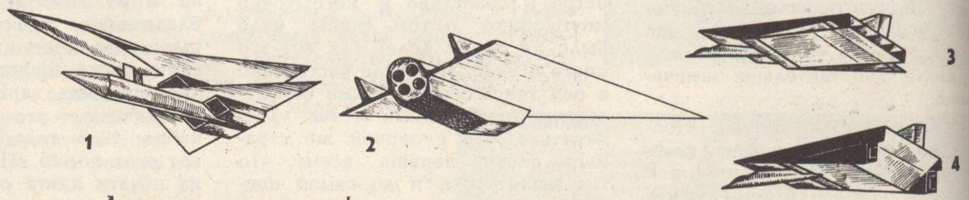
Конечно, вполне можно сделать у ракеты крылья, изменяющие в полете свою форму. Но нужно ли это? Нет, не нужно, и вот почему. Всякие несущие плоскости нужны летательным аппаратам только в воздухе. Только при опоре на воздух крылья и создают необходимую для полета подъемную силу. В космосе опираться не на что, ракета стартует только за счет двигателя, и каждый лишний килограмм груза потребует дополнительного горючего.

А теперь посмотри на эти рисунки. Тебе, наверное, будет интересно познакомиться с предположительными вариантами воздушных кораблей будущего. Вид у них непривычный для нашего глаза, и объясняется это прежде всего тем, что скорости у этих кораблей будут фантастически огромными — выше сверхзвуковой! Это скорости другого, нового класса — гиперзвуковые.

Одним кораблям эта скорость понадобится для длительных полетов в верхних слоях атмосферы, на больших высотах (рисунок 1), другим, самолетам-разгонщикам (рисунок 2),— для того, чтобы за время полета набрать нужную скорость и передать ее орбитальному самолету, соединенному с разгонщиком. Продолжает полет орбитальный самолет, а разгонщик возвращается обратно, на аэродром. Третий класс самолетов (рисунок 3) — те самые орбитальные аппараты. С помощью ракеты-носителя или разгонщика они получают скорость, необходимую для выхода на орбиту спутника Земли.

Возможен в принципе и четвертый класс самолетов, объединяющий два последних. Они сами разгоняются до орбитальной скорости, совершают полет в космосе, сходят с орбиты в плотные слои атмосферы, маневрируют, тормозят и садятся, как обычные самолеты.

О. НАЗАРОВ, полковник

Дорогая редакция!

Я очень люблю природу, но я многого не понимаю или не знаю. Например, почему муравьи раньше людей узнают плохую погоду?

Алеша СЕДЕЛЬНИКОВ
г. Абаза.

«ХЛАДНОКРОВНЫЕ» МУРАВЬИ

И муравьи и все другие насекомые очень точно ощущают изменение погоды. Дело в том, что все они животные холоднокровные. Температура их тела и крови (а кровь у насекомых бесцветная или зеленоватого цвета) изменяется вместе с похолоданием или потеплением окружающего воздуха. А если меняется температура живого существа, отзывается весь его организм. Поэтому, чуть погода нахмурится, муравьи начинают беспокоиться, стремятся попасть поскорее в муравейник и поплотнее закрыть все «двери» в своем жилище. А мы часто и не замечаем всего этого: ведь у человека постоянная температура 36,6° при любой погоде.

Н. НОСКОВА,
биолог

Здравствуй, дорогой «Пионер»!

Я хочу обратиться к тебе с вопросами, которые меня очень волнуют. И ответ на них мне необходим.

Вопрос 1. Может ли вспышка на Солнце или другое явление повлиять на работу ядерного двигателя, установленного на планетолете, который находится на орбите Земли?

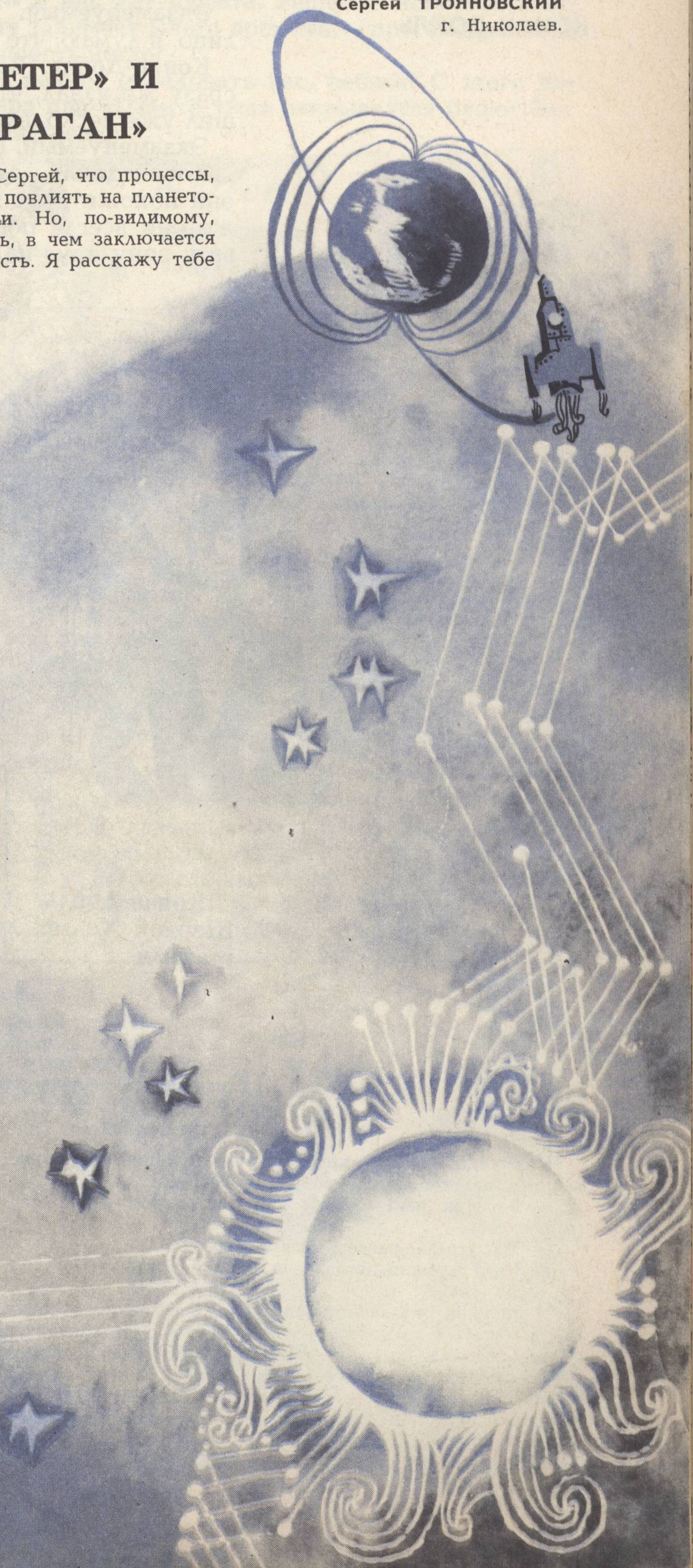
Вопрос 2. Может ли изменение магнитного поля Земли или магнитные бури повлиять на работу ядерного двигателя, установленного на планетолете, который вошел в атмосферу Земли?

С нетерпением жду ответа.

Сергей **ТРОЯНОВСКИЙ**
г. Николаев.

«СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР» И «СОЛНЕЧНЫЙ УРАГАН»

Ты правильно предположил, Сергей, что процессы, происходящие на Солнце, могут повлиять на планетолет, движущийся вокруг Земли. Но, по-видимому, ты не очень себе представляешь, в чем заключается это влияние и в чем его опасность. Я расскажу тебе об этом.

Когда Солнце в спокойном состоянии, оно не только освещает и согревает нашу планету. Оно непрерывно посылает на Землю потоки заряженных атомных частиц. Их называют «солнечным ветром». Движутся они с малыми скоростями и не причинят вреда планетолету — просто застрянут в его обшивке.

Но вот на Солнце произошла вспышка. «Солнечный ветер» превращается в «ураган». На Землю с огромными скоростями несутся потоки заряженных солнечных частичек. Такие частички могут прорваться и внутрь корабля, что уже опасно для его экипажа. А насколько это опасно для работы ядерного двигателя, мы сейчас увидим.

Наверное, ты знаешь, что главная часть ядерного двигателя — то место, где находится ядерное «горючее», например, тяжелое вещество — уран. Атомы урана очень тяжелые. Они нафаршированы таким количеством атомных частичек, что напоминают до предела надутый резиновый шарик. Если еще хоть чуть-чуть дунуть в такой шарик, он лопнет. То же самое произойдет с атомом урана, если он «проглотит» еще одну атомную частицу. В этот момент и выделяется та огромная энергия, которую называют атомной, или ядерной. В этот же момент из атома урана вылетает несколько атомных частиц. Некоторые из них проникают в другие атомы урана, те тоже лопаются и тоже выпускают несколько частиц — идет цепная реакция. В нормально работающем атомном двигателе одновременно разваливается огромное число атомов урана, поэтому и выделяется громадная энергия. Значит, ядерное горючее непрерывно пронизывается множеством атомных частиц. Их намного больше, чем солнечных частиц, которые могут попасть в планетолет даже при самой сильной вспышке. Поэтому ядерный двигатель просто не почувствует ни «солнечного ветра», ни «солнечного урагана».

Теперь посмотрим, чем грозят космическому кораблю магнитные бури. Земля — это слабый постоянный магнит, и, как всякий магнит, она окружена магнитным полем. Частички «солнечного ветра», приближаясь к Земле, влияют на ее магнитное поле. Величина магнитного поля при этом меняется, хотя и очень слабо. Когда же на Землю обрушивается «солнечный ураган», ее магнитное поле резко изменяется: на «ураган» оно отзывается магнитными бурями. Правда, мощность такой бури невелика: она нарушает радиосвязь, заставляет дрожать и колебаться стрелку компаса, но она никак не может повлиять на цепную реакцию огромной мощности, которая идет в ядерном двигателе планетолета.

В. ЧЕРНОГОРОВА,
научный сотрудник
Объединенного института
ядерных исследований в г. Дубне

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

Близнецы-невидимки

Конан-Дойль. Проникший в банк преступник по неосторожности привел в действие не только сигнал тревоги, но и потайную фотокамеру. Правда, ему удалось скрыться, но в распоряжении Шерлока Холмса оказалась его фотография. Вот она перед вами.

Экзаменуемый. У преступника очень запоминающееся лицо, я думаю, что его нетрудно будет найти.

Конан-Дойль. Взглянув на фотографию, Шерлок Холмс сразу же узнал, что это один из братьев Б., который совершил уже несколько преступлений.

Экзаменуемый. Почему же их не задержали раньше?

Конан-Дойль. Дело в том, что эти братья — близнецы, они похожи друг на друга как две капли воды. Действуют же они всегда поодиночке, что позволяет им затем сваливать вину друг на друга, сбивать с толку свидетелей и запутывать следствие.

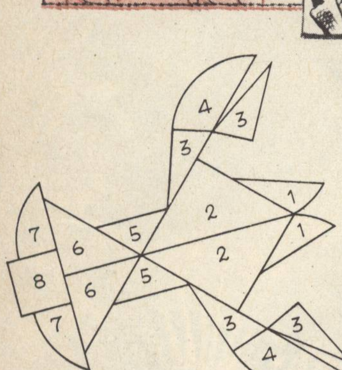

Экзаменуемый. Что же предпринял на этот раз Шерлок Холмс?

Конан-Дойль. В сопровождении фотографа в ту же ночь, когда был совершен налет, он побывал у обоих братьев, живших недалеко друг от друга. Каждый из братьев, как всегда, отрицал свою вину. Вот вы видите их на этих двух фотографиях. И все же на этот раз у Шерлока Холмса оказался в руках веский довод, позволивший определить виновного.

Экзаменуемый. Какие вопросы задал Шерлок Холмс братьям?

Конан-Дойль. Дело не в вопросах. Все, чем располагал Шерлок Холмс, делая свой вывод, находится у вас перед глазами.

СДЕЛАЙТЕ САМИ

Драка из-за рака

На куске плотной красной бумаги Миша нарисовал рака, аккуратно вырезал его и показал своему другу Коле.

— Вот так рак! Совсем как настоящий! — закричал Коля и потянул рака к себе.

— Ты что?! — рассердился Миша.

Раз!!! И клешня осталась в руке у Коли.

— Ах так!

И рисунок оказался разорванным на мелкие кусочки. Ребята стали их складывать и с удивлением увидели, что из этих кусочков можно сложить не только рака, но и вот такие фигуры: квадрат и круг.

Попробуйте-ка и вы нарисовать рака, разрежьте его на части, как показано на рисунке, и сложите из них квадрат и круг. А потом, наоборот, предложите кому-нибудь из ваших товарищей сложить из частей, составляющих квадрат и круг, рака. Только, пожалуйста, если при этом у вас возникнут споры, разрешайте их мирным путем.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

ПРИВИВАЕМ БУКВЫ

Как вы думаете, много ли есть таких слов, в которые можно вписать еще одну букву так, чтобы получалось совсем новое слово?

Попробуйте проделать несколько опытов, и вы убедитесь, что слова очень неохотно поддаются таким «прививкам». Однако в составленном мною списке в словах: проба, кокс, кубок, прок, кора, лень, рот — в каждое слово можно вписать еще букву, и оно приобретет совсем другое значение. А если выписать подряд все эти вмонтированные буквы, то из них составится имя героя хорошо вам известной сказки!

Нарисуйте его и пришлите мне.

Приятного аппетита!

Нередко посетители «Палаты ума» жалуются, что у нас нет буфета. Решение некоторых задач занимает много времени,— проголодаешься, а поесть негде!

Спешим обрадовать вас, ребята! С этого номера при «Палате ума» открывается буфет. Вот наше меню:

Конечно, как вы догадались, названия разных блюд и фруктов, которые предлагаются вам в буфете, нужно составить из всех букв, входящих в слова, расположенные слева. Как только вы добьетесь правильного решения, вам немедленно—разумеется, совершенно бесплатно—выдается то, что у вас получится. Приятного аппетита!

ОБЪЯВЛЕНИЕ

При буфете открыт стол заказов. Заказы принимаются только в том случае, если названия блюд предварительно так же разбиты на два или три слова, как в сегодняшнем меню. Лучшие заказы мы обязательно опубликуем.

Шеф-повар Дед Буквоед

Рисунки А. БОРИСОВА

Лестница-чудесница

Лестницей-чудесницей мы называем эскалатор. На рисунке вы видите другую лестницу. Присмотритесь к ней повнимательнее, попробуйте походить по ней, и вы вскоре убедитесь, что она тоже обладает чудесными свойствами. А вот какими?

Напишите мне и подумайте, можно ли такую лестницу построить?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ СТАКАН

Только рейс 1—2—3—5—4—1 составляет в сумме 28 километров, и, значит, ферма № 4 последняя, на которой побывал скупщик молока.

ВОЛШЕБНАЯ ТАБЛИЦА

Вот как путешественник решил задачу: 1. со-ты 2. коза. 3. ви-ка. 4. жа-ло. 5. но-ша. 6. ла-ва. 7. ро-са. 8. се-ра.

КРОКОДИЛ НА ДИЕТЕ

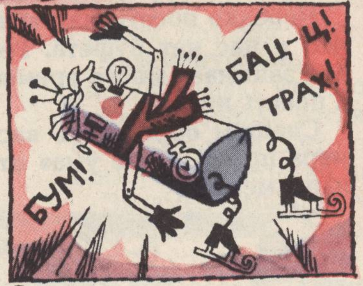
Крокодил может еще вписать в свое меню: кролик и корки.

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СМЕХОТРОНА И ПОЛИГЛОТА НА ЛЬДУ И В ПОДНЕБЕСЬЕ

1

Вчера Смехотрону подарили коньки с ботинками. Он обрадовался и тут же сказал: «Я — конькобежец!» А потом прибавил: «О, я — великий конькобежец и сейчас поставлю какой-нибудь рекорд...» Затем, обув новые ботинки, он вышел на улицу, которая, заметьте, вела под горку и круто! Тут надо сказать, что Смехотрон еще никогда на коньках не стоял...

2 И не встанет. Он гадает, где у коньков тормоза.

3 Вы думаете, что ему нужен гуталин? Чистильщик тоже так думал и ошибся.

4

Решите задачку! Могла ли собачка по имени Фрукт спокойно видеть, как будка кружит над щеткой, чистильщик вокруг своего клиента, а из телефона-автомата головою вперед катапультировался какой-то неизвестный? «Алло! — кричал он.— Я вас не слышу!»

Смехотрон в ответ: «Потерпите, я, кажется, вас угощу мороженым...»

5 Точно, это был прекрасный пломбирный взрыв.

6 Полиглот уходил на поиски новых слов для Словаря Птиц, Людей и Зверей, когда перед ним очутилась вся эта куча народу. Как быть?

7 Смехотрон нашел выход. «Втроем мы надуем шарики. Привяжем стол...»

8 Надули, подцепили и... и полетели! Однако город уже позади, а полет продолжается! «Тем лучше! — сказал Фрукт.— Сверху я выслежу ту кошку, которую ненавижу больше других». Но шар лопнул.

9 Стали падать... «Тяжелые предметы за борт!» — скомандовал Смехотрон. «Тяжелые... Ага, есть!» — И Полиглот выкинул Смехотрона...

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: Москва, А-15.
Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00020. Подписано к печати 3/II 1969 г. Формат бумаги 84×60$^{1}/_{8}$. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 170 000 экз. Изд. № 390. Заказ № 151.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Известно, что даже самый слабый мальчишка гораздо сильнее скворца, или грача, или ласточки. Тем более что птицы, которые сейчас прилетают к нам, ослабели после тяжелого и длинного пути над пустынями и морями.

Стало быть, СИЛЬНЫЙ ДОЛЖЕН ПОМОЧЬ СЛАБОМУ!

А самое главное — не давайте никому разорять птичьи гнезда, это САМОЕ ГЛАВНОЕ! Для этого создавайте отряды «зеленых патрулей», вступайте во **ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ!**

Ребята, подкармливайте птиц!

Стройте домики птицам, чтобы никто из крылатых переселенцев не остался у нас без квартиры.

Хорошо отметить у себя в школе ДЕНЬ ПТИЦ. Можно устроить целое шествие со скворечниками, с птичьими масками и лозунгами. Так в ряды защитников птиц вы привлечете новое множество ребят. И, если за дело приметесь горячо, вам все помогут, будет интересно и весело и полезно для птиц, которые вот уже летят к нам, а кое-кто уже прилетел...

